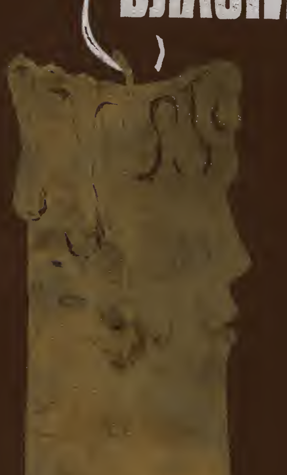
Юрий
Феофанов

БРЕМЯ ВЛАСТИ



Возвращение к истокам.

Дочки Арбата.

Грузчик Иван Демура — ,,враг народа''.

Судьба под № 117.

Ложь во спасение?

Двое на вершине.

Честь мундира.

Бочарниковых.

... ничего.

ах.

БРЕМЯ
ВЛАСТИ

1

ВЛАСТЬ
И ПРАВО

2

ТРУДНЫЕ ПУТИ
ЮСТИЦИИ

3

ПРОШЛОЕ
НЕ ЗАБЫТО

Юрий
Феофанов

БРЕМЯ ВЛАСТИ

Москва
Издательство
политической
литературы
1990

ББК 63.3(2)7
Ф42

Феофанов Ю. В.
Ф42 Бремя власти.— М.: Политиздат, 1990.—287 с.
ISBN 5—250—00888—7

Как же подобиое в те годы случнлось? Это один нз вопросов, который задает автор — популярный публицист, обозреватель газеты «Известия», рассказывая о безвинно осуждеиных в годы культа личности, а сейчас реабилитированных. В публицистическнх очерках делается попытка показать как истоки злоупотреблеиий властью, беззаконий, так и их последствия, докатившиеся до наших дней. В судебных же очерках рассказывается о борьбе с преступностью, говорится об издержках этой борьбы, нарушеиии законов. Автор затрагивает этот вопрос ие в юридическом, а в публицистическом плане Он приглашает читателей поразмышлять о путях укреплеиия закоиности и строительства правового социалистического государства.
Предиазначается для массового читателя.

Ф $\frac{0803010200-061}{079(02)-90}$ 199—90 ББК 63.3(2)7

ISBN 5—250—00888—7

Предисловие

Перестройка, начатая в апреле 1985 года и закрепленная в решениях XXVII съезда партии и XIX Всесоюзной партконференции, поставила во главу угла вопрос о власти — коренной вопрос для всякой революции. В документах этих партийных форумов был дан недвусмысленный ответ: развитие политической системы должно завершиться созданием правового государства, когда государство будет столь же ответственно перед гражданином, сколь гражданин перед ним. Иными словами, между Властью и Человеком будет находиться Право. В 1989 году сделаны первые шаги для осуществления реформы политической системы: состоялись Съезды народных депутатов СССР, две сессии Верховного Совета СССР.

Так вопрос о власти никогда не ставился в России. Не был он в таком ракурсе поставлен и после победы Октябрьской революции. Революция сломала государственную машину, служившую эксплуататорам, создала власть, по идее основанную на народном представительстве. Но само это представительство, в качестве носителя верховной власти, не сумело по ряду причин, в том числе объективных, развиться и утвердиться. Советская власть много делала для трудящихся, но не через трудящихся, о чем говорил В. И. Ленин.

Попытки демократизации общества в первые месяцы после Октября были оттеснены гражданской войной и иностранной военной интервенцией, утверждение законности вынужденно уступало место чрезвычайным мерам, необходимым для борьбы с контрреволюцией. А потом... потом слишком мало времени осталось для

укрепления демократии и права. Ленин многое наметил, но, увы, не все успел... Утвердиться началам демократии и законности в последующие годы помешала борьба за власть в верхах партии. А если честно, то наследники Ленина меньше всего собирались проводить в жизнь эти его идеи. Что Сталин, что Троцкий, что Каменев с Зиновьевым, что Бухарин — никто из них не думал о демократических противовесах авторитарной власти, о самой идее подчинения ее праву. Народ же... народ безмолвствовал. Получив столь много от революции материально, он видел справедливость лишь в более или менее равномерном распределении житейских благ да в уничтожении эксплуататоров и богатеев. И к тому же никакого опыта участия в управлении делами общества и государства у трудящихся не было, а законы они воспринимали как извечно враждебную силу.

Советскому государству досталось тяжелое правовое наследство. Рабство в России было отменено за полвека до Октября. Слово «гражданин» даже в узком сословном кругу появилось лишь при Екатерине II. А до того не только холоп, но и князь, и бояри называли себя рабами. Воля монарха была единственным законом, его приговор и в мыслях обжалованию не подлежал. Иван Грозный проливал потоки крови по неотъемлемому праву царя — в этом не сомневались ни палачи, ни их жертвы.

Цивилизованное право в России только-только начало обретать ценность после судебной реформы 1864 года. Но не успели демократические начала утвердиться в судопроизводстве, как началось наступление реакции. Особенно после 1 марта 1881 года — дня убийства Александра II. 1905 год принес некоторую «свободу», которую быстро сменил столыпинский режим. Праву не давали утвердиться.

Сразу после Октябрьской революции В. И. Ленин выдвинул перед новой юстицией в качестве первоочередной задачи научить трудящихся «воевать за свое право». Но судьба и на сей раз распорядилась не в пользу демократии и права.

Осуществляя нынешнюю перестройку, мы предпринимаем сложные преобразования. Возвращаемся к ленинским идеалам государства, демократии и права и одновременно двигаемся вперед.

Сумеют ли Съезды народных депутатов СССР и избранный Верховный Совет овладеть реальной властью

возродить ленинскую концепцию полновластия Советов? Послереволюционное развитие показало — и Ленин это неоднократно признавал,— что утвердившаяся тогда система на деле не дала полновластия Советам и вылилась в их подмену исполкомами и другими органами, прежде всего партийными. Известно, что В. И. Ленин в период нэпа стал вести дело к обеспечению независимости судов, усилению роли Советов в руководстве исполнительными органами, самоосвобождению партии от несвойственных ей функций. Но потом это его дело было надолго и основательно погребено под плитой сталинской диктатуры. Во что превратилось правосудие — общеизвестно.

Но при самых критических оценках искажений нашей политической системы в давнем и недавнем прошлом нельзя отрицать тот положительный факт, что исполкомы, пусть и подмявшие Советы, те самые районные, областные, краевые исполкомы всегда имели перед собой задачу накормить людей, одеть их, дать им крышу над головой. Пусть это не всегда получалось, пусть порой получалось плохо, но тяжкое бремя власти, заключающееся в заботе о материальных нуждах людей, они несли всегда. И эта созидательная сторона деятельности исполкомов не должна забываться. Трудная, но благородная работа. И поэтому в ней не умерла ленинская идея созидательной деятельности Советской власти.

Вообще, власть, как мне представляется, имеет три ипостаси. Первая: обеспечивать законные права граждан, их конституционные свободы всегда и во всем, вопреки всяким иным соображениям. Вторая: утверждать право как стержень общественных отношений, а поэтому самой уметь подчиняться праву. И третья, о которой только что говорил: хозяйственно-созидательная.

Эту книгу мне и хотелось бы начать с рассказа об опыте исполкомов Советов именно в третьей ипостаси. Что касается первых двух, то тут, пожалуй, опыт очень скуден, если он есть вообще.

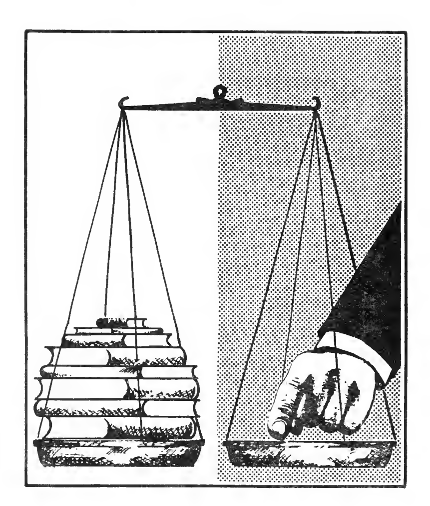
Однако власть — это не только Совет народных депутатов и его исполком. Правосудие — важнейшая составная часть государственной власти, и ему уделено в книге много места. Весьма влиятельна власть следственно-розыскная. Она подверглась у нас особенно дикой деформации. Отрыжка всевластия «органов» чувствуется до сих пор. И этому тоже посвящено в книге много страниц.

Когда эта книга появится на прилавках книжных магазинов, многое в структуре и принципах деятельности власти изменится — пройдут выборы в высшие органы государственной власти союзных и автономных республик, местные Советы народных депутатов. Принятые в 1989 году на Съездах народных депутатов СССР и сессиях Верховного Совета СССР законы и другие нормативные акты дали Советам более широкие, а главное, реальные права. Советы новых составов изберут судебные органы. Причем республики получили право учреждать суды с присяжными заседателями. Признано, что это наиболее демократическая форма судопроизводства, но как она станет работать, покажет лишь практика. Законодательно закреплено право подозреваемого на защиту с помощью адвоката с момента задержания, что существенно повлияет на предварительное следствие, поставит его под контроль права.

Все это — уже реальные шаги к демократическому обществу и правовому государству. Изменит ли это характер власти? Повернет ли лицом к человеку? Будем надеяться, что да. Но одно несомненно: возврат к прошлому вряд ли возможен, остается извлекать из него уроки.

1

ВЛАСТЬ И ПРАВО



Подчиняться закону

В 1986 году летом по заданию Президиума Верховного Совета СССР я находился в Орловской области. Тогда вышло постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР о дальнейшем повышении роли Советов народных депутатов. Поручение состояло в том, чтобы познакомиться на месте, как началось выполнение этого постановления, которое окрестили «тройственным» по числу подписавших его инстанций. Было оно большим по размеру, очень подробным, но не легко усваиваемым даже советскими работниками и хозяйственниками. Содержалось в нем немало противоречий, недоговоренностей, а некоторые положения просто было трудно, а то и невозможно реализовать, если министерства и ведомства не «шли навстречу». Однако надежды на это постановление тогда возлагались большие.

Сейчас, когда мы действительно кардинально начали осуществлять реформу политической системы, когда совсем новую структуру получили высшие эшелоны власти, а на очереди — серьезные программы столь же радикальных перемен в сфере местного самоуправления, когда, наконец, самостоятельность Советов и демократизация их деятельности ложатся на правовую основу, становится ясным, что многие акты «о дальнейшем повышении» роли органов власти не затрагивали самого существа народовластия. Все это были попытки подлатать, подправить всю ту же командно-административную систему, в жестких рамках которой текла государственная и во многом общественная жизнь. Однако тогда, летом 1986 года, указанное постановление воспринималось как

серьезный шаг в осуществлении лозунга «Вся власть Советам».

Во время одной из встреч в исполкоме Орловского горсовета моим собеседником оказался старый исполкомовский волк, до больших должностей не дослужившийся, однако чувствовавший себя носителем власти. Понятно, он сетовал на разные бюрократические препоны, на скудость городского бюджета, отсутствие фондов, материалов и т. д. и т. п. Словом, был обычный для того времени разговор. Особенно он ополчался на предприятия союзного подчинения, расположенные в городе. Говорил, что не очень часто, но и не столь уж редко на какие-то просьбы или требования горсовета следует «нет» без всяких объяснений, а это роняет авторитет власти. Я бросил стандартную реплику: авторитет, мол, завоевывается делами. Собеседник изрек тогда «афоризм»: «Власть в завоевании авторитета не нуждается. Власть сама по себе авторитет».

Какой-то резон в этом есть. Допустим, что есть. Но вот что смешно и грустно. Когда разговор перешел на созидательные дела исполкома, автор афоризма стал жаловаться: не могут они построить позарез нужный городу объект из-за неполучения запланированных фондов.

— Ну,— говорю ему,— и положились бы на природный авторитет власти.

А он в ответ:

— Если бы... На все просьбы — крутись, говорят, как хочешь... Не поможет ли газета...

Так в одном разговоре и предстал передо мной орган власти в разных срезах.

Да, власть — авторитет уже в силу того, что она власть. Она может безапелляционно командовать подчиненными ей лицами и организациями, но... Но фондовто этой власти все равно не дадут, хоть на животе ползай, хоть кулаком по столу стучи.

Вот ведь оно «бремя власти» в чисто житейском, может быть, даже несколько мелочном разрезе: власть должна кормить, одевать, строить. А не только командовать.

Тогда же, в ту поездку, как, впрочем, и при командировках в другие места, я много знакомился с практической работой органов власти. И всегда невольно приходил к подтверждению тех выводов, которые сначала негласно, а после апреля 1985 года во всеуслышание делало общество: никакой власти у органов власти нет, вся власть сосредоточилась в партийных комитетах (рай-

комах, горкомах, обкомах и т. д.), там все решают, а Советы... Но, между прочим, люди, население, народ предъявляли в первую очередь требования к тем, кого выбирали, в ком были уверены, кого продолжали считать властью. Несколько все упрощая, можно сейчас сказать, что перестройка в области государственной и общественной жизни и заключалась в том, чтобы все расставить по своим законным местам: партии — осуществлять политическое и идеологическое руководство общественными процессами, Советам — властвовать на пользу народа и под его демократическим контролем.

А летом 1986-го я скорее знакомился не столько с тем, как Советы властвуют, сколько с тем, как им приходится «крутиться», дабы не уронить себя в глазах людей и все-таки делать дело. И должен сказать: как бы мы ни ругали наши Советы тех времен, ни острили по поводу их приниженности, надо отдать должное их работникам — они-таки тянули неподъемный воз, проявляя истинный энтузиазм и деловую сметку, практически почти из ничего делая нечто.

В Мценске в ту поездку я познакомился с председателем райисполкома Валентином Ефремовичем Цукановым. Человек он очень любопытный. Энтузиаст. Не чего-то определенного, как бывают энтузиасты, скажем, изучения и охраны памятников старины или собирательства коллекций. Цуканов был одержим делом. Тем, которое у него находилось в руках. Чуть сутуловатый, провинциально одетый, он загорался, когда говорил о том, что в тот или иной момент надо делать: пробивать, доставать, ломиться сквозь «нет», «нельзя», «невозможно».

Кто знает, что значит утвердить проект, достать стройматериалы и создать нечто в неустановленном порядке, тот не удивится последующему рассказу. Кто с этим не знаком, скажет — фантастика.

Как-то был председатель райисполкома в колхозе «Светлый путь», расположенный в деревне Аниканово, и увидел там заброшенную братскую могилу.

— Да что же это у вас, мужики, делается?— удивился и возмутился Цуканов.— Недавно ведь сорокалетие Победы отпраздновали...

— Мы тут было привели все в порядок. Но, видите... осень, дожди,— отвечали в колхозе и сельском Совете.

— При чем тут осень? Из вашей деревни сколько людей с фронта не вернулось? А из соседних? Эх! Вот могила братская... Люди за вашу деревню жизни отдали...

А почему бы вам здесь не создать что-нибудь... В Волгограде были? В Киеве? Пусть будет... мемориал в Аниканове. А?

Председателя мужики слушали, как положено слушать начальство... Но посмеивались: эк куда хватил... Киев, Волгоград. Тут, брат, сами деревни недавно еще исчезали, а ты —«мемориал». Словом, мужчины чесали затылки, а вот женщины зажглись, очень горячо откликнулись: сразу же собрали 2 тысячи рублей. Некоторые вдовы погибших целиком пенсию вносили. Это было на месте. А вот в областных инстанциях сказали: «Фантастика». Там подсчитали, что братскую могилу к 9 Мая (разговор шел в ноябре) подправить, конечно, можно, но чтобы за такой срок мемориал!.. Да проект один за год не сделают...

Мы были в Аниканове с мценским председателем райисполкома В. Цукановым и заместителем председателя облисполкома С. Хохловым. И Александр Степанович подтвердил:

— Сделать это быстро было невозможно, требовалось как минимум три года.

Сельсовет должен был «войти» в райисполком, тот — в облисполком. Потом заказ на проектирование, подготовка документации, технико-экономическое обоснование. Надо было еще найти архитектора, через худфабрику скульптора — чтобы создать фигуру «Скорбящая мать». Затем включить все это в план строительной организации. А стройматериалы? Да еще гранит...

Мемориал в Аниканове был открыт утром в День Победы. Ночью заканчивали «Скорбящую мать». В великий день односельчане увидели надгробные плиты с именами своих земляков: «Погибшие. Без вести пропавшие». И Вечный огонь...

Это дорого стоило лично Цуканову. Райархитектора он засадил за проект личным распоряжением, скульптора самодеятельного у себя нашел, рабочую силу дала ему деревня. Отливку для вазонов сделал завод союзного подчинения, облицовку — мастер-умелец из ПМК... А гранит...— в гранит никто не верил. Нашел его сам председатель в Москве, в «Моспромстройматериалах».

Мемориал специалисты оценивают (работы, разумеется) в 100 тысяч рублей. Официальных затрат было всего 20 тысяч.

— Они — законные?— все же поинтересовался я.

— Банк может подтвердить,— ответил Валентин Ефремович.

Власть сладостна. Но все же испокон веков говорят: «бремя власти». Именно так и понимал свой долг председатель Мценского райисполкома, взвалив на себя бремя власти, но вряд ли он ощущал ее сладость.

Сколько копий ломается по поводу того, где же в выполнении Продовольственной программы место Совета. С одной стороны, райком партии, который «головой отвечает» за сельское хозяйство, с другой — агропромышленные объединения, в руках которых материальные средства. Райком, по идее, работает с людьми, а объединения — со специалистами, техникой и землей. А что же тут делать власти?

— Быть организатором. Не решения принимать,— говорит мне Валентин Ефремович,— а конкретное дело налаживать. Вопросы решать. Те, что не разрешимы ни для кого.

Мценск на время уборки посылает в село примерно 500 человек. Неэффективно. Как-то надо сломать этот неразумный порядок. Но, что там ни говори, все равно селу помогать надо. И решили, казалось бы, неразрешимое. Создали уборочно-транспортный комплекс района: 170 комбайнов, 30 КамАЗов, 20 тракторов. Райисполком убедил вышестоящие органы признать комплекс юридическим лицом. И во время страды из Мценска по договорам с колхозами (40 рублей за убранный гектар) к ним оперативно, по мере надобности направляли отряды.

Собственно, в принципе ничего не изменилось. То же количество людей, те же единицы техники. Но ведь разумная перегруппировка сил — основа побед на полях сражений: не числом, а умением.

Но для такого стиля нужна компетентность. А на практике еще очень часты формулировки исполкомовских решений: «обязать», «обеспечить», «потребовать». Их с головой выдает дилетантство.

С председателем Орловского горисполкома Анатолием Александровичем Мерцаловым мы говорили на самую больную тему жизни города: о взаимоотношениях Советов с ведомствами и о том, как ведомства заставить более близко воспринимать городские заботы.

— Если мы, советские работники,— говорил мне Мерцалов,— не станем вникать в производственные дела предприятий любого подчинения, если отстранимся, сославшись на «свое место», считайте, останутся одни исполкомовские печати.

— Очевидно,— говорю ему,— Совету надлежит вникать в ту часть хозяйственной деятельности, что непосредственно связана с жильем, благоустройством территории и т. д.?

— Нет, нет и нет!— возражает он.— В само производство! Это дело власти. Советской власти. Потому что у нас, в нашей стране, предприятие не отгорожено от социальных проблем населения. А ведомства как раз и стараются отгородиться, иногда очень успешно. Но это отклонения, а не принцип. Мы не можем пойти на возведение некоей стены: заводу только технология, исполкому Совета — все остальное.

И Мерцалов предложил:

— Поедемте, я покажу вам дом. Если бы исполком не встал на пути технологического авантюризма, не пресек его, дома не было бы совсем.

А история с «технологическим авантюризмом» такова. Есть в Орле объединение «Дормашина», которое создало перспективные проекты грейдера и погрузчика. Министерство этим очень заинтересовалось, и был запланирован производственный рывок — увеличение выпуска сразу на 20 процентов. Горисполком, узнав, что под этим рывком нет никакой социальной подкладки, засомневался. При горисполкоме был создан технико-экономический совет — авторитетный консультативный орган. И он-то пришел к выводу: не вытянут, а значит, уйдут «в металл» отчисления в фонд социального развития и город недосчитается 80-квартирного дома. Местная власть настояла: реально и целесообразно увеличение годового производства лишь на 5 процентов. Вряд ли удалось бы ей настоять на своем, если бы не твердая позиция горкома партии. С его помощью добились успеха. И вот результат. Производство не дергалось, избежало штурмов, авралов и неизбежных срывов. Объединение уверенно, но не рывками набирало темпы. И только поэтому город получил новый дом...

Нет, если власть хочет быть авторитетной, она должна быть эффективной в любой сфере. Коль на территории Совета есть производство, сколь угодно специфическое, значит, есть там и специалисты. А чтобы они работали на общегосударственные интересы, не были связаны только ведомственными целями, надо соответствующим образом организовать дело. Однако факт остается фактом: в 1986 году Совету без горкома партии ничего бы не удалось сделать.

Ну, хорошо: положим, власть горсовета для союзного министерства не авторитет. А по отношению к населению? По словам моего исполкомовского философа, «власть в авторитете не нуждается, она сама авторитет». Что не так — запретил и дело с концом.

Между прочим, нужны также усилия и для того, чтобы организовать и запрет — простейшую, как иногда считают, функцию власти.

Население — не ведомство, оно фондами и средствами не располагает. Тут вроде бы все проще: принял волевое решение и добивайся исполнения, лишь бы прокурор не опротестовал. Но и в рамках закона можно столько нагородить, что люди будут недоумевать и возмущаться. Любой запрет тоже должен быть компетентным.

Я вот часто обращаю внимание на примелькавшиеся запретительные вывески: «по газону не ходить», «выгуливать собак запрещено», «в вагон с... входить не разрешается», «клиент обязан»... Да просто «вход запрещен»— и точка. И никакой дополнительной информации. А почему, собственно, запрещено? Кто обязал? Почему «не входить»? Вообще, кто командует всеми этими запретами?

Время от времени я пытаюсь выяснить автора запретов и его на сей счет полномочия. Безнадежное дело. Потому что издаются эти «правовые акты» при отсутствии всякой гласности, бесконтрольно со стороны законной власти. Зато поддерживаются порой всей мощью милиции, кстати говоря, непосредственно подчиненной исполкому Совета. Разумеется, авторам всяческих «обязан» и «не ходить» запрещено действовать помимо закона, брать на себя функции власти. Но декларированного запрета недостаточно.

Думаю иногда, почему бы исполкому не оглядеться вокруг на все это безобразие, творящееся на его территории? О каком престиже органа власти в глазах населения можно говорить, если конфликт гражданина и официантки решает милиционер, явившийся из кухни? Да это же такое ЧП, если хотите, что начальник милиции должен наутро держать ответ перед исполкомом — властью, призванной обеспечить законность в своих владениях. Уж для наведения порядка никаких фондовых дефицитов не требуется. Требуется одно: осознать себя властью — защитницей прав своих граждан.

Вспомним о перегибах в применении указа о нетрудовых доходах. Но кто же, как не исполком, олицетворяю-

щий Советскую власть, должен был «пропустить сквозь себя» новую норму права, выработать стратегию и тактику ее применения? Если бы власти пропустили указ «сквозь себя», разве допустили бы они кордоны у ворот рынков перед бабушкой с пучком укропа? Разве позволили бы рубить пленки над «теплицами» в три квадратных метра? Власть должна быть строгой, но не досадливой. Да, оставаться спокойным и трезвым в любой ситуации нелегко. Следовать закону всегда и во всем — это тяжкая ноша. Но в этом-то и заключается бремя власти. Ее ответственность перед народом.

Лишь действия, продиктованные законом, создают власти стойкий авторитет. А в частных конфликтах шараханья из стороны в сторону особенно нетерпимы. Человек в таких случаях попадает в невыносимую ситуацию, и уж не знаю что он думает при этом, когда низко падает в его глазах авторитет тех, за кого на выборах он отдал свой голос.

У органа власти отношения с законом особые. Разумеется, Совет должен действовать в рамках закона. Но этого мало. Надо проводить его в жизнь так, чтобы все было на пользу людям. Нормы права сами по себе не действуют, их надо применять. Орган власти играет тут первую скрипку. Но всегда ли он берет верную ноту — вот в чем еще вопрос.

Вспоминаю историю одной семьи. В 1976 году они купили под Москвой две трети дома, чтобы использовать их в качестве дачи. И с разрешения исполкома поссовета произвели капитальный ремонт, в результате чего был увеличен размер площади. Исполком поссовета принял дом в эксплуатацию, все как надо оформил. Однако райисполком решение не утвердил. Исполком поссовета тут же все «перерешил» и повелел семье выселяться. Началась судебная тяжба: дважды разные нарсуды отказывали исполкому в иске, дважды их решения отменялись. И наконец, уже в 1984 году, дом решили изъять, ибо нарушение все же было.

У меня нет никаких оснований ставить под сомнение юридическую силу этого решения. И даже тот факт, что семье не дали возможность привести дом в то состояние, которое отвечало бы всем требованиям, я не вправе оспаривать — раз суд решил...

Но вот на какие мысли наталкивает эта история, каких слишком много. Если исполком поссовета дал разрешение, то как же с легкостью необыкновенной он может тут

же его отменить? А если первое (разрешительное) было незаконным, кто отвечает за это? И кто возместит затраты, сделанные гражданином в «разрешенный период»? А никто!

Мы от человека требуем принципиальности, высмеиваем тех «флюгеров», что идут к начальству с одним мнением, а возвращаются с другим и называют это «обменом мнениями». Но органу-то власти вовсе неприлично такое шараханье. В глазах гражданина никакими масштабными стройками в таких случаях престиж не поднимешь. Он уж точно будет знать — власть только в центре, а в его поселке таковой нет...

Практика свидетельствует: если даже основательно обессиленная власть Советов и их исполкомов контролируется только сверху (вышестоящей инстанцией или находящимся обычно в том же здании райкомом партии), но недоступна праву и демократическим институтам, даже такая, повторю, обессиленная власть забывает о бремени ответственности и превращается в некий административно-распорядительный орган. Совет и его исполком строит, конечно, дома, кормит и одевает людей (или считает, что занимается этим), но делает все это, исходя из указаний и планов, а не из воли тех, кто дал своими голосами полномочия власти. И к этому неизбежно скатится любая власть без правовых и демократических противовесов.

Их пока просто-напросто нет. Но по крайней мере поставлен вопрос об их создании. Вместе с Советом бремя власти должен нести независимый суд, равно как и прокурорский надзор. Пока это скорее программа, но не реальность. И суд, и прокуратура существуют в реальности, но их влияние на власть порою бывает ничтожно.

Я рассказал о встречах на Орловской земле с замечательными советскими работниками, самоотверженно делающими все возможное для людей. Но когда мы начинали говорить о законности действий Советов, исполкомов, о правовых началах, то просто переставали понимать друг друга. Что закон надо уважать — с этим, понятно, никто не спорил. Но чтобы опираться на него в решении вопросов — это, читалось на лицах моих собеседников, от лукавого.

Будем откровенны: до сих пор, несмотря на все перестроечные изменения, власть не очень-то в ладу с законом. Во-первых, она так и не научилась опираться на его силу: и по незнанию законов, и по неверию в них. Но это еще

полбеды. Уяснить законодательство не так трудно. Победить неверие сложнее, однако вполне по силам. А вот захотеть опираться на закон, принять право за первый и абсолютный рычаг власти — вот проблема! Ибо за ней — конфликтная ситуация. Принять право в таком качестве — это же значит ему подчиниться, согласиться на контроль правом.

«Вся власть Советам»— это и лозунг, и догма революции, и программа нынешней политической реформы. Лозунг — действующий, догма — животворящая, программа — благотворная. Изначально этот лозунг отдавал само государство в руки народа. А потом все это было превращено в исторический трафарет. Задача — возродить ленинское понимание Советской власти. Сумеем ли? И каким путем: приказом сверху или же демократическим подъемом снизу? Волевыми методами или правовыми средствами? Советы и право в сокровенной своей сущности, в потенции, в идеале — неразрывны. Кроме них нет иных кирпичей для развития социалистической демократии. И эта идея со всей силой прозвучала на I и II Съездах народных депутатов СССР. Строительство правового государства — дело всего народа и лично каждого гражданина. Мы говорили, что властям трудно, отказавшись от воспитанных за долгие годы амбиций, подчинить себя праву. А рядовым гражданам? Тем, что сами первые страдают от беззакония и произвола?

После выборов в местные Советы в 1987 году, буквально через неделю, я был в подмосковном городе Пушкино — с председателем горисполкома мы готовили беседу для газеты. Поинтересовался, как прошли выборы: в них было много нового. В разговоре участвовал человек, монолог которого я записал почти дословно.

— В середине дня узнаю, что Котов отказывается голосовать, не идет на участок. Я партизаном был в войну, а этот тип 10 лет отсидел за связь с немцами. Иду к нему, спрашиваю: «Ты почему, гад, не голосуешь?»— «Не хочу,— отвечает,— голосовать за вашу власть». Я аж зашелся. Взял его за шкирку и потащил на избирательный участок — голосуй. Получил он бюллетени, опустил в урну, как миленький. С таким демократию разводить?— И, увидев наше изумление, добавил:— Да вы что, так державу погубим.

— Но кто вам дал право его за шкирку тащить?— спрашиваю.

— Как кто?— искренне удивился он.— Я же партизан, во мне до сих пор пуля немецкая, а он им прислуживал.

— Но он же свое отсидел за это. Потом, голосовать или нет — его право.

— Право? У него? Да никаких прав! Пусть свой долг выполняет. Не хочет — заставим. Нас партия к активности призывает, перестройка у нас. А этот выродок...

Ничего я здесь не преувеличил. И собеседник мой — не темная личность, а вполне образованная, на должности хорошей. Верно, должность без власти. А если бы с властью?

Перестройка — это борьба против мертвых догм. Против лозунгов без содержания. Против неправедных путей достижения благих целей. Против стереотипов мышления. За предприимчивость и инициативу, за раскованность в суждениях и свободу мнений. За утверждение основного принципа права: что не запрещено — то разрешено.

Но не заменяем ли мы при этом одни догмы другими, столь же категоричными и безапелляционными? Не хотим ли осуществить перестройку теми же методами, что мой знакомый партизан в день выборов?

Демократия — трудная наука, она не обещает легкой жизни ни для граждан, ни для властей. Она будет преподносить нежелательные сюрпризы. И уже преподносит. Это было видно во время выборов народных депутатов СССР, а потом и на их первых съездах. А мы еще не умеем справляться с нестандартными ситуациями. Потому что некоторые догмы окостенели, а не просто застыли в нашем сознании. Но очень страшно, что такие догмы владеют умами тех, в чьих руках власть, или же они причастны к власти или считают себя таковыми.

Дело тут в том, что те, кто стоит у власти,— всего лишь люди с присущими им слабостями и амбициями. Это, однако, лишь одна сторона. Сложнее другая. Никакого опыта правового государства, парламентской демократии с ее процедурами у нас не было. Был у нас, увы, лишь опыт антиправового государства. За каким-то «круглым столом» я услышал слова о «полуправовом» государстве. Полагаю, это еще хуже, чем «анти». При «анти» хоть все ясно: замри и не возникай. А вот при «полу»— по видимости у человека полная корзина прав, а на деле ты их никак не реализуешь. Впрочем, при сталинском режиме о праве никто не вспоминал: гово-

рили исключительно об обязанностях. При Л. И. Брежневе о правах «болтали», но не более того. Ведь хельсинкский акт даже подписали, но тихой сапой преследовали инакомыслящих весьма успешно, хотя и без расстрелов.

После XXVII съезда КПСС, верно, пережив шок от декларации Нины Андреевой, начали поистине глубокий, хотя в основном публицистический анализ положения дел. В экономике прежде всего. Сколь смелы были поиски! Все называется своими именами. «Если не будет того... то нечего и мечтать об этом». «Коль не сокрушим этого... значит, не воздвигнем того». Я без всякой иронии... Толстые и тонкие журналы, газеты с целыми полосами серьезнейших исследований — нарасхват, ксерокопии пошли по рукам, делегатами на XIX Всесоюзную партконференцию выдвинули многих «кумиров толпы», вопреки усилиям бюрократического отбора.

А где же кумиры из юристов? Почему не было столь же смелых и глубоких правовых изысканий? Разоблачений беззаконий сталинской эпохи, конечно, хватает и хватало. Но этого уже мало. А как же, какими путями строить правовое государство? Проблем — непочатый край, а мы о них молчим или же так... чуть затрагиваем: мол, надо строить...

А вот как? В правовом государстве право должно господствовать абсолютно, подчиняя себе власть. Самое трудное, наверное,— это принимать за чистую монету то, что сказано столь категорично. Если утверждается безраздельное господство права, то и гражданин, и государство, и ЦК партии — все должны принять бремя закона и ему подчиняться.

Принятые на I и II Съездах народных депутатов СССР, сессиях Верховного Совета СССР законы внесли существенные позитивные перемены в структуру власти. И они начали действовать. Стал проясняться ответ на вопрос: кто же наложит «вето» на конкретное решение государства в лице Верховного Совета СССР, если это решение будет подрывать безраздельное господство закона? II Съезд народных депутатов СССР принял Закон о конституционном надзоре в СССР, избрал председателя и заместителя председателя Комитета конституционного надзора СССР, поручив Верховному Совету страны избрать членов комитета, утвержденного Съездом в составе 25 человек. Вроде бы создана та независимая государственная структура, которая наделена правом сказать: не соответствует высший акт власти или управления Консти-

туции СССР, нормам и принципам права. Но пока не совсем ясно: выполнит ли новый, равный по статусу Верховному Совету СССР, орган свое предназначение. Об опыте конституционного надзора пока говорить рано. Но сам факт создания такого органа конечно же свидетельствует, что разговоры о правовом государстве не остаются разговорами. Это уже реальность.

Создание правового государства в его истинном смысле предполагает отказ от многих привычных представлений, от «само собой разумеющегося», от того, о чем раньше нельзя было и помышлять. В мае 1988 года на сессии Верховного Совета СССР был заслушан отчет о деятельности Верховного суда страны. Вроде бы все было правильно: высший орган, являясь постоянно действующим законодательным, распорядительным и контрольным органом государственной власти, избирает членов Верховного суда, его председателя. Все так. И в регламенте Верховного Совета предусматривалась подотчетность суда. И по новым законам Верховный Совет СССР избирает Верховный суд страны. Следовательно, он остается ему подотчетным.

Но в Конституции СССР сказано: суд независим и подчиняется только закону. Закону, но не законодателю, не органу власти, даже наивысшему в державе. Отчет — всегда зависимость. Я не прав в своих сомнениях? Вероятно. И все же строить правовое государство, даже еще не строить, а создавать только его концепцию, невозможно без прочтения Конституции СССР «в подлиннике». То есть отказаться наотрез от суждений о формализме закона, о том, что «жизнь богаче нормы», что хоть в законе и записано то или иное положение, но бывают обстоятельства, которые позволяют его обойти: «Это же и ребенку ясно». Хорошо, что на сессии Верховного Совета СССР в декабре 1988 года, образовавшей новую структуру высшей власти, говорилось, что это только старт и многие реформы еще впереди. Мне кажется, впереди и вопрос о положении суда в нашем государстве.

О подлинной независимости суда даже при нынешней системе его формирования (соответствующими вышестоящими Советами) говорить пока рано.

Ведь суд буквально опутан отчетностью: перед Советом народных депутатов, перед райкомом партии, отделом юстиции, вышестоящим судом. Его еще трудовой коллектив к отчету может призвать, а также собрание граждан по месту жительства.

Никто не возражает, что новый порядок избрания ме-

няет статус суда. Но надо точно и определенно при этом сказать: суд никому, абсолютно никому, не подотчетен в своей правовой деятельности в течение всего срока полномочий. Никому! И вот я представляю себе такую картину. Судья получает высшую зарплату среди всех юристов района. Финансирование, материальное снабжение суда, строительство его зданий (одного из двух-трех лучших на территории) идет «красной строкой» прямо из Москвы, из госбюджета. В конце концов, у нас всего 4,5 тысячи судов, 14 тысяч судей. Но ведь в них — престиж Государства и Власти. В прошлом нанесен безобразнейший урон этому престижу. Уверен: без этого «неизменно-материального» обстоятельства ни о каком авторитете Права, а значит, и Власти говорить не приходится.

Нельзя, однако, не согласиться с тем, что такого положения мы вряд ли достигнем, если Съезд народных депутатов СССР не решит эти проблемы. Только он способен поставить Власть под контроль Права. И это будет скорее всего конфликтный процесс. Ибо Власть у нас до сих пор боится ограничивать себя законом, опасается она и независимого суда. Но без этого же нельзя. Право нуждается в реализации. Его нормы в конкретных ситуациях могут властям казаться стеснительными. Поэтому-то, клянясь на словах в верности Праву, Власть слишком часто склоняется к тому, чтобы обойти закон, приспособить его к своим сиюминутным потребностям. Независимый суд — противовес этим устремлениям. Не случайно классическая теория государства разделила и уравновесила три власти: законодательство, управление, суд. Мы сейчас перестали отвергать начисто этот принцип, однако все еще опасаемся его признать в качестве рабочего инструмента строительства социалистического правового государства.

Это явно сказалось в попытке скорректировать в пользу власти резолюцию XIX партконференции «О правовой реформе». Не больше не меньше.

На сессии Верховного Совета СССР, которая 1 декабря 1988 года приняла поправки к Конституции, установлено: отныне суд будет избираться вышестоящим Советом. И в принятых 1 июля 1988 года решениях XIX партконференции говорилось о том же самом. А между этими двумя форумами высших уровней, партийным и советским, произошло нечто невообразимое. Кто-то (кто?) внес корректировку, и в опубликованном перед сессией проекте поправок мы читали, что районный суд

предполагается избирать районным же Советом. То есть официально подчинить право власти, действия которой в правовом государстве оно должно оценивать и обуздывать, если власть не захочет считаться с законом. Келейно, втихую делалась корректировка. Никто не знает, каким образом была сделана попытка исказить резолюцию XIX партконференции. Если бы законопроекты у нас были именные, было бы ясно, кому задать вопрос. Сейчас же остается отнести все на ту же командно-бюрократическую систему, которая смертельно боится в экономике самостоятельности неподчиненных ей организмов, в государственной жизни — независимых структур.

Что, кстати, любопытно. В интервью журналу «Шпигель», опубликованном в то время, М. С. Горбачев сказал, что, совершая «правовую революцию», мы добиваемся независимости суда. И далее пояснил: «...не будет законности — не будет и народовластия».

Суд по своей природе, по установленной законом процедуре демократичен. При любой предвзятости судей открытость, гласность, состязательность процесса делают свое правое дело. Не случайно следственные органы забеспокоились, когда правосудие начало функционировать более или менее нормально: выносить оправдательные приговоры, возвращать дела с несостоятельными доказательствами. До идеала еще далеко, а бюрократическая система уже словно развороченный муравейник. Независимый суд для нее — как кость в горле.

Представим себе, что в тридцатых годах все дела «врагов народа» рассматривал бы суд. Пусть даже такой, какой под председательством Ульриха и при участии прокурора Вышинского в открытых заседаниях без приемлемых доказательств посылал на смерть Зиновьева, Каменева, Пятакова, Бухарина и их товарищей. Таких судов провели три. Удалось бы провести и тридцать три, и триста тридцать три, возможно. Ну, а если три тысячи триста тридцать три? Убежден, где-нибудь да сорвалось бы. При любых судьях и прокурорах, при самой тщательной застеночной подготовке. Это неизбежно. Это предопределено, запрограммировано самой процедурой суда, где должны господствовать открытость, гласность, право на защиту. Не могло бы не найтись честных судей и отважных подсудимых. И весь заговор против народа неизбежно рухнул бы. Очевидно, в нашей истории и есть всего-навсего один убедительный пример, когда суд покорил власть — с оправданием Веры Засулич. Кто только и

сколько раз иа этот случай ие ссылался! Значит, он не забыт. Значит, представляет такую общественную цеииость, которая и через сто лет служит демократическим аргументом.

Но и уроком для бюрократии тоже. Оиа отлично созиает, что ей грозит, откуда иадвигается опасиость, и старается ее иейтрализовать, дабы ие лишиться влияния, ие потерять доходных мест, сытой и спокойиой жизни. Она, бюрократия, громче всех кричит о перестройке и демократизации, ио, когда покушаются на отрегулированные ею рычаги власти, принимает свои меры.

Партия — иииціатор и основная движущая сила перестройки, она должиа быть и ее гараитом. Но тут возникает, может быть, самая щекотливая проблема. Когда мы с одним опытным юристом говорили о преимуществах и иедостатках разделеиия трех властей — законодательной, исполнительной и судебиой — и договорились, что их разделеиие все же имеет смысл, мой собеседник сказал: «Нам остается среди этих трех сосеи поместить партию, ииаче заблудимся». Не зиаю, думали ли над этим вопросом теоретики. Наверное, должиы думать. Мы ставим целью создать социалистическое правовое государство. Одиопартийиую систему при этом не отвергаем. И в Основном Закоие страны, и в Уставе КПСС сказано, что партия действует в рамках Конституции СССР. Но это слишком общее положение. Партия как таковая из этих рамок, по-видимому, ие выходит. Но партийный аппарат? Разве секрет, кто «первый» в райоие? И что значит слово «первого»? Но ои же, как и весь райком, был до недавнего времени вне закоиа, а точиее, иад законом, над официальиой властью. Ответственности же перед законом не было иикакой (имею в виду не личную ответствениость, как граждаииииа). Обжаловать в суд незакониые действия первого секретаря райкома иикому и в голову не приходило.

Сейчас стало посложнее, по крайией мере, формально многое изменилось: партийиый лидер, который в некоторых региоиах после выборов в местиые Советы будет стоять во главе Совета,— это «закоиная власть», ои подотчетен депутатам, он в сетке государственной юрисдикции. Но означает ли это, что партийный комитет и его аппарат лишаются реальной власти? Вряд ли. Поэтому и здесь еще иужио миого правовых проработок.

Такой, скажем, вопрос, как исключение из партии. Лишь по форме это внутрипартийное дело. В действительно-

сти оно влечет серьезные гражданско-правовые последствия. Допустим, главный инженер крупного завода исключен из партии за неблагополучные семейные или, наоборот, внесемейные дела. Останется ли этот специалист на своем посту? Сомневаюсь. А какой правовой акт предписывает его уволить? Какой закон защитит его трудовое право? Ответов на эти вопросы я не знаю. Но вопросы есть. К тому же, если исключили неправильно. Словом, тут проблем — непочатый край. Как вообще мыслится правовая ответственность органов правящей партии за свои действия? У нас будет избран Комитет конституционного надзора. Подсудны ли ему будут решения партийных органов, выходящие, так сказать, в гражданский оборот? Хорошо, если райкомы и райисполкомы перестанут принимать совместные решения по хозяйственным и общегражданским вопросам. И все равно: партия сохранит за собой реальную власть в лице своих представителей в Советах. Но ведь и партия должна поставить себя под контроль права.

Словом, пока еще остается вопрос: каким же будет правовое социалистическое государство? Из каких блоков и кирпичей мы его будем строить? Какие готовые конструкции в него будут заложены, какие выброшены, а какие созданы вновь? Честное слово, это для нас не менее важно, чем реформа цен. Еще неизвестно, что дороже: кусок мяса или глоток свободы. По-моему, жизнь нас убедила: без глотка свободы не будет и куска мяса.

Мы не наивные люди и отлично сознаем, что от провозглашения верховенства закона до того, как он обретет безраздельное и реальное господство в обществе, пройдет немало времени. Потому что проникнуться сознанием приоритета права, права столь же незыблемого и неизменного, как, скажем, для нас марксистско-ленинская идеология, трудно будет и гражданам, и особенно властям. Будем откровенны: едва ли не все 72 года они программировались совсем на другое: не на служение Праву, не на защиту Гражданина от бюрократических извращений государства, а только на команду, на утверждение односторонних обязанностей граждан перед государством, а точнее, перед любым органом власти. Сломать этот шаблон потруднее любой реорганизации.

Чтобы власть научилась уважать право, служить ему, она должна отказаться от присвоенных себе командных позиций, самоограничить себя правом, строить свою политику в точном соответствии с правом, а не попирая его.

Думаю, развитие кооперативов, их автономная, независимая от администрации, подчиненная лишь закону деятельность станет пробным камнем для власти, выдвинет перед ней непривычные проблемы. Если их будут решать, обходя право, то кооператоры, семейный подряд, хозрасчет и прочие экономические нововведения окажутся у разбитого корыта. Кризисное состояние экономики — серьезный гарант того, что законность здесь все же устоит. Интерес самой власти совпадет с установлением правового режима в экономике.

У гражданина такого надежного, заинтересованного гаранта пока не видно. Но ведь и реформы, в сущности, только начали разрабатываться. Гласность сделала свое дело: заставила общество встряхнуться, оглянуться на «пройденный путь» и понять, что мы потеряли, что приобрели во время движения. И стало ясно, что власть не может нормально функционировать без обратной связи, без анализа того, как ее действие отзовется на гражданах. «Бюрократическое средостение», о котором говорил В. И. Ленин, между властью и народом разрывает эту связь: импульсы идут сверху вниз, а наверх не возвращаются или же возвращаются в сильно искаженном виде. Сверху вниз идут слова, не подкрепленные делами, а низы отвечают социальной апатией. Реформы в экономике, праве и политической системе и должны наладить равноправные связи низов и верхов.

При всех поворотах нашего многострадального пути мы не отступились от завоеваний Октября: эксплуатация человека человеком была уничтожена, и нет предпосылок, чтобы она вернулась. Право только начало устанавливаться, обретать независимую ценность, как в годы культа личности и застоя его изъяли из гражданского оборота и превратили в постыдное прикрытие произвола.

То, что сейчас у нас происходит,— это и возврат к ленинским идеям, и во многом движение вперед, о чем говорит совсем новое государственное и общественное строительство. Нам нужны такие коренные реформы, которые обратят, наконец, закон лицом к гражданину, а право облегчит власти нести свое бремя.

Конечная цель перестройки — переход к подлинной демократии — может быть достигнута только тогда, когда эффективно заработают законодательные органы, в рамках которых будут проходить конструктивный диалог и сотрудничество людей, представляющих различные реальные интересы в обществе. Когда станет очевидным,

что деятельность партии по примирению конфликтов и преодолению противоречий себя исчерпала и эту роль взял на себя закон. Наконец, когда механизм политической системы приобретет достаточный опыт самостоятельного развития. Только тогда такой авторитетный институт, как партия, плавно впишется в политическую систему и через своих представителей в ней и будет играть роль влиятельного политического авангарда общества без приказных атрибутов.

Вряд ли кто сомневается: в государстве «верхи» должны обладать очень сильной властью для принятия радикальных решений и последовательного проведения их в жизнь. Наивно надеяться, что без сильной власти механизм торможения не пустит под откос все благие намерения и решения, связанные с перестройкой. Однако такая сильная власть должна сочетаться с вовлечением широких масс в реальный политический процесс, с утверждением законности как гаранта прав гражданина во всех случаях жизни.

I и II Съезды народных депутатов СССР показали, насколько трудно сочетать демократические и властные начала, сколь сложно решить самый элементарный вопрос, создание, допустим, той же Парламентской комиссии, если недостатки процедуры восполняются эмоциями.

Учтут ли первые опыты верховной власти Верховные Советы союзных и автономных республик, органы местного самоуправления? Вопрос не риторический. Ибо опасность утопить в страстях — законность, в словах — дело очень велика в «начальных классах» демократии. Несомненно, Советы не останутся такими, какими были: им предстоит взять на себя бремя власти реальной, а за их исполнительными органами останется весь объем текущей работы, но без былого права командовать.

И законодатель, и исполнитель сумеют оправдать надежды людей, вести по нужному курсу городской, районный или еще более крупный корабль при одном условии: если они будут руководствоваться компасом закона.

Порядок и исключение

Нет более верного способа убить законность, как установить норму, а потом приписать к ней слова «как правило». Не случайно при обсуждении

проекта поправок к Конституции СССР перед сессией Верховного Совета страны, состоявшейся в конце 1988 года, общественность столь дружно ополчилась на эти оговорки. «Как правило» обязательио предполагает исключения из правил. И вместо порядка, который устанавливается правовой нормой, мы неизбежио приходим к хаосу в общественных отиошениях, к произвольиому толкованию закона. А в коиечиом итоге иередко приходим к произволу.

Уверен: все эти «как правило» втискивает в закои бюрократия, чтобы оставить для себя лазейки. Часто говорят: бюрократизм — это когда «от сих до сих», когда все зарегламентировано, расписано и разложено по полочкам. Глубокое заблуждение! Бюрократия как раз боится строгой формализации регулируемых отношений, исчерпывающей регламеитации. Всякая иедоговоренность и неопределенность — та мутная водица, в которой бюрократ любит резвиться. Это касается и капитальных государственных установлений, и чисто житейской практики.

Мне и хотелось начать этот разговор с мелочей вроде бы...

Впоследствии все недоумевали, почему Николая Аристарховича прозвали бюрократом. Никаких — ну абсолютно никаких!— оснований для этого не было. Он заведовал газетным киоском в иашем старом микрорайоне. Собственно, просто продавал газеты. Но когда ему сделали новый, сверкающий киоск «из стекла и бетона», он стал вывешивать объявлеиия: «Правда»— 4 коп., «Труд»— 3 коп. Заведующий — Каштаиов».

Может, поэтому и дали ему обидиую кличку «Бюрократ»: тоже, мол, заведующий. А может, потому, что уж очень сухим человеком был Николай Аристархович. Поскольку завсегдатаи киоска хорошо его знали, то иногда пытались обменяться с иим мнеииями о последних событиях. Заведующий, однако, в разговоры не вступал, лишь какому-нибудь назойливому говорил: «Я при исполиении...»

Ровно в 6 утра открывал Николай Аристархович свой киоск. Точно в 9 закрывал, а с 16 до 19 ои снова сидел на своем месте. И уж часы свои могли сверять по открытию киоска. Или по закрытию. В 19.00 Николай Аристархович опускал стекло — и тут уж проси не проси,

плачь или скандаль, вымаливая пачку сигарет, ничто не помогало.

— Киоск работает до девятнадцати,— угрюмо бурчал Николай Аристархович, показывая на объявление, и уходил.

Ну не бюрократ ли!

А потом Каштанов исчез — куда-то, видимо, переехал, если нечто худшее не случилось: в годах ведь был. Его место заняла Аннушка, добродушнейшая молодуха. Она жила рядом, и если кто-то забыл запастись куревом — в полночь ее подними, тотчас оденется и пойдет, выдаст пачку сигарет. Широкая душа была у Анны Ивановны.

Только стали мы испытывать вскоре некоторое неудобство. Утром на работу спешишь, хочешь газету взять, а киоск закрыт. Днем ткнешься — вывеска: «Ушла обедать». Когда ушла, когда придет? И придет ли вообще? Никому не ведомо. Бывало, всем микрорайоном искали Аннушку. Иногда находили. Она радостно всплескивала руками:

— Ох, милые вы мои, бегу, бегу... И газетки пришли... опять агрессор зашевелился. И «Краснопресненские» на базе выпросила. Вам целый блок? Пожалуйста.

Нет, по линии душевности «бюрократ» Каштанов в подметки не годился Аннушке... А вот тосковали мы по нему. Может быть, не по нему лично, а по точному соблюдению им распорядка работы киоска. После его ухода начали мы вскоре испытывать всякие неудобства.

Свежая газета в известном смысле мелочь, конечно. Или там пачка сигарет, стержень для авторучки, конверт, за которым на почту три остановки надо ехать, если здесь не купишь. Так ведь в повседневной, как говорят, жизни грандиозных манифестаций и героических свершений значительно меньше, чем элементарных бытовых забот. А при Николае Аристарховиче, дорогом нашем «бюрократе», все мы точно знали, когда можно, никуда не бегая, купить любую мелочь из нехитрого ассортимента газетного киоска. При Аннушке мы были полностью дезориентированы.

Да, невесть что — газетный киоск. Но ведь это как посмотреть на него. С какой позиции. Если с точки зрения не сугубо торговой, а психологической, человеческой — очень даже что! Дело не в газете — в крайнем случае, на стенде прочтешь. И не в пачке сигарет — в другом месте купишь. Дело, как говорится, в принципе. Если на

все это посмотреть шире и глубже, то неизбежно придешь и к такому выводу: все же педантичное или, как поначалу мы считали, «бюрократическое» выполнение правил, инструкций, законоположений (ибо работа киоска, как и любого учреждения, регламентирована правовой нормой) как-то надежнее, удобнее и выгоднее безалаберности, пусть и подслащенной душевной улыбкой. Бог с ней, с улыбкой. Улыбки нам Аннушка расточала щедро. А вот уверенность в том, что свежая газета будет в руках, исчезла. По «бюрократу» мы затосковали. По такому, разумеется, каким был Николай Аристархович.

Пусть газетный киоск, справочная, квасная бочка, овощной лоток и т. д. и т. п. работает 12 часов в сутки или всего два часа — первое, конечно, лучше, но не в этом главное. Главное — точно знать, что в такие-то дни и такие-то часы я при всех условиях получу положенную мне услугу. Приду не вовремя — останется лишь злиться на собственную неаккуратность. Но когда в рабочие часы киоска я прихожу и вижу замок — я злюсь на весь мир. Я выбит из колеи, раздражен, я буду делать брак в своей работе, дерзить ни в чем не повинным людям. Может быть, вы более выдержанны? И не станете делать брак и дерзить? Хвала вам. Но настроение ваше все равно испорчено, время ваше дезорганизовано.

Еще раз повторю, киоск — мелочь. Неудобно вроде бы даже такие понятия, как «законность», «правопорядок», «дисциплина» иллюстрировать графиком работы киоска. Но, как сказал один глубокий пессимист, не лишенный, однако, мудрости: «Что толку в мирском просторе, когда жмет левый ботинок». Мы еще увидим, к каким трагедиям приводит пренебрежение мелочами. Пока же мне хотелось обратить внимание на одно обстоятельство — мы сами, страдающие от ненадлежащего выполнения своих обязанностей должностными лицами, терпящие великие неудобства от беспорядка и неорганизованности, в иных случаях оправдываем их.

Что скрывать — каждому из нас всегда больше импонирует «широта натуры», чем аккуратность и педантичность. Обойти какую-то «формальную» норму «во благо» ближнего своего кажется предпочтительнее, нежели сказать этому ближнему: «Нельзя обходить общее для всех правило». Первое выглядит уж очень симпатично, порой чуть ли не героически, а ко второй позиции так и хочется применить ярлык «формалистическая», «бюрократическая», «бездушная» и т. п.

В одной публикации, где критиковался служащий за «бюрократическое», а на самом деле — строгое и точное следование букве инструкции, было сказано так: «Хорошо бы в правом верхнем углу каждой инструкции стояло: «исполнять в разумных пределах». Вроде бы толковое предостережение. Если же вдуматься, такой гриф лишает ее всякого смысла. Инструкцию с таким грифом надо выбрасывать в корзину, ибо «разумные пределы»— что сие означает? Каковы их параметры? Кто их устанавливает? Значит, можно инструкцию выполнять, а можно ею и пренебречь? А закон, равно как и подзаконный акт, должен быть предельно точно рассчитан и на разумных, и на глупых, на инициативных и на пассивных.

Можно сказать, родного брата педантичного киоскера я «увидел» на одном судебном процессе. Слово «увидел» заключено в кавычки, ибо самого этого человека не было уже в живых, но незримо он присутствовал в судебном зале. Тогда ответ держали директор, начальник снабжения и бухгалтер небольшого предприятия. За приписки и искажение государственной отчетности. Во время допроса подсудимых и выплыла фигура покойного бухгалтера.

Сколько премий недосчитался из-за него дружный коллектив — не счесть. В самом деле, конец месяца, тридцатое число на исходе, до плана каких-нибудь полутора процентов не хватает. Есть она, эта продукция, завтра на склад ляжет, ну, послезавтра в крайнем случае, заготовки сделаны, вот они, в цеху. Почему бы не показать, что уже на складе? Бухгалтера, Иосифа Ароновича Вайнштейна, не прошибешь, хоть самого к стенке ставь, хоть перед ним на колени становись. Акт от завскладом принесут, мол, принято, а он пойдет на склад, проверит и точка: не подпишет, хоть режь его.

— Господи, да мы что, воруем, что ли? Или обманываем?

Бухгалтер молча доставал Уголовный кодекс РСФСР и молча подчеркивал статью.

— Да поймите же,— возмущался небольшой, но сплоченный коллектив конторы,— есть же продукция, есть! Завтра будет.

Иосиф Аронович невозмутимо углублялся в свои бумаги, явно противопоставляя себя коллективу. Сухарь и бюрократ.

Одно не соответствовало общей картине: был Вайнштейн на фронте, имел орден Красного Знамени, медаль «За отвагу» и еще какие-то награды.

— Как же ты воевал,— допытывался Сеня, снабженец,— и орден за что получил?..

— Устав выполнял,— отвечал.

Начальник снабжения, первый недруг бухгалтера-педанта, ворчал:

— Там всем давали.

А потом Иосиф Аронович умер. На похороны пришли какие-то пожилые граждане с колодками орденов на пиджаках. И рассказали, что «бюрократ» в 1941 году в окружении умело организовал тыл дивизии и, по их словам, только потому она и удержалась.

— В сорок первом на ордена скупы были,— сказал гражданин с колодками,— а ему «Красное Знамя» дали.

— Ну, а конкретно,— допытывался снабженец.

— Сам-то он в атаку не ходил, но порядок у него был железный. Секретов победы много, а первый среди них — устав соблюдай.

— Ну, понесло,— сказал, отвернувшись, снабженец.

Так и ушел старый бухгалтер. Вспомнила о нем контора примерно через год. Увы, в зале суда. И Уголовный кодекс РСФСР лежал на высоком судейском столе, открытый на том самом месте, что когда-то подчеркивал Вайнштейн. А на жесткой скамейке, слева от стола судей, сидели и директор, и снабженец.

— Закон — это закон,— прокурор говорил точно словами покойного.

Только тогда они как-то не доходили, теперь же били по смятенным мозгам, вонзались в тоскующие сердца. «Воровали мы, что ли, обманывали?», «Разве ж можно дело делать, ничего не нарушив?», «Буквочки какой-нибудь, закавыки несчастной?» Так это горячо, искренне оправдывались подсудимые. И осекались иногда на полуслове, вспоминая покойного «бюрократа»...

Старый бухгалтер говорил своим коллегам: «Этого делать нельзя, не положено», «Тут я своей подписи не поставлю — не предусмотрено инструкцией» и тому подобное. Когда говорил он это, то неизменно добавлял: «Никогда не надо пренебрегать законом».

Под законом он разумел и те самые инструкции, циркуляры, нормативы, которые мы сейчас столь дружно и безудержно предаем анафеме. Без очень-очень многих инструкций просто не обойтись. Например, в сфере охраны труда, правилах перевозок, взрывных и других опасных работ. К сожалению, «командиры производства», другие ответственные лица довольно часто пренебрежительно к

ним относятся. И это ведет к трагедиям. Иногда — страшным.

На Ярославском шоссе недалеко от Загорска произошла дорожная авария. Водитель грузовика с прицепом пошел на обгон, не дав сигнала. Водитель следующей сзади «Колхиды» стал резко тормозить, и его вынесло на встречную полосу. А навстречу ехал автобус с рискованной для гололеда скоростью. Чуть бы правильнее действовали водители — самое большое отделались бы проколами в талонах. Они действовали чуть-чуть неправильнее. И — автобус врезался в «Колхиду». А в автобусе ехали дети. И 16 девятиклассников погибли. И учительница погибла. И водитель автобуса. 16 детей кое-как спаслись, отделавшись ожогами.

Московский областной суд рассматривал дело по обвинению двух шоферов — грузовика и «Колхиды», которые своими неправильными и неумелыми действиями создали аварийную ситуацию. В зале сидели родители, педагоги, оставшиеся в живых ученики. Перед их глазами каждый день вновь и вновь проходил кошмар тех минут, когда автобус охватило пламя и ничего нельзя было сделать. В юридическом смысле виновных было только двое — два шофера.

Случай? Рядовое дорожное нарушение, повлекшее никем не предвиденные последствия? Если говорить о самой аварии — то да, рядовое дорожное происшествие. На трассе все может быть. Но в ходе разбирательства я услышал высказывания, которые заставили меня пойти по адресам тех, кто оказался так или иначе причастным к трагедии.

Нет, истинного виновника, прямого виновника в чьем-то конкретном лице мне установить не удалось — да этого и быть, очевидно, не могло: никто же не замышлял дорожное происшествие, никто не хотел гибели детей. Все машины, сошедшие в тот миг на обочину на 29 километре Ярославского шоссе, технически были исправны, шоферы трезвы, профессионально подготовлены. Экскурсия школьников — рядовая, без всякого риска. Ехали в сопровождении опытного педагога.

Словом, случай? Директор завода, который выделил школе автобус, сказал мне:

— Стоило одной из машин задержаться на пару секунд на каком-нибудь перекрестке, и... пронесло бы. Видите, как все хрупко?

И он был прав. Всякая катастрофа — не то чтобы редкое, а единственное в своем роде стечение обстоя-

тельств. Забыл бы один из тех шоферов ключи, выехал бы на три секунды позже, не успел бы проскочить перекресток, и ничего бы не было. Идти назад от катастрофы и вздыхать: «Ах, если бы...» всегда утешительно, но и в значительной части бесплодно. Жизнь не кино, ее обратно не прокрутишь. Поэтому правота директора эфемерна, бессодержательна. И я спросил его:

— Скажите, Михаил Григорьевич, если бы сегодня школа попросила у вас автобус, вы бы тот автобус дали?

— Ну что вы! Ни в коем случае. Теперь у нас все строго регламентировано. Вот постановление, вот приказ...

— Что же, эти постановления и приказы вводят новые правила?

— Нет, правила старые. Только теперь мы их строго соблюдаем. Я вас понимаю... Но знаете — жизнь, она... ее в правила не уложишь.

Говорят, все новое — это основательно забытое старое. Катастрофа на Ярославском шоссе отдалась громким эхом во многих учреждениях. Были изданы приказы и распоряжения — карающие и, главным образом, предупреждающие возможность повторения подобного несчастья. Их много, этих документов. Читаю их и вижу: все они практически повторяют то, что уже существует, имеет силу, обязательно для исполнения, что уже давно записано в действующих (увы, на бумаге) правилах. Все это есть, но — забыто. Где-то лежит само по себе, а дела делаются сами по себе.

— Видите ли,— сказал мне отец пострадавшего школьника,— если бы все соблюдалось, ничего бы не произошло. Во-первых, самой экскурсии не было бы...

Я шел по цепочке того, что «не соблюдалось». Вся цепочка причин состоит из микроскопических по сравнению с трагедией звеньев. Ни одно из них само по себе причиной происшествия не является. Но — прав родитель: если бы все были формалистами и бюрократами — ничего бы не произошло.

Экскурсию проводили в учебное время без разрешения роно. Могли бы получить такое разрешение? Не исключено. Разрешение предотвратило бы катастрофу? Нет, конечно. Но мы же сказали: ни одно нарушение само по себе не было абсолютной причиной катастрофы.

Мы сейчас лишь констатируем нарушения. А потом... все-таки роно вряд ли бы разрешило экскурсию вместо

учебного дня. Ведь это была не экскурсия, предусмотренная учебным планом, а скорее прогулка в исторические места.

Хотя экскурсия проводилась в учебное время, но деньги собирали с учеников: по рублю — на автобус и еще по 50 копеек — шоферу. Такие сборы противозаконны. Зато они сделали шофера покладистым. Автобус ПАЗ-672, который предоставили шефы, имеет сидячих мест 23. Школьников же было — 32.

— А вы знаете,— спрашиваю я директора,— что при дальних (свыше 50 км) перевозках в автобусе можно поместить пассажиров только по числу сидячих мест? Что на этот счет существует твердое правило?

— Да, да, но мы автобус выделили какой был, а сколько в нем людей поедет, не знали.

Итак, автобус был рассчитан на 23 человека, ехало в нем 32 ученика и учительница. Шофер не имеет права везти столько людей. Но для него же собрали по 50 копеек с носа. И он помогал расставить стулья в проходе. Но ставить в проходе стулья категорически запрещено инструкцией, регламентирующей дальние перевозки людей. Покойный шофер это отлично знал, но пренебрег правилом из корысти.

Завуч школы тоже знала, что нельзя ставить стулья в проходе при дальних поездках. И была, разумеется, абсолютно бескорыстна. Мне она так все объяснила:

— Надо же было выходить из положения. Полкласса не оставишь в школе. Да и всегда стулья ставили. Привыкли к этому...

Это самое и опасное: привыкли не считаться с требованиями инструкции, разработанной специалистами, людьми, знающими, сколь опасны могут быть нарушения категорических правил.

Десятки раз ведь ставили в проходе стулья, грубейшим образом нарушая правила перевозок людей. Обходилось. А на этот раз стулья явились серьезной причиной трагедии. Сидеть на стульях в проходе не очень удобно, их ребята и составили к дверям, усевшись на креслах по трое. А когда произошло столкновение, когда огонь побежал по машине, двери оказались заклиненными. Их невозможно было открыть ни изнутри, ни снаружи.

Цепочка причин и следствий уводит нас совсем в сторону. Шофер грузовика, который стал без сигнала делать маневр, сам себе выписал путевку. «Колхида»,

которая ехала следом и которую вынесло на встречную полосу, состояла на учете в ГАИ в Калужской области, а фактически постоянно работала в Москве. Как выписывались путевки, где числилась машина — имеет это какое-то отношение к случаю на шоссе? Абсолютно никакого. Все могло бы случиться и при идеальных порядках выписки путевки и постановки на учет автотранспорта.

А возможно, и не случилось бы...

Нет, «случай», притаившийся на обочине Ярославского шоссе в тот февральский день, был до зубов вооружен тем, что официально называется ненадлежащим исполнением своих обязанностей разными должностными лицами, а в обиходе звучит: «Авось обойдется».

Мы много и охотно говорим о святости закона, о незыблемости норм и тут же их нарушаем, мало задумываясь о последствиях. Больше того — воспитываем неуважение к закону.

Как-то я прочел заметку, опубликованную в газете,— это было сообщение из Англии и называлось «Последнее приключение Робин Гуда». Вот что сообщал корреспондент.

«В Шервудском лесу, где жил легендарный Робин Гуд со своими соратниками, на днях произошла интересная церемония. Шериф Ноттингема Эллиот Дэрхэм развернул в чаще красочно оформленный в старинном стиле свиток и громко огласил собственный указ: «Я, шериф Ноттингемский, настоящим снимаю все обвинения в действиях, противоречащих законам и порядкам прошлого, с Робин Гуда и его лучников».

Дэрхэм — дальний преемник шерифа Ноттингемского, преследовавшего в XIII веке отряд Робин Гуда, который отнимал богатства у людей состоятельных и раздавал их беднякам. Шериф сказал, что, поскольку у полиции не сохранилось никаких документов, обвиняющих Робин Гуда, он счел необходимым «амнистировать» последнего, ибо «некоторые все еще считают робингудовцев бандитами».

Таким образом, хотя и через семьсот лет, Робин Гуд все же дождался «официальной реабилитации».

Забавно, не правда ли? Когда мы обменивались мнениями по поводу этого курьезного сообщения, кто-то из нас покрутил пальцем около виска.

— Англичане, должно быть, окончательно того... У них поезда с золотом грабят, а они в «казаков-разбойников» играют.

Вроде бы, действительно, странную процедуру затеял в наши дни шериф Ноттингема. Но не стоит ли задуматься над тем, почему это рассудительные англичане при всех причудах, свойственных некоторым из них, вдруг задумали играть в игрушки, да еще в области правосудия? Быть может, тут нечто другое, скорее серьезное, нежели курьезное? Нельзя ли допустить мысль, что доходящее пусть до смешного, но почтительное отношение к закону, к его букве, к каждой запятой, к каждой его черточке, молитвенное преклонение перед любым актом, возведенным в закон, достойно скорее уважения, чем насмешки?

И если допустить такую мысль, то стоит, может быть, воздержаться от юмористических упражнений. То, что можно посчитать формалистикой во многих других случаях жизни, в юриспруденции имеет свой смысл.

Я прочитал очерк о работниках службы БХСС, которые разоблачили жуликов. По ходу действия надо было вскрыть посылку, пришедшую с Дальнего Востока в украинский город, дабы получить улики. Уголовное дело еще не было возбуждено, санкции на вскрытие корреспонденции прокурор не давал, тем не менее почтовое отправление вскрыли, улики оказались в руках сыщиков. Двое юристов, выступая в другой газете, подвергли критике автора очерка за то, что он пропагандировал розыскные действия, противоречащие закону.

Вскоре я имел беседу с одним работником милиции, написавшим возмущенный отклик на критику.

— Вы понимаете,— горячился он,— что значит поймать преступника? Это вам не статью настрочить.

— Но закон нельзя нарушать ни при каких обстоятельствах.

— А как же неотвратимость наказания?

— Значит, вы допускаете обход закона ради чрезвычайной ситуации?

Вот так, увы, бесплодно крутился наш спор вокруг совершенно ясного вопроса. Наконец, мой собеседник наставительно сказал:

— Нельзя быть формалистом. Все пишут — закон, закон. А если обстановка не позволяет?

Так вот насчет обстановки. В 1918 году VI Всероссийский чрезвычайный съезд Советов принял постановление «О революционной законности». Съезд провозгласил законность как один из основополагающих принципов Советской власти и призвал всех граждан респуб-

лики, все органы и всех должностных лиц к строжайшему соблюдению законов государства. В наброске тезисов этого постановления В. И. Ленин предвидел, что обстановка может не позволить всегда и везде точно следовать законам, он понимал неизбежность в каких-то случаях выхода из рамок права. И даже в этих условиях он считал недопустимым произвол. Вот что писал Ленин в наброске:

«Экстренные меры *войны* с контрреволюцией не должны ограничиваться законами при условиях:

α) точное и формальное заявление соответствующего советского учреждения или должностного лица о том, что экстренные условия гражданской войны и борьбы с контрреволюцией требуют выхода из предела законов;

β) немедленное сообщение такого заявления в письменной форме в СНК, с копией для местных и заинтересованных властей».

Очень давно сказано: мы свободны лишь постольку, поскольку живем под властью законов. И не случайно эта истина повторяется все чаще в, казалось бы, самый «неподходящий» момент — в период перестройки, революционных преобразований и ломки всяческих шаблонов. Противоречие тут можно усмотреть, но не обосновать. Просто своевольно изданные акты управления, неправомерное толкование норм права создают те невыносимые для людей условия, которые рождают уверенность, будто без обхода закона нельзя делать дело и вообще нормально жить. Авторы и ревнители этих произвольных установлений как раз и создают в обществе хаос, режим несвободы и утверждают свою исключительность, якобы вынужденную обстоятельствами и злобой дня. Все это ничего общего не имеет с законностью, ибо она предполагает равенство всех перед законом, ответственность любого должностного лица перед обществом, государством и гражданином. Если этого нет, как полагал Фридрих Энгельс, отсутствует первое условие всякой свободы — «ответственность всех чиновников за все свои служебные действия по отношению к любому из граждан перед обыкновенными судами и по общему праву». Хочется подчеркнуть именно это последнее: обыкновенные суды и общее право.

Собственно, ни один бюрократ нигде и никогда не «ставил вопрос» о своей полной безответственности и бесконтрольности. Ни в коем случае! Он готов отвечать порой даже с известным вожделением, но... исключительно перед вышестоящим начальством. Лишь бы не как

все. Не по общему для всех закону. Не перед законным судом. Увы, слишком богатая практика недавних лет убедительно свидетельствует о том, что это была за «ответственность по вертикали».

Мне кажется, что строительство правового государства у нас наталкивается на два серьезных обстоятельства: наличие исключений и слабая разработка процедур в нашем праве.

Наличие исключений низводит торжествующий, по идее, закон до степени звучной декларации. Но давно замечено: не так благотворна истина, как зловредна ее видимость. Сколько самовосхваляющих слов мы потратили на то, чтобы доказать наши великие завоевания в области трудовых прав. Уж тут мы достигли высот. И верно: закон провозглашает их святость, суды восстанавливают половину людей, уволенных ретивыми администраторами. Но мы забываем при этом бесправную «половину». Ведь не счесть жалобщиков, кои осаждают все возможные, в основном столичные, учреждения. Жалобщики эти вообще лишены судебной защиты. Выстроив прекрасную систему обеспечения трудовых прав, кодексы сделали исключения: ввели два перечня должностей, поставленных вне закона. А к этому добавились «уставные» организации: Аэрофлот, железная дорога и другие, которые имеют свой устав. По идее устав регулирует специфические условия работы отрасли. Устав, как считается, подзаконен, а на самом деле он — над законом.

Вообще исключение из правила — это рычаг бюрократии в праве. Мощный рычаг. Судебная статистика у нас пока чуть приоткрыта. Если бы обнародовали, сколько людей содержится в тюрьмах «в порядке исключения» из закона — цифра, думаю, поразила бы. Предельный срок предварительного заключения — 9 месяцев по санкции Генерального прокурора СССР. Сидят же годами до приговора. По санкции Президиума Верховного Совета СССР. Я искал в законе это право — продлять заключение до неизвестно какого срока. Не нашел. Спрашивал у юристов — говорят: и не найдешь. Но годы заключения без приговора... Больше того. Известен случай, когда «в порядке исключения» Президиум Верховного Совета СССР разрешил применить смертную казнь к лицу, не достигшему 18 лет!

И второе — процедуры. Китайцы говорят: «Почтительность без ритуала приводит к суетливости, осторож-

ность без ритуала приводит к боязливости, смелость без ритуала приводит к смутам, прямота без ритуала приводит к грубости». Закон, добавим от себя, без ритуала, без процедуры его действия, приводит власть — к произволу, подданного — к беззащитности.

Исключения из правил, увы, стали правилом. Они охватили буквально все сферы жизни, стали универсальным средством подрыва любого закона и самого авторитетного постановления. Я и попытался это показать, соединив, кажется, несоединимое: работу газетного киоска с трагедией на шоссе, нарушение милицией тайны корреспонденции с расстрелом несовершеннолетнего. Увы, таков диапазон.

Компонентов правового государства, которое начали мы строить, много. Один из них — такая регламентация прав граждан и действий власти, которая бы исключала исключения. То есть они могут быть, но лишь точно оговоренные самим законом, а никак не оставляемые на усмотрение управленческих инстанций и местных властей.

Клевета

Помощник районного прокурора Геннадий Переверзьев в который раз отложил листки в сторону — уж очень не хотелось ему заниматься этим делом. Он намеревался списать его в архив, но шеф, в принципе соглашаясь с этим, все же сказал:

— Сначала надо бы разобраться. Если бы только одна анонимка... Но ведь есть и письмо Инякиной.

— Да ерунда это, обычный навет. Учительница не где-нибудь — в суде показания давала. Открыто, честно. Что ж мы будем человека мурыжить?

— Во-первых, Инякина — тоже человек. И человек в горе великом. А во-вторых... Ты знаешь, что в школе происходит? Нет? А поинтересуйся. Если мы не поставим все точки над «i», ох, плохо будет твоей учительнице. Не отмоется. Факты, нужны факты и только факты.

Это была любимая присказка районного прокурора. Да, но факты — пока совсем скудные — были таковы, что... Очень, очень не хотелось Геннадию влезать во все это. Работал он третий год после окончания университета и с подобной историей столкнулся впервые.

Переверзьев вновь придвинул к себе оба листка — анонимный и подписанный Инякиной Ольгой Павлов-

ной с полным адресом, включая индекс почтового отделения.

«Считаю,— писала Инякина,— что суд так мягко обошелся с этим негодяем, выродком, который прикидывается интеллигентным тихоней только потому, что его взяла под защиту гр-ка Волокушина В. С. Отчего это вылезла на трибуну бывшая учительница этого убийцы? Очень просто, он у нее в любимчиках ходил. Она гостевала у Першиных, с ее мамочкой-француженкой чаи гоняли, а муж помог квартиру получить. И эта с позволения сказать «учительница» не постеснялась перед нашим советским судом говорить явную ложь. Кто ж сомневался, что Першин зарезал моего сына? Никто. Першин сам признался. И вообще, это же очевидный факт. А бывшая учительница Першина так и заявила, что не верит этому: не Славик подобное сделал, а кто-то другой. Слов даже нет от возмущения. И она еще учит наших детей! Прошу привлечь Волокушину В. С. к самой строгой ответственности».

Геннадий вспомнил свою беседу с Ольгой Павловной. Она не хотела понять очевидных вещей. Можно представить себе почему: ее сын действительно чуть не погиб. И причиной тому нелепый ребячий конфликт.

Помощник прокурора изучил судебное дело по обвинению десятиклассника Вячеслава Першина в нанесении тяжких телесных повреждений соученику Александру Инякину. Вина Вячеслава была признана бесспорно. Хотя в душе Геннадий, еще не успевший забыть околошкольных «выяснений отношений», понимал парня: и что тому оставалось делать — чистить ботинки у Красавчика Саши?

Все началось с того, что «новенького» (а Слава Першин перешел из другой школы) в 10 классе сразу же встретили насмешками: «очкарик», «отличник», «любимчик». А он и в самом деле был «слишком правильный» в глазах ребят. С первого класса, как выяснилось в новой школе, круглый пятерочник, аккуратист, эрудит, отрада учителей и комсорга. И при всем при том удивительно независимый парень. Но никак не лидер. Сам по себе. Кстати, как узнал помощник прокурора, после случившегося ребята вдруг его зауважали.

А случилось так, что Красавчик Саша, ухоженный парень баскетбольного роста, стал признанным авторитетом в 10 «А». Учился он «так себе», но был спортивной гордостью школы. В общественной работе демонстра-

тивно не участвовал, но если Саша одобрял мероприятие, весь класс был в нем активен. Девчонки обожали Красавчика, ребята табунились вокруг него. А новенький... Новенький словно бы этого всего не замечал, для него вроде бы и не существовало лидера. Александра это задело. И он сначала насмешничал, потом стал издеваться и, наконец, просто-напросто травить Першина. Однажды в горячке какого-то спора-разговора Слава, сказав: «Плюю я на твой авторитет», плюнул на пол, но... попал на Сашин ботинок. Тот выставил ногу: «Вытри». Слава мучительно начал краснеть, прямо-таки наливаться жаром. Все молча ждали. Слава попросил у девочки тетрадь, вырвал листок, наклонился и со словом «извини» мазнул по ботинку.

— Не халтурь, эрудит,— парень шевелил носком ботинка.

— Нет,— выпрямился Слава,— я извинился, интеллигентному человеку этого достаточно.

— Ты мне трижды вычистишь ботинки, чтобы научиться хорошим манерам, понял?

— Никогда.

И Вячеслава стали встречать после уроков на улице. Саша Инякин и трое его дружков-приспешников протягивали щетку с кремом: «Почисть». И каждый раз били Славу. Так, слегка, «для науки» — то есть унижая, растаптывая достоинство.

Это был какой-то кошмар. У 16-летнего парня, знающего себе цену, имеющего стойкое понятие о собственном достоинстве, не было, казалось, выхода.

Однажды он купил большой перочинный нож... Ранение Инякина в живот было тяжелым. Врачи, к счастью, спасли юношу. А Першина арестовали, потом выпустили до суда, а вскоре судили. Учтя все обстоятельства и личность подсудимого, назначили условную меру наказания.

На том суде и выступила в качестве свидетельницы бывшая учительница Вячеслава В. С. Волокушина. Переверзьев прочитал в протоколе ее показания, а точнее, защитительную речь. Вера Семеновна говорила, что знает Славу с пятого класса, знакома с его семьей, что надеялась выпустить его в жизнь. Да, она сказала то, в чем ее обвинила Инякина. «Нет,— утверждала она,— не Вячеслав Першин нанес этот несчастный удар, не мог он его нанести. Это сделал кто-то другой. Вы понимаете, товарищи судьи, меня? Ни воспитание, ни харак-

тер, ни нравственные установки не позволяли мальчику сделать то, в чем его обвиняют. Будьте к нему снисходительны. Это талантливый юноша, достойный. Поверьте учительнице, тюрьма сломит его».

Геннадий Переверзьев воссоздавал речь учительницы из торопливых строчек протокола. Перед тем он говорил с судьей, и тот живее пересказал эту же речь, взволновавшую его. Понятно, судья и мысли не допускал, будто учительница что-то отрицала. Она просто показала, что человека довели до того, что он потерял себя, пошел против себя...

И вот это письмо Инякиной. «Факты, факты и только факты»,— Геннадий передразнил шефа. Но какие же это факты! А рядом лежала анонимка. С резолюциями из области и из райкома партии: «Проверить», «Разобраться и доложить». Анонимка была злобной, умело составленной. Там учительница не обвинялась так смехотворно, как в письме матери пострадавшего юноши. Там били наотмашь. «Свидетельницу Волокушину наняли родители Першина», «Учительница всегда покрывала этого тихоню, искусственно тащила в отличники. А почему? Потому что куплена давно — не деньгами, так сервизами импортными». При проверке выяснилось, да, когда-то на день рождения ее друзья (семья Першиных) подарили гэдээровский сервиз. Да, мать Славы сразу же бросилась к Вере Семеновне после случившегося. Это были факты.

А потом аноним задавал вопрос: «Может ли гр-ка Волокушина воспитывать детей на образах великой русской литературы, если нечистоплотна в личной жизни? Это после того, как завела постыдную судебную тяжбу с первой женой своего покойного «мужа»? Еще неизвестно, каким образом ей удалось обработать судей, которые три года назад признали действительным ее первый брак, хотя раньше он был расторгнут как незаконный. Эта «воспитательница» поспешила выйти «замуж» за майора, хотя тот был женат, имел детей. Тогда законы были посерьезнее, ей не удалось разбить семью. Так теперь над покойным надругалась».

Обвинение было чудовищным. Но аноним приводил факты. И помощник прокурора с ними ознакомился. Действительно, одно время Вера была в дружеских отношениях с майором, но, сразу узнав всю правду, решила с ним расстаться: у ее друга были жена и ребенок. Майор вернулся к родным пенатам, однако вскоре

порвал с семьей. Подал на развод, сумел его добиться. Майор зарегистрнровался с Верой, н они уехали в далекий гарнизон. А первая жена тем временем писала и писала в высшие судебные инстанции, и решение о разводе отменили уже в надзорном порядке. Но об этом Вера с мужем узнали два года спустя. Их брак оказался автоматически расторгнутым. Но они продолжали жить вместе все эти долгие годы, из которых последние 10 лет «незаконная жена» мужественно ухажнвала за почти неподвижным человеком. И только после смертн мужа она написала жалобу в Верховный суд СССР. Там во всем разобрались и отменили прежнее решение по жалобе первой жены, тем самым оставнлн в силе еднственное из многих решений по этому запутанному делу, признававшее развод с первой женой, а значит, и его брак с Верой. В. С. Волокушина от этого не нмела никаких материальных выгод, абсолютно никаких. Ей просто хотелось и дальше жить с фамилией любимого.

— Это же надо, так все извратить! — воскликнул молодой юрист, прочтя дело. Но зачем все это вытаскнвать на свет божий? Кому это нужно?

Своими мыслямн Геннадий Переверзьев поделился с Иваном Лещем. Они вместе окончили университет: Геннадий стал работать в прокуратуре, а Иван — следователем в управлении внутреннних дел.

— Надо выяснить, кому это выгодно,— сказал Лещ.— Кто заинтересован в том, чтобы дискредитировать учительницу? Мать пострадавшего? Ее открытое письмо можно еще объяснить. Но чтобы копаться в биографин... Хотя все может быть.

— Не похоже, понимаешь, не похоже на эту женщину. Я беседовал с ней. Что-то ее смутило, когда я сказал об анонимках. И все же вряд ли это она писала. Не могу пока объяснить, но чувствую — не она. Может, просто знала о них?

— Дай-ка мне эту пакость,— попроснл Иван. Он еще раз прочел текст, повертел в руках листок.— У меня вдруг одна догадка мелькнула.

Иван Лещ расследовал сложное дело, связанное с хнщениями в торговой сетн. И по ходу следствия «вышел» на одну женщину, работавшую медсестрой в больнице,— она значилась свидетельницей, но многие ее связи с расхитителями вызывали подозрение. Когда молодой следователь спросил, что нз себя представляет И. Н. Свечкина, от него шарахнулнсь, как от ненормального.

— Не говорите мне о ней,— схватился за сердце главврач.

Следователь был крайне удивлен такой реакцией. Но вскоре выяснил, что Ирина Никифоровна была грозой не только для больницы, а и для всего района. Несколько позже, когда у Свечкиной производили обыск, то увидели чуть ли не целый шкаф переписки. Она писала буквально на всех по любым поводам и без поводов. Обвиняла их во всех смертных грехах. Почему? Зачем? «А я борюсь с недостатками,— отвечала Ирина Никифоровна,— на чистую воду вывожу их носителей». И надо сказать, делала это весьма искусно, подтверждая старый афоризм: молва сильнее фактов.

Обыск проводили в связи с тем, что Свечкину заподозрили в продаже лекарств: обычный аспирин ценою в 7 копеек пачечка шел по рублю-два. Таким жульническим способом медсестра выдавала больным людям обычные медицинские средства за ужасно дефицитные препараты. Вину ее установили, но доказали всего несколько эпизодов, суммы были незначительны, и дело прекратили. Но пока оно еще расследовалось, Свечкина завалила инстанции жалобами. Иван Лещ обратил тогда внимание на характер этих жалоб: они выглядели очень убедительно. Это не был обычный для кляузников набор трескучих обвинений. То есть они, конечно, были. Но к ним почему-то в инстанциях проникались доверием.

Весь фокус состоял в том, что факты в писаниях Свечкиной присутствовали. Как-то в больнице украли доски. Перед этим главного врача видели разговаривающим с рабочими. А в тот же день умер больной. И вот письмо в инстанции. В больнице царит вопиющая бесхозяйственность — все растаскивают. Не исключено, что главврач смотрит на все сквозь пальцы не бескорыстно. Между тем в палатах люди мрут. Факты! Начинается расследование, создается комиссия, другая, третья. Ирина Никифоровна отнюдь не всегда скрывает свое авторство. Она даже хвастает собой: «Не анонимщица какая-нибудь». Идет она в бой «за правду» с открытым забралом. Пишет, пишет и пишет. В райком и райисполком, в обком и облисполком, в прокуратуры всех ступеней снизу доверху, во все центральные учреждения.

Следователю обо всем этом главврач говорил шепотом, отведя далеко от больничного корпуса: не дай бог их увидит Свечкина — быть беде. Его предшественника она-таки доконала — ушел «по собственному желанию».

— А почему вы ее за клевету не привлечете к судебной ответственности?

— Ирину Никифоровну? — на лице медика отразился неподдельный ужас.— Да вы что?!

Клеветницу, сколь бы изощренной она ни была, рассуждал следователь, привлечь к ответственности нетрудно. И доказать ее преступление нетрудно. Трудно захотеть доказывать. Возиться никто не желает — вот и чувствуют себя клеветники раздольно. Ведь какова схема? Получают «сигнал» — проверяют. Не подтвердилось — и все вздыхают с облегчением. И шнурки на папках завязывают. Пронесло. А преступление — клевета — так и остается безнаказанным.

— Так ты думаешь...— Геннадий обнадеживающе посмотрел на приятеля, выслушав его рассказ.— Но какое отношение может иметь твоя Свечкина к истории в школе? И к выступлению в зале суда учительницы Волокушиной?

— А вот какое... Ты помнишь, года два назад в городской газете была опубликована статья. Она называлась довольно громко: «Очистим наш город от тунеядцев и хапуг!» В ней говорилось и о перекупщиках на рынках. Тогда в печати целая кампания поднялась, и мы вместе с дружинниками рейды проводили. И опять тогда попала в поле зрения Свечкина. И снова вывернулась.

— Так и что же? — спросил Геннадий.

— А то, что статью-то подписала Волокушина! Учительница и внештатный корреспондент газеты. Страстная была статья. Прищемили тогда хвост разным проходимцам. И Свечкина, уверен, злобу затаила. Эта не спустит. А «почерк» ее.

— «Почерк» взломщика знаю, налетчика, угонщика автомашины. Но почерк кляузника?

— Есть и такой. И отчетливо, кстати, прослеживается. Скажу тебе — Свечкина не проста. Целеустремленна. Жаль только, что на зло. Не рядовая кляузница. Если уж кого-то начнет преследовать — всю подноготную выкопает. А ведь люди-то не без грехов. Уверен, учительнице сейчас не сладко...

И действительно, Вере Семеновне до того было не сладко, что хоть руки на себя накладывай. Исполненные под копирку, кляузы шли в разные инстанции. Они начинались с того, что «взяли под защиту подлого убийцу, случайно не лишившего жизни отличного спортсмена, десятиклассника, единственного сына». Не обра-

тить на это внимания было просто нельзя. Первый же запрос подтвердил факт — «было». «И учительница выступала в суде?» — «Было».— «С семьей подсудимого близка?» — «И это есть».

Веру Семеновну Волокушину пригласил директор школы. Он знал ее давно и хорошо. Авторитет и личная порядочность Волокушиной в его глазах были вне всяких сомнений. Поэтому директор долго искал подходы к существу разговора. Наконец вздохнул и молвил:

— Никогда бы не завел этого разговора с вами, Вера Семеновна, дорогая моя. Но ведь мне надо инстанциям отвечать. Не могу же за вашей спиной. Скажите, почему вы решили выступить на том процессе? Ведь Слава уже учился в другой школе. А вы были вроде бы общественной защитницей.

— При чем тут защитница? — спокойно сказала учительница.— Разве слово учительницы может помешать правосудию? Льщу себя надеждой, что помогла вынести справедливый приговор.

— Правосудие — это хорошо,— тянул директор.— Но вы в семье Першиных бываете, говорят, дружите даже.

— Конечно, бываю и дружу — поэтому, кстати, и в суд пошла. Разве в этом есть что-то плохое?

— Что вы, что вы... так сказать, долг совести. Но что мне в инстанции отвечать?

— Так и ответьте...

Веру Семеновну «на всякий случай» не рекомендовали в заграничную туристскую поездку. Отозвали, точнее, рекомендацию. Это родило массу слухов. А тут еще пригласили в гороно.

— Кстати,— спросили там после всех разговоров общего характера о педагогической деятельности Волокушиной,— это что там за история с двоемужеством, нет... извините... с двоеженством вашего мужа? Да, да, простите, покойного мужа. Понимаем, история очень давняя... Но вот — пишут...

Вера Семеновна и не знала, что готовили документы для представления ее к званию заслуженной учительницы республики. Зато теперь узнала, что документы эти уже не готовят. Тоже «на всякий случай». Ведь «факты» были.

Так что расчет Свечкиной оказался предельно точным, а ее удары весьма результативными. По школе, соседям, родным и знакомым пополз губительный туман слухов, домыслов, а затем и вымыслов. Уже под сомнение

поставили прошлое и заслуженную награду, которой так гордилась Вера Семеновна.

Самое драматичное было в том, что ее, собственно, никто ни в чем не обвинял. Спрашивали. Уточняли. Выясняли. Сочувствовали. От ее объяснений отгораживались: «Да что вы, разве мы сомневаемся в вашей порядочности, это так... ради формальности — надо же отвечать инстанции». Но что стоили все эти любезности по сравнению с тем ползучим, что шипело, злобствовало, отравляло жизнь...

Два юриста, два друга встретились через некоторое время снова. Они перед тем пришли к выводам: во-первых, на учительницу Волокушину возведен явный и злобный поклеп; во-вторых, наиболее верный способ очистить оклеветанного — это изобличить и осудить клеветника. Свечкину им изобличить удалось. Да, анонимки рассылала она, да, печатала их на машинке в своем учреждении ее дочь.

— Мне бы никто не поверил,— нагловато улыбаясь, говорила она Ивану Лещу, который пригласил Ирину Никифоровну на собеседование,— все бы думали, что я мщу учительке. Потому и не подписывалась.

— Но вы и мстили, Свечкина. Разве не так?

— Что вы, боже мой! Ни в коем случае! Я познакомилась на суде с Ольгой Инякиной, когда убийцу ее сына судили.

— Какой же он убийца?

— Все равно. Нож поднял на человека. Это, по-вашему, можно простить? А его простили — подумаешь, осудили условно. Что-то вы добреньким стали, товарищ следователь, к преступникам.

— На меня теперь напишете?

— Вы то дело не вели. А то бы написала.

— А вы пишите заранее, я «учительке» посоветовал в суд на вас подать. За клевету.

— Не клевещу я. Никогда не клевещу. Я факты довожу до сведения. Пусть разбираются...

Надо сказать, Свечкина окопалась достаточно надежно. Ведь под клеветой закон понимает распространение заведомо ложных и не соответствующих действительности сведений, порочащих человека. Доказать это бывает не так просто.

Друзья и обсуждали сложившуюся ситуацию. Геннадий Переверзьев сказал, что он кое-что почитал по «истории вопроса». И оказалось, что тут есть много интересного. И это прямо связано с защитой прав человека

До 1961 года, когда были приняты ныне действующие Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, а затем и гражданские кодексы, честь и достоинство человека охранялись только нормами уголовного права. Оно предусматривало ответственность за оскорбление (ст. 159 УК РСФСР), нанесенное словом или действием; за публичное оскорбление в печати или в изображениях (ст. 160), а также за клевету, т. е. распространение заведомо ложных, позорящих другое лицо измышлений (ст. 161). Тогда закон даже не содержал терминов «честь и достоинство». Защита осуществлялась посредством наказания виновного лица, нанесшего гражданину оскорбление либо оклеветавшего его.

Ныне действующее уголовное законодательство, в частности УК РСФСР, вступивший в действие с 1 января 1961 года, более четко регламентирует ответственность за эти преступления. Так, статьи 130 и 131 дают развернутое определение состава клеветы и оскорбления как умышленного унижения чести и достоинства личности, выраженного в неприличной форме. То есть уголовный закон уже знает понятия «честь и достоинство». Тогда же была введена гражданско-правовая защита доброго имени. Ведь уголовное право по своей природе не может в полной мере защитить репутацию, оно наказывает клеветника, но не преследует и не может преследовать цели непосредственной реабилитации оклеветанного или оскорбленного гражданина в общественном мнении. Приговор по уголовному делу хотя и выносится публично, тем не менее не всегда известен тому кругу лиц, среди которых были распространены порочащие сведения.

Гражданское право восстанавливает, как говорят юристы, первоначальное положение субъектов общественных отношений. Статья 6 Основ гласит, что защита гражданских прав осуществляется путем «восстановления положения, существовавшего до нарушения права». Это чаще всего используется в имущественных отношениях, когда речь идет о возмещении вреда или убытков, как бы дополняя меры уголовного воздействия. В этой связи и возникла идея использовать восстановительную функцию гражданского права для реабилитации доброго имени. Статья 7 Основ предусматривает, что гражданин или организация вправе требовать по суду опровержения порочащих их честь и достоинство сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности.

Что же касается вопроса о том, каким способом потерпевший может добиваться восстановления его репутации, то это разъяснено в постановлении пленума Верховного суда СССР от 17 декабря 1971 года «О применении в судебной практике статьи 7 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик о защите чести и достоинства граждан и организаций». Потерпевший вправе воспользоваться любым способом, в частности просить суд привлечь виновного к уголовной ответственности. При этом распространивший позорящие сведения может быть осужден только тогда, когда будет доказано, что эти сведения распространены по его вине и что они заведомо ложные. Если же будет установлено, что сведения не являются «заведомо ложными», то есть распространивший их добросовестно заблуждался, то уголовная ответственность не наступает. Однако опороченный человек не лишается права требовать опровержения позорящих сведений путем предъявления гражданского иска.

Вопрос о том, какие сведения следует считать порочащими честь и достоинство, не простой, не все граждане в этом разбираются достаточно хорошо. Порочащими являются такие сведения, которые чернят человека в общественном мнении, безосновательно ставят под сомнение его поведение как гражданина социалистического общества, обвиняют в попрании принципов коммунистической морали. Не прибегают же люди к защите закона не потому, что чего-то не понимают или не знают, а часто потому, что «не хотят знать». В этом повинна и правовая пропаганда. Бытует мнение, что клеветник всегда отделается лишь легким испугом. Между тем, например, клевета, соединенная с обвинением человека в совершении государственного или иного тяжкого преступления, наказывается лишением свободы на срок до 5 лет. Это преступление квалифицируется как ложный донос.

Все это, конечно, хорошо было известно и следователю милиции. Он и спросил у Геннадия — к чему, собственно, изложил он ему азбучные правовые истины.

— А затем, товарищ лейтенант, что не хочу я эту клеветницу безнаказанной оставить,— ответил Переверзьев.

— Ты ж против нее уголовное дело не возбудишь Как тебе хорошо известно, клевета и оскорбление относят-

ся к делам частного обвинения. Только сама потерпевшая вправе обратиться к помощи закона,— возразил Лещ.

— В исключительных случаях и прокурор может возбудить преследование клеветника.

— А есть ли в этом случае повод? Ты смотри. Свечкина пишет, пусть и анонимно, об имевших место фактах. Она их только истолковывает в невыгодном для учительницы свете. Она хитра. Познакомилась с убитой горем женщиной и подстрекала ее написать письмо на несправедливый с ее точки зрения приговор. Есть тут криминал? Нет конечно. Уговаривает дочку печатать анонимки. Дочь совершеннолетняя, отдает отчет в своих действиях. Морально нечистоплотно? Безусловно. Но криминала опять нет. Пойдем дальше.

— Дальше идти некуда. Я говорил с Верой Семеновной. Она наотрез отказывается подавать заявление. Не хочу, говорит, в грязи вываляться. И никаких дел не хочу иметь с той женщиной.

— Но если мы так все оставим... Нет, нельзя такое прощать. Нельзя безразлично смотреть, как втаптывают в грязь хорошего человека.

В дальнейшем события развивались так. Мать Вячеслава Першина все же написала заявление; она требовала привлечь к уголовной ответственности гражданку Свечкину, которая обвинила ее в анонимных письмах в том, что якобы она «наняла учительницу Волокушину выступить в суде в защиту ее сына». Наняла — то есть заплатила за это.

Единственный промах сделала Ирина Никифоровна в своих писаниях. И предстала все же перед судом по обвинению в клевете.

Процесс начался в красном уголке жэка, но он не вмещал всех желающих присутствовать на этом мероприятии, и поэтому суд сразу же перешел в расположенный неподалеку клуб фабрики «Красная Роза». Это была выездная сессия народного суда. Свечкина, надо отдать ей должное, защищалась искусно. Она напирала на одно — «сообщала в различные организации лишь известные ей факты, никаких выдумок себе не позволяла». Помощник прокурора Геннадий Переверзьев поддерживал обвинение: в прокуратуре сочли, что это тот самый исключительный случай, когда нужно выйти за рамки частного обвинения. Вера Семеновна вынуждена была давать показания как свидетельница.

На суде неизбежно говорили о многих аморальных делах Ирины Свечкиной. И все же прокурор подавил в себе неприязнь к подсудимой. Закон есть закон. Какие бы эмоции ни вызывала сидящая на скамье подсудимых женщина, но она может отвечать только за те действия, которые совершила, и те, которые обозначены в уголовном кодексе. Поэтому, обвинив Свечкину в клеветнических измышлениях в адрес семьи Першиных, прокурор потребовал в качестве меры наказания — объявить общественное порицание.

Суд согласился с мнением прокурора.

Сначала многие из присутствующих говорили, что злостная клеветница и анонимщица вышла сухой из воды. Но вскоре поняли, что глубоко заблуждаются.

Значение имела не мера наказания, а сам тот факт, что клеветницу назвали клеветницей, что ей был вынесен обвинительный приговор. Не меньшее значение имел и тот факт, что публично, при набитом битком зале было сказано доброе слово о Вере Семеновне Волокушиной, которое развеяло туман наветов, слухов и домыслов. Когда Геннадий Переверзьев говорил о ее мужественной защите своего ученика, о самоотверженном уходе за больным мужем, зал вспыхивал аплодисментами.

Свечкина после суда устроила обмен жилплощади и уехала.

Вот только сорвалась заграничная туристская поездка Веры Семеновны. И документы на представление ее к званию заслуженной учительницы как отозвали, так обратно и не вернули. Общественное мнение не знает перестраховки. Чего нельзя сказать о мнении должностных лиц. Они осторожны: ведь что-то было...

Восемь лет спустя... И еще пять

Со следственными и судебными ошибками мы сталкиваемся чаще, чем хотелось бы. А какова их природа? Да, бывает, что просто-напросто преступно обвиняются в не совершенных ими преступлениях заведомо невиновные люди. В сталинские времена это «бывает» стало массовым правилом. Палачи в мундирах НКВД, судьи и прокуроры, когда они были, не могли не знать, что никаких заговоров, террористических актов, антисоветских групп и центров не было. Но вполне сознательно выбивали предписанные сверху показания.

Изменились времена. Суд стал открытым, состязательным, гласным, соблюдались все процедуры, обвиняемые имели защитников. И все же «телефонное право» времен застоя смеялось над правосудием. Заведомо невиновные при свете гласности и при соблюдении процессуальных норм осуждались на долгие годы лишь по указанию носителя власти.

Это все — преступно. Правда, преступников высоких рангов, дававших указания, равно как и безропотных исполнителей, никто не уличал и не судил, как правило. Но тем не менее их деяния заведомо противоправны.

Но бывает и так, что порядочные и добросовестные следователи, прокуроры и судьи, ставя перед собой исключительно благородную цель — наказать зло, восстановить справедливость, защитить человека, приходят к противоположным результатам. Речь идет действительно об ошибках, о добросовестных заблуждениях. Мне и хотелось показать, если так можно сказать, механизм, или технологию, подобных случаев. Тем более что с делом, о котором пойдет речь, я был знаком во всех деталях: читал материалы предварительного следствия, подолгу беседовал со следователем и прокурором, от начала и до конца был в зале суда, а потом написал о процессе в газете. Понятно, сам я допросы обвиняемых не вел. Однако слушал их показания в суде и теперь, по прошествии многих лет, могу подтвердить: я был искренне убежден, что осуждены эти два человека были правильно. После долгих бесед со следователем и прокурором я утвердился во мнении, что и они в этом уверены.

Но... Впрочем, сначала я предложу читателю то, что я написал по свежим впечатлениям от процесса.

От момента, когда было совершено преступление, и до того, как в этом деле была поставлена последняя точка, прошло без малого восемь лет. Все в этой истории переплелось так, что страдала невиновность и торжествовал порок. Ложные пути следствия и даже самого правосудия казались истинными, а истинные подвергались сомнениям. Заблуждение судей приветствовалось, а стойкость в борьбе за истину осуждалась.

В очерке, увы, не удастся изложить и малой части того, что заключено в 63 томах этого уголовного дела, которое тогда окрестили «харьковским», поэтому постараюсь передать лишь узловые моменты этой драматической во всех отношениях истории.

Несколько лет назад в Харькове в 23 часа 40 минут около своего дома на Кутовой улице была убита 17-летняя студентка радиотехнического техникума Ирина Коляда.

Примерно в 21 час Ирина поехала в душ. В 23 часа 30 минут, когда Ирина уже возвращалась, недалеко от дома ее встретила подруга Байстрюченко. А через десять минут, когда шла спортивная передача, соседи услышали приглушенный крик, но не обратили на это внимания. Пробило двенадцать часов, а девушка не возвращалась. Ее мать в час ночи вышла из дому и увидела, как какой-то мужчина метнулся от забора Ботанического сада. Когда мать подошла к тому месту, то увидела труп своей дочери. Девушка, как установил эксперт, была изнасилована и убита.

Понятно, харьковская милиция была поднята на ноги. Стали искать. Однако никаких следов преступники не оставили: только сумочка с вещами Ирины валялась поодаль, кирпич, которым были нанесены удары, да еще авторучка. Ни отпечатков пальцев, ни следов обуви. Мать видела убегавшего буквально секунды, да и то со спины.

Поскольку на месте происшествия никого задержать не удалось, а видимых следов преступники не оставили, милиция стала собирать сведения обо всех происшествиях в тот вечер: о хулиганских выходках, драках, шумных выпивках. И кажется, что-то начало проясняться... Сторож Жукова показала, что к ней приставал какой-то парень, которого звали Виктором, а у него было двое друзей — они вместе выпивали в тот вечер... Еще «сигнал» — рядом с убитой живет глухонемая Войтова. Около полуночи она ехала домой в трамвае, и к ней пристали ребята, когда сошла на остановке, погнались за ней. Естественно, возникли ассоциации по аналогии действий — к одной приставали, но она убежала, к другой стали приставать... Логично! Правда, к Войтовой приставали в 12 часов ночи. Следовательно, не могли в это же время нападать на Ирину Коляду. Тем не менее решили искать этих троих.

Подозрение пало на Хвата, Бобрыжного и Залесского, которых в этот вечер якобы видели подвыпившими. Они, по словам свидетелей, вели себя несколько вольно. Показания были сомнительными. Однако никаких других вообще не было. А дело такое, что не оставишь — весь город о нем говорил. Ну и решили «рискнуть» — авось потом все прояснится.

Троих арестовали. После недолгого запирательства они сознались в изиасиловаиии и убийстве Ирины Коляды. Рассказали и показали, как все происходило. Были проведены необходимые следствеиные эксперименты, собраны свидетельские показания. Мать Ирины опознала в одном из них убегавшего по Кутовой улице человека.

Дело пошло в суд. И тут произошла первая из миогих в этой истории неожиданностей. На вопрос председательствующего: «Признаете ли себя виновным?» — трижды прозвучало:

— Нет, не призиаю.

— Ни в чем не виноват.

— Я ие совершал преступления.

Тем не менее Харьковский областной суд пришел к выводу, что обвинение доказано, и приговорил троих к высшей мере наказания. Верховный суд УССР посчитал, однако, что вина подсудимых не доказана. Вновь слушал дело Харьковский областной суд и решил послать дело на доследование, ибо в нем при более внимательном рассмотрении оказалось немало белых пятен. В третий раз подсудимые предстали перед коллегией Харьковского областного суда. Приговор гласил: двоих к высшей мере, одному — 15 лет лишения свободы.

Коллегия по уголовным делам Верховного суда Украииы, рассматривая кассациоииые жалобы обвииияемых, тщательнейшим образом взвесила каждую улику, проверила показания каждого свидетеля, сопоставила каждую строчку обвинительного приговора с материалами предварительиого и судебного следствия. И пришла к выводу: участие Хвата, Бобрыжного и Залесского в инкриминируемом им преступлении не доказано. Дело в отношении их было прекращено, и они освобождены из-под стражи.

Надо сказать, что судебная коллегия Верховного суда УССР проявила и мудрость и мужество. Да, и мужество. Потому что два приговора областного суда, общественное мнение, сложившееся вокруг преступления, огромиый материал предварительиого следствия, самооговор обвиняемых — все это трудно сбросить со счетов. Нельзя забывать и о том, что, констатируя иедоказаиность обвинения троих, судьи, в сущности, «делали» нераскрытым серьезнейшее преступление — какие там шансы раскрыть его по истечении трех с лишним лет?!

Словом, разных соображений было миого. Но им всем противостоял незыблемый принцип правового суда —

коль скоро преступление не доказано на все сто процентов, без всяких сомнений и скидок, значит, оно не доказано вообще и обвиняемые не могут быть признаны виновными. На решение коллегии Верховного суда УССР последовал протест прокурора республики. Однако пленум Верховного суда Украины, а потом и пленум Верховного суда СССР оставили это решение в силе. В адрес следственных органов было вынесено частное определение. А против виновных в нарушениях социалистической законности, приведших к тому, что трое ни в чем не повинных людей признались в тягчайшем преступлении, возбудили уголовное дело, и впоследствии они были осуждены.

Теперь, когда, кажется, ясны заблуждения и ошибки, когда ложность принятых версий вне сомнений, когда необоснованные приговоры стали достоянием архива, когда травмы невинно осуждавшихся затянулись хоть немного, наступило время делать выводы, извлекать уроки и т. д. Это не входит в задачи автора очерка. Однако он не может ограничиться стереотипной фразой — «справедливость восторжествовала». Ему кажется излишним повторять об ответственности, высокой миссии суда и т. п. известные всем истины. И все-таки знакомство с делом требует напомнить одно не новое тоже, но чрезвычайно важное обстоятельство.

Твердость в отстаивании своих позиций заслуживает всяческих похвал. В принципе — да. Но твердость проявили и члены коллегии Харьковского областного суда, дважды вынесшие обвинительный приговор. Твердость проявила коллегия Верховного суда Украины, отвергая приговор, в котором не все концы сходились с концами. Две, так сказать, твердости. Одна зиждилась на уверенности, другая — на сомнении. Первое основание всегда кажется более заслуживающим внимания, второе мы чаще считаем шатким. Увы, уверенность в истине иногда подменяется уверенностью в своей правоте, в своей непогрешимости, в своем понимании истины. Для правосудия такая подмена, и об этом со всей красноречивостью свидетельствует «харьковское дело», гибельна. Сомнения, сомнения и сомнения там, где истина не прояснена до мельчайших своих черточек (об этом тоже говорит дело), только и ведут к справедливости. Эта сентенция нужна автору не только для того, чтобы бросить взгляд на предшествующие события, но и для того, чтобы точнее охарактеризовать последующие.

Итак, трое оправданы. Это предыстория того, с чем столкнулся следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Юлий Дмитриевич Любимов, которому поручили вести дело. Прошло три года с момента преступления. По существу, следствие оказалось у разбитого корыта. Ирина Коляда убита — это факт, от которого никуда не денешься. И все. Больше никаких не то что данных, хотя бы намеков. Кроме, пожалуй, одного и весьма существенного — твои предшественники легко поддались ложной версии и это чуть не кончилось катастрофой.

С чего же начать? И где искать? В каком хоть направлении? Эти вопросы со всей неумолимостью встали перед следователем.

Двадцатитомное дело Хвата, Бобрыжного и Залесского, которое проштудировал следователь, убеждало лишь в том, что непосредственные следы стерты. Какой-либо хоть слабой ориентировки на действительных преступников в этих томах вроде бы не содержалось. Вроде бы... Но чтение дела все же наводило на некоторые размышления.

Положив в основу версии хулиганское нападение, то есть заранее ограничив себя соображением, что насильники были случайные, не знакомые Ирине люди, прежнее следствие не проверило достаточно тщательно круг связей Коляды. Все, кто «мог» совершить преступление в то время — рецидивисты, записные хулиганы и т. д.— были в поле зрения милиции. А вот кто «не мог» пойти на такое деяние («не мог» в том смысле, что ничем не привлекал своим поведением розыск) — таких и не пытались искать. Будто бы и ни к чему это было — какой там круг знакомств у семнадцатилетней девушки: подруги по техникуму, соседи. Парней, по словам матери, у Ирины не было. Однако заключение экспертов свидетельствовало о другом — Ирина, увы, рано познала жизнь. Никто из знакомых Ирины между тем после трагедии не выдал своей близости с покойной. Значит, либо не состоял в такой связи; либо по каким-то причинам не хотел открыться; либо, наконец, эта связь была случайной.

Но с кем была в связи Ирина? Ее родные ничего об этом не могли или не хотели сказать. Тем не менее следователь укрепляется в мысли проверить интимные отношения Ирины. Увы, подруги покойной тоже не назвали кого-либо определенного. Но их рассказы оказались чрезвычайно важными. Ира, говорили подруги, последнее время

много говорила о семейной жизни. Разные медицинские книжки читала. Интересовалась, как устанавливают и прерывают беременность. А вообще у нее кто-то был, они уверены в этом.

— Она ждала ребенка? — спрашивали подруг.

— Этого она не говорила.

Тогда эта сторона жизни покойной осталась в тени. Медицинского заключения не было. Определить к моменту суда, была ли Ирина «беременна», оказалось уже невозможным. Но возможно ли, чтобы не случайная, по всей вероятности, связь осталась не замеченной никем? Теоретически, да. Практически же...

— Я ничего не могу утверждать, товарищ следователь,— однажды сказала Любимову подруга погибшей Щербакова,— да только как-то Ира упоминала некоего Валентина. Она его любила очень. Кто он? Не знаю. Говорила, что музыкант и намного ее старше.

Никаких других в этом смысле данных следователь не добился. Но может быть, девушка обращалась к врачам? Начались бесконечные поиски, и здесь — безрезультатно. Тетка Ирины работает на железной дороге, прикреплена к ведомственной больнице. Может, искать здесь? Нелегко поднять архивы за пять лет.

Любимов, однако, все проверил, хотя ничего и не достиг. Стал расспрашивать врачей, но что они скажут — сколько проходит людей перед ними. И все-таки, когда доктора Альфреда Францевича следователь спросил, не помнит ли он девушку, которая пять лет назад обращалась по поводу беременности, тот как бы растерялся.

— Кажется, для кого-то просил мой племянник. Впрочем, увольте, не могу достоверно знать. В конце концов, мужчина должен иметь свои тайны. Вы не согласны, м-м, товарищ следователь?

Опытного криминалиста привлекло одно обстоятельство: доктор, уже пожилой человек, хорошо помнил о каком-то рядовом для него случае, распространяться же о нем не хотел. Почему?

— Кто этот племянник?

— Его зовут Валентин.

Показания старого доктора были очень шаткими. Определенно же в них было одно: Валентин однажды брал у своего дяди-врача для кого-то направление для установления беременности. Валентин — музыкант.

Слова Щербаковой... Теперь вот доктора... Это уже какой-то след. Единственное, что оставалось, узнать, для кого выдавалось направление.

Сначала Валентин вообще отрицал тот факт, что обращался к кому-либо с такой просьбой. Последовала очная ставка с дядей-врачом...

— Да, кажется, что-то было. Это направление я брал по просьбе жены.

Но жена отрицала, что когда-либо просила такое направление. И только после очной ставки с женой Валентин признал, что брал направление для своей знакомой, она от него ждала ребенка...

— Ее звали Ирина?

— Да.

— Вы ее убили?

— ...

Вымолвить «да» в ситуации, когда грозит такое обвинение,— почти невозможно. Но Валентин понял, что деваться некуда. И в конце концов он вымолвил это страшное «да».

Итак, признание... Царица доказательств, по мнению некоторых юристов. И — всего лишь одно из доказательств по советскому судопроизводству, не имеющее самостоятельного самодовлеющего значения. Признание необходимо подкрепить другими объективными уликами, оно должно замкнуть цепь доказательств, но не подменить ее.

Тем более признание настораживало в данном случае — Хват, Бобрыжный и Залесский тоже ведь признавались. Поэтому для Любимова и его товарищей, которые помогали в расследовании, короткое «да», произнесенное подозреваемым, стало не завершением, а скорее началом большой кропотливой работы.

Да, Валентин признался. Но значит ли это, что он будет искренним до конца? Он сказал «да», ибо не мог объяснить, для кого брал направление. А разве исключено, что он «одумается»? Изменит показания? Начнет все отрицать? Ведь у следователя нет достаточно веских улик, которыми бы преступник изобличался. Нет отпечатков пальцев на орудии убийства. Никто не видел преступника вместе с жертвой (мать Ирины, «опознав» в свое время Хвата, и теперь стояла на своем), никто даже не мог подтвердить связи подозреваемого с Ириной. Так что «голое» признание еще должно обрасти уликами, которые в данном случае способен дать только сам преступник, в противном случае его вину не докажешь.

За много месяцев следствия производилась масса допросов, очных ставок, экспертиз, экспериментов. Пре-

ступление и сопутствующие ему события изучались со всех сторон. Основа же тактики, которую избрал Любимов, заключалась именно в этом — получить от самого обвиняемого все подробности. Это нужно было, во-первых, для того, чтобы их знать — следствие в момент признания располагало весьма скудными сведениями. А во-вторых, рассказав никому не известные детали, преступник изобличит сам себя — конечно, если эти детали объективно подтвердятся. Только в этом случае слова станут уликами. И они, как мы увидим дальше, стали для судей существенными доказательствами вины. Не будь этого, не подкрепи и не закрепи следователь каждое показание, кто знает, как бы повернулось дело во время процесса...

Однако мы забегаем вперед. Пока что у нас только признание. Следствию еще многое не ясно в цепи трагических событий той майской ночи. Одно из таких «белых пятен» — время преступления. Белое это пятно не удалось заштриховать предыдущему следствию. Факты не укладывались в схему — и факты отбросили. Любимов и его товарищи долго ломали головы над этой загадкой.

В самом деле, еще тогда свидетельница Байстрюченко говорила, что в 23 часа 30 минут встретила взволнованную Ирину, которая шла к своему дому. В 23.40 соседи слышали крик. Мать же видела убегавшего мужчину в час после полуночи. И эксперт подтвердил, что труп пролежал около полутора часов без перемещения и изменения позы. Но куда же девать этот час или даже полтора? Не мог же преступник (или преступники) столько времени просидеть просто так над своей жертвой? Прошлое следствие просто опустило показания подруги и соседей, подогнав время преступления к часу ночи.

А что же было на самом деле? Любимов не торопился делать выводов. Это мог объяснить только виновный, поскольку других очевидцев не было. И Валентин объяснил.

Он действительно встречался с Ириной. Потом оборвал с ней связь и женился на другой. А вскоре свидания возобновились. Оба соблюдали сугубую осторожность. Но с некоторых пор Ирина стала настаивать, чтобы он разошелся с женой — в противном случае грозила все раскрыть.

28 мая около 22 часов он встретился с девушкой, чтобы выяснить отношения. Вместе с ним был его брат Олег. Переговоры ни к чему не привели. Брат, видя их бесплодность, ушел... Девушка тоже направилась

к дому. Валентин не знал, что делать, решил догнать Ирину, чтобы еще раз попытаться убедить ее «не делать глупостей». В этот промежуток и встретила Ирину Байстрюченко. Догнав девушку, Валентин потребовал слова, что она все будет хранить в тайне. Та отказалась. В это время Валентин попытался овладеть своей бывшей любовницей. В пылу ссоры она ударила его по щеке. Валентин схватил кирпич и нанес ей удар...

— Я испугался,— объяснил он следователю,— оттащил ее к забору, а сам поехал к Олегу. Все ему рассказал. Вместе мы приехали на Кутовую улицу. Олег склонился над телом Ирины, но тут вышла какая-то женщина и мы убежали...

— Значит, Олег все видел.

— Да, он был со мной.

Олег, кандидат технических наук, тоже признался, что знал о преступлении брата, был на месте происшествия. Показания обоих совпадали, цепь событий фактически и логически замыкалась.

Но Олег рассказал не только о самом происшествии. Оказывается, утром его с Валентином отец и супруга старого доктора, узнав обо всем, решили спасать своего близкого. Уже стало известно, что арестованы «какие-то хулиганы». Но вдруг розыск нападет на верный след? Преступление, правда, не имело очевидцев. А связь Валентина с Колядой? Стоит установить это... Родственники собрали 3 тысячи рублей и отвезли матери Ирины: пусть только она умолчит о связи дочери с Валентином. Такие показания дал Олег.

Разумеется, следствие установило, кто возил на своей машине эту компанию — то был Семянцев. Он подтвердил факт поездки и опознал через много лет отца Олега, его трость, указал точный маршрут. Соседи Ирины подтвердили, что машина марки «БМВ» действительно приезжала и что вышедшие из нее люди вели переговоры с матерью о деньгах. Да и сами родственники не отрицали визита к матери покойной...

Так по крупицам добывались улики. Свидетельница Енина показала, что около полуночи 28 мая видела двух мужчин на Кутовой улице, в одном она опознала Валентина. Сослуживцы Олега слышали, как однажды на банкете в подпитии он сказал, что его брат является «героем» нашумевшего дела об убийстве девушки. Верно, наутро, когда возник об этом разговор, Олег заявил, будто говорил лишь о такой возможности, абстрактно.

Слово, однако, не воробей, коль вылетело — его не поймаешь. Показания трех научных работников стали еще одной серьезной уликой.

Мы упоминали авторучку, которую потерял убийца? Следователь осторожно завел с Валентином разговор и о ней.

— Ручку я действительно потерял тогда. Харьковская авторучка. Я ею все время пользовался.

Почерковедческие экспертизы подтверждают: да, документы, датированные до 28 мая, могли исполняться этой ручкой, после Валентин писал уже другой. Жена Валентина припомнила, что он действительно потерял ручку — она ею тоже писала. Так и эта улика легла в ряд других. И теперь уже признание все основательнее подкреплялось объективными данными.

Перед Валентином положили три фотографии.

— Покажите, где Ирина Коляда.

На секунду он задумался. Палец показал было на другое лицо. Но сразу же изменил направление.

— Вот Ирина. Хотел было спутать карты, да нет, лучше уж все начистоту.

Настало время провести следственный эксперимент. Братья по очереди со следователями и понятыми выехали на место происшествия. Почти безошибочно указали они, где лежал труп сначала, куда его оттащили. Валентин показал вход в Ирину квартиру, ему было известно, какая у них мебель и как она расставлена в комнатах. При этом оба подробно описали все свои действия — это было записано в протоколе и еще на магнитофон.

Так, кажется, замкнулся круг. Позади эксперименты, очные ставки, допросы. Все концы с концами, кажется, сошлись. Признание подтверждено свидетельскими показаниями, массой других улик.

Коллегия по уголовным делам Верховного суда УССР под председательством М. Ф. Верещаги начала слушать дело. Установлены личности подсудимых, выполнены все формальности. Зачитывается обвинительное заключение. Валентин обвиняется в убийстве Ирины Коляды, Олег — в сокрытии этого.

— Подсудимый,— обращается судья к Валентину,— вы признаете себя виновным?

— Нет, я абсолютно ни в чем не виноват.

— Подсудимый,— обращается судья к Олегу,— вы признаете себя виновным?

— Я полностью отрицаю свою вину.

В зале суда сгустилась тишина...

Неповторимой особенностью этого судебного процесса было то, что в деле Валентина и Олега содержалось, как его составная часть, дело Хвата, Бобрыжного и Залесского. Хват и его товарищи на предварительном следствии оговорили себя (мы не будем касаться причин и возьмем лишь факт). Когда они предстали перед судом, то отказались от показаний, заявили, что ни в чем не виноваты, признание они сделали под давлением следователей. И, как мы знаем, все подтвердилось. Приговоры в их отношении были отменены, и все трое признаны невиновными.

И вот как будто бы ситуация повторяется. Там на предварительном следствии было признание — и здесь. Там на суде подсудимые сразу же отказались от показаний — на этом тоже. Там был установлен самооговор... А здесь? Собственно, стержнем процесса и стал вопрос: дали признание подсудимые или оговорили себя на предварительном следствии.

Начинает задавать вопросы государственный обвинитель, прокурор прокуратуры СССР Валентин Григорьевич Демин. Подсудимые заявили, что оговорили себя по наущению следователя и под его давлением.

Прокурор, обращаясь к Валентину, спросил:

— Вы сказали, что хотите теперь, в судебном заседании говорить только правду. Скажите ее. В чем заключалось давление со стороны следователя?

— Сказать трудно,— отвечал подсудимый.— Меня не били, не морили голодом или бессонницей, никаких таких средств не применяли. Но следователь сказал: «Возьмешь вину на себя, буду стараться смягчить твою участь, откажешься — тебя ждет самая суровая кара».

— И вы, считая себя невиновным,— говорит прокурор,— взяли вину на себя?

— Да, а что оставалось делать? Я чувствовал себя в замкнутом кругу.

— Во-первых, вас допрашивал не один следователь. Во-вторых, не мальчик же вы, а грамотный взрослый человек, понимаете, что означает оговорить себя. Наконец, в-третьих, вас допрашивал заместитель Генерального прокурора СССР, почему ему не сделали заявление?

— Я думал, что следствие во всем разберется и опровергнет мои измышления. И потом, меня специально готовили к этой встрече.

— Встрече предшествовал допрос 5 марта. Он стенографировался. Вас ведь в присутствии стенографистки готовили?

— Она же,— говорит Валентин после длительной паузы,— могла выходить.

Я привел этот отрывок допроса, чтобы просто передать характер бесчисленных словесных поединков.

Прокурор профессионально вел эти очень сложные поединки. Дело он знал до последней запятой, чуть не на память цитировал показания обвиняемых, логика его вопросов была завидной.

Судебное следствие шло примерно полтора месяца. К концу его кое-кто начал даже сетовать — мол, затянули, все уже и так ясно. Да, все более или менее становилось ясным. Обвинение однако этим «более или менее» не могло удовлетвориться. Надо ведь учесть, что обвинение поддерживалось на косвенных уликах — никто, кроме матери погибшей, не видел преступников над трупом. Мать же упорно твердила, что видела Хвата. Никто прямо не подтверждал связь подсудимого с Ириной. Значит, каждая косвенная улика должна была быть безупречной. И каждая стала такой.

Вопросы прокурора образовали логическое кольцо, в котором не осталось ни одной щелочки. И когда подсудимые, отрицая причастность к событию, вынуждены были объяснять, откуда же им известны такие детали, которые следователь не мог подсказать при всем желании, они беспомощно тыкались в стенки этого логического кольца.

Надо отдать должное и защите — С. Б. Любитов и М. П. Городисский вели дело очень квалифицированно. (С одним из них — Марселем Павловичем — я познакомился, много беседовал и об этом деле, и о юриспруденции вообще. Городисский — культурнейший юрист, эрудированный человек, он был серьезным процессуальным противником сравнительно молодого прокурора.) На стороне защиты был могучий союзник — оправдание троих, которые тоже... признавались.

В союзе с обвинением были улики. Но насколько они надежны?

Вот, скажем, такой эпизод. Валентин, который на суде вообще отрицал всякое знакомство с Ириной, точно описал расположение мебели в ее комнате. Известно это ему было якобы со слов следователя. При этом он не указал трюмо, которое стояло раньше, но которого потом не было. Защита, естественно, истолковала эту

«ошибку» в пользу подсудимого — следователь-де не знал, что было раньше, поэтому и не мог сообщить о трюмо. Прокурор просит огласить показания свидетельницы Тишко — это она дала правильное описание квартиры вместе со злополучным трюмо еще до ареста Валентина. Показания эти были перед глазами следователя. И если он «учил», то вряд ли опустил бы эту деталь.

Но, естественно, построить только на этом все обвинение было бы по меньшей мере легкомысленным. Я уже упоминал о показаниях свидетелей и других уликах, которые разоблачили ложь подсудимых. Иногда какая-то мелочь под скрупулезным анализом обвинения приобретала силу серьезного доказательства.

Мать погибшей, получив в свое время деньги от семьи Валентина, отрицает даже простое знакомство с обвиняемыми и их близкими.

— Хорошо,— спрашивает ее прокурор,— но ведь вы ездили к его родственникам, в частности к доктору?

— Ну ездила.

— Зачем?

— Просто так...

В сопоставлении с показаниями шофера, который возил родственников подсудимого к матери Ирины сразу после ее гибели, эти слова уже приобретали силу улики — была, значит, связь Валентина и его родных с матерью погибшей. Поэтому ложны заверения подсудимых о том, что никаких отношений между семьями не было.

Второй месяц идет процесс. Подсудимые упорно отрицают свою вину. Прокурор, адвокаты вновь возвращаются к материалам предварительного следствия, к показаниям подсудимых на суде. Валентин на вопрос, как ему удалось абсолютно точно указать местоположение трупа, если он никогда не бывал в тех местах, начинает рассказывать, как однажды искал какой-то клуб и забрел на Кутовую улицу, а когда следователь вынудил признание, то «местность представилась ему словно на картине». Олег говорил о том, что его брат Валентин мягкий человек, сильно пьет, запутался с женщинами и что поэтому «сломить» его не составило труда, сам же он оговорил всех по злобе и теперь раскаивается и т. д. и т. п.

Крутится магнитофон. И хотя процесс идет уже полтора месяца, хотя все перипетии преступления не раз пересказывались, запись слушают затаив дыхание.

Голос Валентина: «В жизни моей случилась непоправимая трагедия: я убил Ирину. Много лет лежал на

душе этот груз. Больше таить преступление я не мог. Я не хотел убивать — все произошло так внезапно. Мне трудно говорить об этом, но еще труднее молчать. Мои близкие хотели скрыть мое преступление, я понимаю, что своим признанием подвожу их, но что делать. Я чистосердечно признаюсь и искренне раскаиваюсь. Прежние показания я давал под влиянием брата.

Итак, в отношениях с Ириной у меня было два периода. Первый — чистый и безоблачный. Второй, очень трудный, начался после моей женитьбы на другой женщине. Тут я испытал все со стороны Ирины: угрозы, шантаж, слезы, скандалы. И наконец известие, что она беременна...

В тот вечер...»

Дальше во всех подробностях следует рассказ о преступлении, которое описано выше.

Затем мы слушаем записанные на магнитофон показания Олега. Они столь же обстоятельны и украшены неповторимыми деталями.

Голос Олега: «Валентина я знаю с детства. Он рос изнеженным мальчиком, занят был только своей музыкой... О связи его с Ириной узнал от него самого. Он уже был помолвлен с будущей своей женой. Однажды сказал, что Ирина в положении, надо искать врача, чтобы прервать беременность. Ночью он прибежал к нам взволнованный, испачканный в крови. Сказал, что на него напали хулиганы. Когда же жена моя вышла, выложил все. Начистоту. Как объяснился с Ириной, как ждал ее из душа, как они поссорились, как она ударила его и как он схватил кирпич и нанес ей удар. Он очень просил поехать с ним. Я согласился. Ирина лежала недалеко от дома, она была мертва. Мы попытались оттащить ее, но тут вышла какая-то женщина...

Утром я обо всем рассказал своему отцу. Пришла жена нашего дяди, врача. Решили, что надо обязательно скрыть связь Валентина с Ириной, о которой в общем-то никто не знал, так как Валентин был очень осторожен. Собрали три тысячи рублей, и отец повез их матери Ирины...»

Так что это, самооговор? Нет, чаши весов правосудия склоняются все больше не в сторону подсудимых. Нет, не оговорили себя подсудимые, а признались в содеянном, а теперь пытаются уйти от ответственности. Об этом говорят не предположения, а факты, улики, доказательства.

Мне бы хотелось обильно процитировать речи государственного обвинителя и защитников. Это были убе-

дительные, захватывающие, блистательные речи. Но как процитировать, если В. Г. Демин говорил больше пяти часов, а М. П. Городисский и С. Б. Любитов заняли полный рабочий день своими выступлениями? Причем участники процесса не страдали пустословием: слишком сложно было обозреть 63 тома уголовного дела, дать анализ показаниям подсудимых, обосновать свою точку зрения на факт изменения показаний и сделать свой вывод о том, где истина, а где ложь.

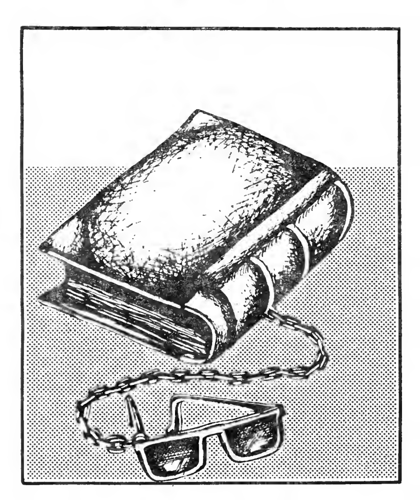
Судебная коллегия Верховного суда Украины признала обвинение доказанным и приговорила Валентина к 15 годам лишения свободы, а Олега — к трем.

А через пять лет Верховный суд СССР отменил в надзорном порядке этот приговор. Олег (теперь должно быть понятным, почему я опустил фамилии осужденных) приехал в редакцию с требованием сообщить об их реабилитации, что и было сделано.

Какими же мотивами руководствовался Верховный суд СССР? Мотив один: недоказанность вины осужденных. Мне лично казалось все логичным, убедительным, прочным. В этом был убежден и государственный обвинитель. Но помните, я говорил по ходу изложения событий о некоторых несоответствиях, предположениях, косвенных уликах? Там, в судебном зале, обвинение вроде бы все прояснило, не оставило белых пятен. В высшей судебной инстанции страны их высветили. Нет, не все сходилось, не все сомнения были рассеяны. А потому и был отменен приговор.

2

ТРУДНЫЕ ПУТИ ЮСТИЦИИ



К человеку

Мысли, навеянные рассмотрением протестов на пленуме Верховного суда СССР

Ко мне однажды обратился бывший сотрудник НКВД. В печати он был обвинен в палаческих деяниях. И не только в нынешней печати. Тридцать лет назад его арестовали, началось следствие, но дело прекратили по причине истечения срока давности. То есть прекратили по основаниям, не реабилитирующим этого человека. Он занимал тем не менее солидное положение в научной среде, обременен званиями и должностями. И вот — общественное обвинение...

— Нет, не у вас я прошу защиты,— сказал он,— у суда. Помогите мне попасть под суд.

Он дал мне копию заявления в военную прокуратуру с требованием возобновить следствие, передать его дело в суд, чтобы тот либо подтвердил, либо снял обвинения.

Как это делается и можно ли вообще что-либо сделать в соответствии с действующими правовыми механизмами, я не знаю. Но уверен в одном: должен быть такой механизм. Право на правосудие должен иметь каждый.

В юридическом смысле подобная же ситуация отразилась в протесте, который рассматривался на пленуме Верховного суда СССР. Одного офицера (вряд ли нужно его называть) обвинили в расходовании государственных средств в личных целях: не воровство, но корыстное злоупотребление. На распорядительном заседании военная коллегия исключила ряд эпизодов, в результате сумма получилась не очень большая, и дело прекратили по амнистии. Офицер тогда по поводу этого решения не возражал, хотя и говорил, что вообще себя виновным не признает. То ли он до конца не уяснил юридического смысла амнистии, то ли ему толком не разъяснили, но

факт остался фактом: согласившись на прощение (амнистию), офицер тем самым признавал вину и... в то же время отрицал ее. Амнистировать невиновного нельзя, его нужно реабилитировать. Но виноват офицер или нет — неизвестно, ибо дело до суда не дошло. Теперь он требует суда, как и тот мой посетитель, работавший ранее в НКВД.

В связи с некоторыми процедурными моментами на пленуме по делу офицера возникла дискуссия, в подробности которой нет смысла вдаваться. Хочу лишь привести слова председателя уголовной коллегии Р. Г. Тихомирнова:

— Человек просит судебной защиты. Разве можно ему в этом отказать?

«Человек просит судебной защиты...» По-моему, это новый момент в нашей жизни. Правда, вновь подтверждающий, что новое — это хорошо забытое старое... В марте 1921 года на X съезде партии обсуждался продовольственный вопрос. При этом всплыл факт обвинения некоего Дрожжина в злоупотреблениях. Вокруг этого возникли домыслы и сплетни: очевидно, кто-то, защищая Дрожжина, выразил недовольство преданием его суду. На что В. И. Ленин ответил: «Если Дрожжин предан суду, то это сделано именно для того, чтобы показать, что он не виновен». В то время Владимир Ильич, как юрист, да и просто как культурный гражданин, видел в суде то, чем он и должен быть: защитником и гарантом прав человека. Увы, он вряд ли предвидел, что его преемники превратят суд исключительно в «орудие борьбы».

Только сейчас, на мой взгляд, наше правосудие делает пусть пока миллиметровое, но все же довольно-таки целенаправленное движение к своей сущности, освобождаясь от многолетних извращений и искажений законов. Из «орудия борьбы с преступностью», каким суд не может быть по самой своей природе, он возвращается постепенно к роли гаранта законности и справедливости. До цели, очевидно, еще далеко, но важно, что появилась тенденция движения вперед.

Приведенный пример с делом офицера, понятно, еще не доказательство. Но когда я слушал, как разбирались протесты Генерального прокурора или Председателя Верховного суда СССР, какие возникали дискуссии, у меня, по крайней мере, складывалось впечатление, что правосудие обретает себя, движется к человеку. Напластова-

ния предшествующих периодов, однако, тяжки. От «телефонного права» худо-бедно избавляемся. Но давит нечто более серьезное: подмена права целесообразностью, доказанности вины — последствиями случившегося, интересов человека, надеющегося на справедливость,— важностью «интересов государственных». Понятно, в чистом виде, как и дистиллированная вода в природе, правосудие в жизни не существует. Обстоятельства, сопутствующие конфликту, всегда вносят свои коррекции. Да к тому же и суд творят люди, подверженные страстям, и со своим пониманием ситуации. Все это так.

И тем не менее право должно пролагать свои пути к человеку без промежуточных помех в виде сторонних указаний, сиюминутных интересов и требований момента. Особенно в главном вопросе уголовного судопроизводства: человек виновен или невиновен. Даже, пожалуй, точнее так: доказана или не доказана его вина. И только из ясного ответа на этот вопрос юстиция должна делать вывод, отметая все иные соображения, преодолевая извечный диктат «злобы дня».

21 декабря 1984 года около 11 часов утра в доме № 73 на ул. Шариф-Заде в Баку произошел взрыв газопровода. 59 человек погибли, 13 были ранены. Причинен ущерб: государству — на треть миллиона, гражданам — почти на 100 тысяч рублей. Следствие пришло к выводу, что авария произошла по вине главного инженера производственного управления «Бакгаз» С. Гайказяна, из-за его преступной халатности. Все дело-де в том, что он увеличил давление в сети до 4 атмосфер при норме в 3, кроме того, не принял мер к надлежащему содержанию сети. Однако суд не согласился с выводами следствия. Бакинские судьи не усмотрели причинной связи между взрывом и бездействием Гайказяна, а обвинение в том, что к катастрофе привело увеличение давления, основано лишь на предположении. В суде выяснилось: газопровод имел дефект — некачественную сварку шва. Кроме того, трубы подверглись основательной коррозии, об этом все знали, но по разным причинам ремонт не могли сделать своевременно.

Короче, суд вынес оправдательный приговор: вина Гайказяна доказана не была. Последовали протесты прокурора Азербайджанской ССР, однако Президиум, а потом и пленум Верховного суда республики их отклонили.

И теперь уже и. о. Генерального прокурора СССР принес протест на оправдательный приговор по делу Гайказяна. Мотивы протеста: «Судом постановлен оправдательный приговор по недостаточно исследованным материалам дела».

Остановимся на этой последней формулировке протеста. Можно бы понять протест прокурора на обвинительный приговор, вынесенный «по недостаточно исследованным материалам дела». Но на оправдательный? Разве для его вынесения недостаточно самого факта, что обвинение плохо исследовало дело, не представило убедительных доказательств? Если суд — «орудие борьбы», да, недостаточно. Если защитник прав человека и гарант справедливости — вполне хватит.

Однако такая позиция все еще кажется чуть ли не кощунственной. Как же это так — отпустить с миром «преступника», если обвинение не смогло добыть убедительных улик? Нет, пусть оно добудет новые улики или представит перелицованные старые. Пусть по-тихому прикроет дело, но только не берет на себя ответственность за оправдание. К возвращению дела на доследование настолько привыкли, что это кажется чуть ли не естественным для судопроизводства явлением.

Но, как мне говорили юристы, во многих странах, в том числе и в США, с которыми мы взяли моду все чаще себя сравнивать, нет такого правового института. Все решается тут же в суде, открыто и гласно. И если обвинение не представило убедительных доказательств, значит, плохо оно работало. Обвинение отвергается.

В самом деле, почему за пороки следствия должен отвечать своими страданиями обвиняемый? Вдумаемся в суть: доследование — как эксперимент на людях, метод проб и ошибок. Кое-как сляпали обвинительные материалы, представили в суд — не прошло. Велика ли беда! Суд вернет на доследование, подлатаем прорехи, авось на сей раз пройдет. Снова возвращают? Что ж, еще раз сделаем... Но режут-то по живому.

В данном случае Верховный суд Азербайджана имел мужество отклонить два протеста. Теперь рассматривается протест в высшей инстанции. Выступает представитель прокуратуры. На основании разных технических выкладок он доказывает, что главный инженер все же виноват. Обсуждение идет довольно оживленное, члену Верховного суда, докладывающему дело, представителю прокуратуры задают много вопросов. Понимаю сомнения принявших

участие в обсуждении: погибли 59 человек... Не шутка! И все же вина или невиновность человека доказывается не последствиями случившегося, а причиной, вызвавшей событие.

Установить причинную связь в 1988 году — через четыре года — не представляется возможным, и Верховный суд республики отклоняет протест Прокуратуры СССР по этому делу. Вынесенный 4 года назад оправдательный приговор вступил наконец в абсолютную силу. Но четыре-то года главный инженер Сергей Гайказян, находясь «в подвешенном состоянии», можно сказать, отбывал свой срок. Прокуратура, естественно, может и должна иметь свою точку зрения на приговор, в том числе и на такой до последнего времени уникальный, как оправдательный. Но даже при существующих порядках не много ли это — четыре года? Четыре года между свободой и тюрьмой. Человек-то, его состояние принимается во внимание? Или он некий безликий субъект права, вокруг которого годами могут вестись споры юридических инстанций?

Здравый смысл и чувство справедливости требуют обвинить юриспруденцию в непозволительной волоките. С точки зрения же существующих норм следственного и судебного производства никто ни в чем не виноват, все делается «по закону», не придерешься. И люди годами сидят в следственных тюрьмах, поскольку числятся то за следствием, то за судом. Законные сроки содержания под стражей то подходят к концу, то начинаются сначала. В юридическо-бюрократической карусели исчезает высшая нами объявленная ценность — человек.

Утрата этой ценности связана с тем, что самые коренные аксиомы права стушевались перед конъюнктурными соображениями, той самой «злобой дня», о которой я уже упоминал. И на этом пленуме, и на нескольких предыдущих рассматривались протесты на приговоры, в коих людей, главным образом хозяйственников, осуждали за приписки. До недавнего времени к этому обязательно притягивали и хищения — исключительно для того, чтобы «больше дать». И, как правило, никаких убедительных доказательств хищений не было. Да, хозяйственники искажали государственную отчетность. Да, платили незаработанные премии коллективу, что само по себе преступно. Но — не воровали. В большинстве случаев это не было доказано. Теперь обвинения в хищениях снимают «за недоказанностью».

Но вот что любопытно. Эта абсолютно чистая в правовом смысле формула оправдания вызывает возражения главным образом со стороны журналистов. В печати не раз высказывалось мнение, что эта формула, мол, двусмысленна. И получается: вообще-то тот или иной человек виноват, да только не смогли этого доказать.

По этому поводу и на пленуме возник короткий обмен мнениями: не стоит ли изменить основание приговора, поскольку «недоказанность» в глазах общественности как бы оставляет тень на добром имени оправданного. Две другие формулы оправдания — «за отсутствием события преступления» и «за отсутствием в действиях обвиняемого состава преступления» — абсолютно прозрачны, а первая-де какая-то замутненная, ущербная.

Лично мне кажется, что ни в коем случае не надо менять «сомнительную» формулировку. Во-первых, она отражает то, что бывает в правосудии на самом деле: подозрений много, улики же ненадежны, доказательств нет — значит, человек должен быть оправдан. Во-вторых, эта формулировка подкрепляет принцип презумпции невиновности — основополагающий для правосудия. Уходить от честного подтверждения аксиомы «нет доказательств — нет вины»— значит как бы сомневаться в самой аксиоме. И наконец, в-третьих, насчет «общественного мнения». Не должно право делать уступки такому мнению, если оно существует, опускаться до его уровня. Наоборот, надо поднимать правосознание общества до понимания самой сути правосудия: кто бы и что бы о ком бы ни говорил и ни думал, этот человек чист, коль скоро обвинение не смогло доказать иного. Кстати, формулировка — прямой упрек следствию, что тоже нелишне для осознания ими собственных просчетов и промахов.

Есть, на мой взгляд, и еще один аспект проблемы. Отказавшись от этой формулы, правосудие обезоруживает само себя. В самом деле, бывают же такие ситуации, когда именно не доказано обвинение. Может ли суд утверждать, что нет события и состава? Да любой прокурор задаст вопрос: а вы уверены, что нет? Ах, не уверены? Так пошлите на доследование, но уж никак не оправдывайте. И будет прав. Некоторые юристы предлагают уточнить эту формулу. Что ж, уточнить не вредно. Но при этом должен быть сохранен именно институт недоказанности. Это основа честности и независимости суда, чистоты права, его непреклонности оберегать человека от произвола власти.

Не в последнюю, думаю, очередь из забвения этих истин родился пресловутый «обвинительный уклон» в нашем судопроизводстве. Но, естественно, не в первую... Первенство, понятно, принадлежит наследию режима репрессий, произволу власти застойных времен. Бюрократически-командные методы сначала неприкрыто грубо, а потом эластично, прикрывая срам разными хорошими словами о «дальнейшем укреплении законности», теснили и душили право. И многое поистине вечное, общечеловеческое, незыблемое превратилось в конъюнктурно-разменное.

Давайте вдумаемся в такую вещь. Может ли в принципе существовать судебный приговор, который не подлежал бы обжалованию осужденным? К кому-то же должен он апеллировать? Но это неотъемлемое право, исходящее из элементарного здравого смысла и чувства справедливости, оказалось у нас отмененным. Приговоры Верховных судов союзных республик (а это в республиках без областного деления — вторая инстанция, то есть уровень областного суда) и Верховного суда СССР окончательны и обжалованию подсудимым не подлежат. С этим смирились. Да, знаю, в надзорном порядке может быть принесен протест. Протесты и рассматривает пленум Верховного суда СССР, о котором я рассказываю. Но ведь протест может быть принесен, а может и нет. Тут все зависит от воли высшего должностного лица судебно-прокурорской системы. Сам же осужденный право на жалобу, которую обязательно рассмотрят, не имеет. Да и рассмотрение дела происходит без представителя осужденного, то есть наиболее заинтересованного лица.

В принципе в безликости кассационно-надзорного порядка рассмотрения дел нет ничего порочного: суд ведь может действовать лишь в одну сторону — отменить или смягчить приговор, но ни в коем случае не усилить наказание. И все же возникает порой настоятельная потребность решать дело по существу — то есть в апелляционном порядке, которого наше законодательство пока не знает. Это, думаю, вообще связано с судебным надзором. Он скован по рукам и ногам традициями, указаниями, установками, оценками бесчисленных инстанций, коим он подотчетен.

Я поразился... Наивысшая судебная инстанция огромной страны рассматривала дела просто смехотворные — по «составу преступления». Старший оперуполномоченный

ОБХСС Советского РОВД Ашхабада Шарапов осужден за злоупотребление служебным положением к году исправительных работ с удержанием 10 процентов из зарплаты в доход государству. Вся вина оперуполномоченного состояла в том, что он не возбудил дело по факту обсчета покупательницы на 00 рублей 09 копеек (!) Ашхабадский горсуд вынес приговор по этому «делу» Верховный суд республики оставил его в силе, Президиум Верховного суда, а потом пленум отклонили протесты прокурора республики. И вот теперь заместитель Председателя Верховного суда Союза ССР вынужден вносить протест на самый верх пирамиды... Или обвинение Ольги Балянской, бригадира совхоза «Боровляны», которую Минский областной суд приговорил к году исправительных работ: она взяла металлолом с устного разрешения директора, но не оформила документами... Или осуждение Нарвским горсудом Ю. Андреева, который на заседании профкома плюнул в лицо председателя профсоюзного органа...

Только пусть не сложится впечатление, будто я пытаюсь оправдать обсчет покупателя, пренебрежение порядком оформления или, тем паче, плевок в лицо на заседании профкома. Боже упаси! Речь лишь о том, есть ли на местах какие-то барьеры со стороны прокурорского надзора, судебных органов, препятствующие осуждению людей в уголовном порядке за эти мелкие проступки? Похоже, нет.

— Такие дела,— заметил по ходу рассмотрения одного протеста председатель Верховного суда СССР,— легко возбудить. А вот как их прекратить — целая история.

Можно, конечно, все это отнести на счет бюрократических извращений, на «присущую» юриспруденции с ее процедурами неизбежную волокиту. Но я вижу здесь и другое: несовершенство юриспруденции позволяет местным властям расправиться с любым неугодным человеком. Не знаю, на каком счету у начальства был тот же оперуполномоченный Шарапов, не возбудивший уголовного дела по факту обсчета на 09 копеек. Но разве нельзя допустить, что его просто подловили, завели машину «правосудия» и искалечили если не судьбу, то служебную карьеру?

Вообще бюрократическая система все еще очень легко встревает в прогалы, образующиеся между законом и человеком. Иногда это делается умышленно, а порой, что не менее тревожно, без всякого злого умысла. Чело-

век же от этого страдает ничуть не меньше. Впрочем, это своего рода тенденция, восходящая даже к самому законодательству. Если правовой акт самого высшего уровня содержит отсылы к другим законам в неопределенной форме или пестрит выражениями «как правило», «в установленном порядке» и т. д., то есть если он оставляет простор для произвольного толкования, соответствующие ведомства, местные и иные власти тотчас «обгладывают» закон до костей. Или, пожалуй, наоборот: выедают становой хребет, оставляя декларативную оболочку.

Верховному суду СССР, к сожалению, не дано право оценивать законы с точки зрения их соответствия Конституции страны и принципам права. Хотя в большинстве цивилизованных государств это неотъемлемая прерогатива «третьей власти» — судебной. Но рассмотрение конкретных дел выводит Верховный суд СССР и на эту запретную стезю. Он в данном случае рассматривал протест своего председателя на приговор Камчатского областного суда, обрекшего судового врача плавбазы «Рыбак Чукотки» Николая Пекалева на 8 лет лишения свободы с конфискацией имущества. Его осудили за якобы незаконное производство абортов, да плюс за взятки. Последнее обвинение, верно, снял Президиум Верховного суда РСФСР, обвинение же по статье 116 УК РСФСР оставил.

По смыслу закона, говорится в протесте, незаконными признаются аборты: совершенные вне стационара; лицом, не имеющим медицинского образования; при противопоказаниях. Только в этих случаях закон предусматривает уголовную ответственность. Дипломированный специалист Пекалев производил операции в стационаре плавбазы. Вредных последствий для четырех женщин не наступило. И — 8 лет. За что?

Вот тут-то мы и обнаруживаем, как «обгладывают» закон. Без злого, повторю, умысла. Дело в том, что Минздрав СССР издал вполне, видимо, справедливый приказ: с момента установления беременности женщин переводить на береговую работу. Главный врач «Камчатрыбпрома», продублировав приказ министра, сделал добавление: запретить производство абортов в море... Право же, получилась детская игра в испорченный телефон. Закон говорит только о стационаре, дипломе и показаниях — все верно. Приказ Минздрава — о том, чтобы беременных не брать в море. Трудно придраться. «Ло-

гика» главврача: коль беременных нельзя брать в море, следовательно, запрещены и аборты. Логики, собственно, тут нет никакой: если беременных в море не будет, то к чему запрет? Но вот видите: 8 лет за нарушение не закона, нет, а всего-навсего нелепого приказа главврача.

Дело это сейчас прекращено за отсутствием состава преступления в действиях судового врача. А осужден-то он был еще в мае 1983 года. И сколько еще в то время было осуждено главным образом хозяйственников — директоров заводов, руководителей организаций, председателей колхозов, директоров совхозов — в сущности, не за нарушения закона, а за полезные для дела действия, противоречащие лишь нелепым бюрократическим инструкциям, вроде приказа главврача «Камчатрыбпрома». И как жестоко судили: по 10—12—15 лет давали. Особенно если нарушению дурацкой инструкции сопутствовала непокорность инициативного работника власть предержащим. Но об этом уже много написано, да и практика, кажется, изменилась. Эти «крамольные» хозяйственники, вроде тульского Стародубцева, стали, как говорили в недалекие времена, маяками, они в чести у самых высоких лиц. А совсем недавно маялись перед следователем, да и его, беднягу, мучили непониманием своего «преступления».

«Непонятные преступления» переместились ныне и в другие сферы нашего бытия. То есть, точнее, на них обратили внимание надзорные инстанции. Речь пойдет о достаточно скользкой вещи — о порнографии. Если бы проводился опрос: кто за ее запрещение, а кто за легализацию, я бы не решился категорически предугадать результат. Но надеюсь, что большинство высказалось бы за запрет, каковой и содержится в ныне действующем законодательстве.

Вопрос в другом: а что такое порнография?

Пермский областной суд в 1986 году приговорил шестерых граждан за распространение путем видеотехники порнографических фильмов. Они демонстрировали такие зарубежные фильмы: «Греческая смоковница», «Наследственный признак», «Последний девственник в Америке», «Это — Америка» и другие. Приговор был основан на заключении экспертов, которых Генеральный прокурор в своем протесте посчитал недостаточно квалифицированными. Сомнения в их компетентности подтверждены и заключением ВНИИ киноискусства Госкино

СССР — там эти фильмы не признаны порнографическими.

Но дело не только в этом частном случае. Основной вопрос, как сказано в протесте, заключается в том, относятся ли указанные и иные фильмы к произведениям искусства или же представляют лишь совокупность порнографических изображений. И этот основной вопрос весьма сложен. Я, к сожалению, указанных фильмов не смотрел. Но в Венгрии видел фильм «Любовник леди Чаттерлей», где есть «все», причем в достаточно обнаженном виде. Извините, но это красиво, хотя и откровенно. Конечно, могут быть и другие мнения. Насколько я знаю, «Методические рекомендации» относили к порнографии даже «Крестного отца». А куда отнести нашу «Маленькую Веру»?

Этот последний вопрос, кстати, был задан во время обсуждения протеста. Спорить в искусствоведческом плане можно сколько угодно. Но может ли суд, исходя из результатов эстетических дискуссий, отправлять человека в тюрьму? И хотя это вызвало некоторое «оживление в зале», на мой взгляд, совершенно справедливо было заявлено: только судьи, но никак не искусствоведы вправе решить, просмотрев фильмы, картины, книги или иной обвинительный материал, заслуживает человек уголовного наказания или нет. Только судьи. И, кстати, на основе точного юридического, а не искусствоведческого определения, что есть порнография.

Мне кажется, сами факты такого протеста, рассмотрения его на пленуме Верховного суда СССР имеют большой смысл. Общество и его правосудие не должны и не могут поощрять моральной распущенности: двух мнений тут нет. Но и не считаться с уровнем раскованности они тоже не могут. Мораль без мысли порождает лишь ханжеский фанатизм и отнюдь не исправляет нравы.

Требование точной юридической определенности деяния, формализации любого деяния — вообще кардинальное для правосудия. Всякая недоговоренность в праве — это щель, куда бюрократическая власть закладывает взрывное устройство под закон. Конечно, формальная определенность правовых норм будет работать при условии высокого нравственного чувства тех, кто законы применяет.

Л. Толстой писал: «...делай, что должно, и пусть будет, что будет» — есть выражение глубокой мудрости». То, что каждый из нас должен делать, каждый несомнен-

но знает, то же, что случится, мы никто не знаем и знать не можем. И Маркс в предисловии к первому изданию «Капитала» обратился к этому же постулату совести: «...моим девизом по-прежнему остаются слова великого флорентийца:

Segui il tuo corso, e lascia dir le genti! [Следуй своей дорогой, и пусть люди говорят, что угодно!]».

Ах, поместить бы это марксистское изречение напротив судейских кресел, чуть подправив гениального мыслителя: не «люди пусть говорят», а инстанции пусть думают, что угодно...

Нам, взявшимся утвердить в реальной жизни верховенство закона, надо проникнуться мыслью о праве как независимой ценности. Такой же, как для партийца — марксистская идеология, для верующего — его религия, для народа — язык и культура, для нации — заветы предков и традиции. В период репрессий право, по удачнейшему выражению Ю. Домбровского, стало «факультетом ненужных вещей». После Сталина оно перешло всего лишь в разряд вещей уцененных. Только по-настоящему независимый суд способен вернуть праву его изначальную общечеловеческую ценность, избавить от систематической уценки бюрократией, объявляющей себя ревнительницей высших государственных интересов. Независимый же суд возможен лишь в обществе, где граждане обладают правом поставить над собой такую власть, в том числе и судебную, которая соответствует их интересам и которой они сами же подчиняются...

Однако это уже уводит нас в сторону от пленума Верховного суда СССР, который вообще был несколько необычным: плановые вопросы он решил за день, а четыре дня посвятил рассмотрению протестов по конкретным делам.

Среди них были и протесты на приговоры тридцатых годов. О них скажу чисто информационно. Была реабилитирована Татьяна Ивановна Глебова-Каменева (Аверьянова). 13 августа 1937 года она была приговорена к расстрелу и в тот же день казнена. «В период предварительного следствия,— сказано в протесте,— она подверглась длительным изнуряющим допросам, во время которых теряла сознание, лишалась сна и пищи». И все же обвинений не признала. Сняты обвинения с Сергея Львовича Седова, сына Л. Д. Троцкого: его осудили на пять лет в 1935 году, но в 37-м расстреляли. Снято клеймо врага народа с расстрелянной в 1940 году

Надежды Михайловны Лукиной-Бухариной. По слухам, она отказалась от партбилета, когда узнала об аресте и осуждении Николая Ивановича, ее бывшего мужа.

Назвал я лишь три фамилии, хотя список реабилитированных большой. Очень хочется что-то сказать по этому поводу, сказать о той жестокости, с которой мстил высокопоставленный негодяй беззащитным и невинным жертвам. Но — воздержусь, об этом сказано уже много и довольно четко...

Пленум Верховного суда СССР родил много мыслей, некоторые из них я постараюсь изложить. Но главное впечатление, которое обнадеживает, состоит в том, что, на мой взгляд, судебная система начинает обретать себя. Древние римляне, которые придумали много крылатых фраз и красивых изречений, пустили в оборот и такое: «per aspera ad astra» («через тернии к звездам»). К звездам мы, кажется, успешно взлетаем. Пробиться через тернии к человеку оказывается куда труднее. И все-таки поворот делается. Со скрипом, при сопротивлении бюрократической системы, страшащейся независимого суда, но все же делается. Результатов, как я уже говорил, не так много, но важна тенденция, которую надо укреплять и закреплять. Как писал великий юрист Гуго Гроций, «где нет возможности прибегнуть к суду, там возникает война». Повоевали мы достаточно. Сила долго господствовала в юстиции. Пора силу обуздывать правом.

Вокруг взятки

В минуту безнадежной откровенности некий мздоимец каялся и плакался перед народным судом:

— Хотите верьте, хотите нет, граждане судьи, а такой жизни, какую я последние годы вел, никому не пожелаю. Зарплату — а она у меня не очень большая — я гордо правой рукой получал. Мне хотелось эти деньги всем показывать, хотелось пощупать их давать. А для тех, для подношений, которых намного больше зарплаты было, я левую ладошку совочком складывал...

— Как вы сказали? — переспросил судья.

— Ну, совочком... в который мусор собирают.

— Но коль скоро вы так относились к подношениям, коль тяготили они вашу совесть, почему же от них не отказывались? Зачем брали?

— Слаб человек,— философски заметил кающийся мздоимец,— а она... оно... засасывает. Пробовал завязать — не устоял.

Такие откровенности, как вы понимаете, бывают не часто. Самобичевание начинается тогда, когда уже деваться некуда. До установления следствием «момента истины» берущий помалкивает. Даже уличенный, запирается. И только когда нет надежды вывернуться, начинает искать тот камешек, о который споткнулся.

Ну что ж, и запоздалые раскаяния тоже не лишены общественного интереса и профилактической пользы. Весьма и весьма поучительно бывает послушать и понять, как благополучный человек, имеющий приличный законный достаток, как правило, занимающий солидный пост, вдруг скатывается к преступлению, которое уголовный закон относит к числу тяжких.

На Востоке говорят: и соломинка может переломить хребет верблюда. Это, конечно, если верблюд уже перегружен поклажей. Маленький камешек способен вызвать горный обвал, в насыщенном растворе кристаллы выпадают от чуточного добавления... Увы, все это хорошо известно, но человек редко замечает накопление критической массы применительно к себе. Вернее так: замечает, чувствует, тревожится. Но — как бы не хочет трезво обо всем поразмыслить. Прячет, как ребенок, голову под подушкой, думая, что спрятался целиком. Потом, когда наступит крах, мучительно ищет, где же он сделал этот небольшой шажок к пропасти, находит его, мучительно стонет, сознавая невозможность все переиграть. Потому что жизнь наша, как и история человечества, вариантов не имеет. Что сделано — то уже сделано. «Если вы опоздали на поезд всего на минуту,— говорят французы,— поезд все равно ушел».

Когда я слушал этого человека, дававшего показания суду, мне казалось: вот ведь как выкручивается, как беспардонно лжет, стараясь выгородить себя, свалить собственную вину на кого-то. Да это и документально, так сказать, было зафиксировано им и его сообщницей.

Из письма *Льва Яковлевича Ставровского,* направленного прокурору:

«Анализируя причины своего падения, я прихожу к следующим выводам. Молодым, незрелым я оказался среди людей, морально испорченных, и в обстановке, разлагающей нестойких. С течением времени стал принимать от

клиентов благодарности в виде чаевых. Дальше шел, пока не встретился с Певзнером, моим предшественником на этой должности, он и втянул меня в преступления. Сначала я испытывал внутреннее сопротивление, угрызения совести, но постепенно эти чувства притупились...»

Из письма *Ларисы Коваль,* отправленного в тот же адрес:

«На путь преступления я стала постепенно, не имея моральной закалки. Я не смогла устоять против отрицательного влияния, которое испытывала со стороны нечестных сослуживцев, в частности, моего непосредственного начальника Ставровского».

Оба письма написаны авторами уже тогда, когда они были взяты под стражу, когда поняли, что в руках следователя неопровержимые улики. Письма, процитированные здесь, должны являть собой, по мысли авторов, чистосердечное раскаяние.

Обратите внимание на слова: «Я оказался в разлагающей обстановке», «Он втянул меня в преступления». Мне приходилось много слышать подобных покаянных излияний, в большинстве из них встречались точно такие же обороты.

Но значит ли это, что все в них — ложь?

Мне разрешили встретиться с Львом Яковлевичем уже после того, как был вынесен приговор. И вы знаете: раскаяния его, выглядевшие лживыми, на самом деле были вполне искренними. Действительно, его втянули, как он впоследствии втянул подчиненную ему Ларису.

Будучи совсем молодым, он стал учеником товароведа на скупочном пункте по приему антикварных вещей. Ни о каких там чаевых, тем более взятках, и не думал. Он бы, по его словам, ужаснулся, предложи ему кто-нибудь деньги «ни за что». По-моему, он бы тогда действительно ужаснулся. Но он видел, что «солидные клиенты», как свои, приходят в магазин, разговаривают о картинах, вазах, ларцах, табакерках. Не спекулянты — знатоки старинных вещей, одержимые коллекционеры. Его начальник и наставник, уже давно теперь покойный, доставал бутылку коньяку, наливал крошечные рюмки. Чинно все, благородно.

Но вот что заметил Лев Ставровский: антиквар никогда не вынимал коньяк, если приходил не очень знакомый клиент. И подарка самого пустякового ни у кого не брал

А Лев однажды взял. Красивый ножичек с перламутровой ручкой. «Ни за что» дал ему ножичек «солидный» клиент, которого почему-то называли граф Монте-Кристо.

— Спасибо,— вспыхнул Лева,— но я... Мне как-то...

— Ну-ну...— похлопал по плечу вальяжный человек в дорогой шубе.

Ничего больше не сказал. Только покровительственное «ну-ну». Это означало, что смущение молодого торгового работника вполне объяснимо, но несерьезно — простая-де любезность, зачем тут подвох искать. Ничего же солидный клиент взамен не требовал. Но когда в следующий раз зашел в магазин граф Монте-Кристо, Лева сам сказал, что утром сдали очень оригинальную вещь. Почему бы и не сказать? Ничего ж такого. Но сам Лев Яковлевич много лет спустя, после приговора, говорил мне:

— Не просто так я сказал. За ножичек красивый. Что уж скрывать теперь-то? Мой наставник узнал об этом случае, позвал в свой закуток и слово взял с меня, что никогда я больше не унижусь до мзды. Я, можно сказать, на его смертном одре поклялся... Но... дальше пошло-поехало... Нет, не сразу, далеко не сразу. Это уже при новом директоре началось. Конечно, тут еще и специфика...

Насчет специфики... Коммерция, как и любая другая сфера деятельности, ничуть не хуже юриспруденции, сталеварения, врачевания или, допустим, журналистики. Однако было бы лицемерием закрывать глаза на тот факт, что сфера торговли имеет свои особенности и свои подводные рифы. Что там говорить — соблазнов здесь куда больше. Огромные материальные ценности да и деньги проходят ежеминутно через твои руки. И взять их, присвоить гораздо проще, чем где бы то ни было. И воровства здесь больше — об этом говорит статистика. И традиции определенные существуют. И даже взгляд на торговых работников со стороны некоторой части наших сограждан тоже сложился определенный — «все там воруют». И книги, кино, пьесы больше выставляют продавцов в отрицательном плане.

Все эти обстоятельства со счетов не сбросишь. Честь и слава большинству нашей армии работников прилавка за то, что они достойно противостоят всем дурным влияниям и традициям, содержа в чистоте не только свой халат, форменное платье или манишку, но и совесть. Честь им и слава... Но неустойчивые люди соблазняются...

— К нам в магазин часто ходили коллекционеры,— продолжал свой рассказ Ставровский.— Нет, никакие не спекулянты. Придет завсегдатай, что-то купит, отблагодарит: какой-нибудь пустяк оставит. А мне как-то тревожно было из-за того ножичка. Но словно змий нашептывал: «Разве я прошу? Или тем более вымогаю? Сами дают. Я только не отказываюсь — что ж тут страшного?» Забыл я предостережение старого антиквара. Клятву свою забыл.

— Значит, вы лично были против благодарностей такого рода? Значит, можно было остановиться? — спрашиваю его.

— Как видите... Давно известно: можно удержаться на одном уровне добра, но удержаться на одном уровне зла никому не удавалось... Теперь что уж скрывать, пошли конверты... Да и сам научился конверты давать... Новый год тут наступал. Поздравил я свое начальство — конвертом. Сколько вложил? Какая разница... Так я стал во главе магазина...

Я еще раз позволю себе вернуться к покаянным письмам экс-директора и его экс-заместительницы, к тем их словам, которыми они тщатся перенести свою вину на других. При всей несостоятельности подобных аргументов они свидетельствуют о механизме образования такого тяжкого преступления, как взятка. Что такое взятка, определено в законе. Хотя, по мнению юристов, и не совсем полно истолковано. Не случайно на страницах печати возник спор на тему «Подарок или взятка?». Но все в общем-то представляют суть этого преступного деяния.

Представьте, однако, ситуацию: почтенный коллекционер, завсегдатай комиссионного магазина приобрел какую-то вещь, за которой, допустим, охотился много лет. Честно, повторяю, честно приобрел. А товаровед честно, абсолютно честно ее продал. Допустим, оба давно знакомы. И на радостях коллекционер пригласил товароведа пообедать. И они пошли в ресторан. И не только пообедали, а и выпили при этом дорогого коньяку. Это что — взятка? Не решусь этого утверждать. Да и закон прокомментирован так, что взятка может иметь разные личины — в том числе и дорогие угощения. Но купля-то и продажа была совершена честно, никто никому ничего не обещал, никто никак не использовал своего служебного положения. Сам же факт обеда, согласитесь, не криминал.

Значит, можно? И опять воздержусь от утверждений. Ведь совсем близко от нарисованного мной «стерильно чистого обеда» стоят десятки вариантов. Товаровед позвонил коллекционеру по телефону, что поступила вещь. Коллекционер попросил товароведа ее попридержать. И тут еще, наверное, нет состава преступления. Но уже теперь последовавший обед с коньяком получает несколько иную окраску, он уже не стерильно чистый. Ну, а следующий шажок: не обед, а подарок. Еще один и... затем вполне реально может появиться и пресловутый «конверт».

Никто взяточником (как и любым другим преступником) не рождается. Если бы молодым специалистам, какими пришли в магазин тот же Ставровский или та же Лариса, сразу предложили ассигнации, наверное, они бы отшатнулись, как теперь утверждают. Но хищники отлично знают, как совращать. Они работают эластично, нащупывают неустойчивых людей, и неустойчивые рискуют стать преступниками, если не увидят вовремя, чем может обернуться обед с коньяком. Взятка, по выражению Салтыкова-Щедрина, «женщина уже в летах, но вечно юная». Значит, и обольстительна, и опытна.

Да, на жесткой и неуютной скамье подсудимых, очевидно, человек кусает локти. Очевидно, испытывает желание, более того, искренне желает начать все сначала. Хочется верить, что человек пусть поздно, но все осознал. Хочется верить, что стандартные фразы — лишь неуклюжее выражение подлинных чувств. Хочется, потому что и показания подсудимых как будто правдивы. Но они же стали правдивыми сейчас, когда деться уже некуда, когда в томах уголовного дела содержатся факты, факты, факты...

Как мы уже говорили, закон устанавливает самую строгую ответственность за получение взятки. Однако никакая самая совершенная система законодательства не заменит нравственного чувства, с которым человек подходит к оценке своего поступка. Не случайно еще древние римляне говорили: «Законы слабы без нравов». А они-то понимали в этом толк — как-никак изобрели «римское право», и сейчас еще не потерявшее смысла. В их утверждении видно признание не слабости закона, а скорее его недостаточности для всеобъемлющего определения линии поведения. Все же закон может лишь предостеречь на первых шагах, но не отвратить от ложного пути, коль человек сознательно на него встал.

В Комментариях к статье 173 УК РСФСР («Получение взятки») сказано: «Получение взятки — самое опасное должностное преступление: оно подрывает авторитет государственного аппарата, порождает представление о возможности достижения желаемого путем подкупа должностных лиц. Наконец, опасность взяточничества в том, что оно нередко сочетается с другими преступлениями, и в частности, с хищениями социалистического имущества, спекуляцией, частнопредпринимательской деятельностью и т. п.».

В комментариях невозможно перечислить все случаи, а тем более дать им нравственную оценку. Взятка отвратительна всегда, берут ли ее на базаре, в пивном ларьке или в коммунальной конторе. Но мне пришлось узнать о случае, поистине исключительном, о котором говорят: «Ни в какие ворота не лезет». За нечистые деньги, как прежде выражались, человек «продал душу самому дьяволу»...

В зале международного аэропорта Шереметьево прогуливался высокий, чуть сутуловатый молодой человек. Когда объявили о посадке самолета, он нервно закурил, огляделся и зашел в туалет. Вышел, побегал по вестибюлю и снова зашел туда же. Потом еще и еще... Уже давно пассажиры самолета уехали, а человек все еще крутился возле двери с фигуркой джентльмена.

— Доннер веттер,— пробормотал человек и отер со лба холодный пот.

В это же самое время отирал холодный пот со лба и господин, который стоял перед таможенным барьером. Дважды прилетая в Москву и сообщая заранее, что везет «шпаклевку», он передавал пачки денег в туалете прежде, чем пройти досмотр. А тут — какая досада! — туалет, в который могли зайти, минуя таможенный досмотр и прилетевший, и тот, кто его встречает, оказался закрытым. И человек перед барьером таможенника растерялся.

— Так для чего вы везли это? — в который раз спрашивали таможенники.

— Это... Это... шпаклевка!

— Что? — таможенник подбрасывал в ладони пачку с советскими деньгами.

А через несколько дней после описанной сцены в объединении «Союзкомплектмебель» стало известно,

что возглавлять делегацию иа междуиародную ярмарку будет ие геиеральный директор, а кто-то другой. Сам же генеральиый директор, узнав эту новость, тоже вытер со лба холодиый пот. Он вызвал машиину и поехал домой. На вопрос жеиы, что с ним, Юрий Сергеевич ответил:

— Это конец...

За два года до этого в Сокольниках открыла свои двери выставка «Лесдревмаш». Несколько фирм представили образцы машиин, а также проекты оборудования мебельных фабрик. Коммерсанты, эксперты, инженеры, представители виешнеторговых оргаиизаций, руководители фабрик обсуждали достоинства экспоиатов. Вполне понятио, заиитересоваиные лица рекламировали свой товар. Честно. По-деловому. Но один из гостей, улучив момеит, отвел в сторону Юрия Сергеевича и в дополнеиие к своим рекламым аргументам поднял указательиый палец.

— Видите ли,— объяснял Юрий Сергеевич уже суду,— я тогда ничего не поиял. Рассказал об этом случае другому коммерсаиту, своему давнему зиакомому. Тот усмехнулся. И похлопал меня по плечу: «Все будет о'кей».

— И что же последовало за этим «о'кей»?

— Увы, мие передали пять тысяч. Да, представитель иностранной фирмы.

В Московском городском суде слушалось дело по обвииеиию бывшего генерального директора объединения «Союзкомплектмебель» в получении взяток и представителя фирмы, который так и не смог передать коитрабаидиые деиьги — 45 тысяч рублей, в попытке дачи взятки.

Суть обвинеиий ясна подсудимым. Юрий Сергеевич виновным себя признает, только, по его мнеиию, следствие преувеличило суммы.

— После выставки в Сокольниках,— рассказывает подсудимый,— мы решили закупить оборудование. А это требовало контактов с представителями фирмы. Я приглашал гостей обедать, они давали мне сувеииры. Так сказать, обмеи любезиостями.

— Магнитофои, радиоприемник, часы — это все «обмеи любезностями»? Жена ваша по каталогам за границей вещи заказывала тоже из любезности?

Первый сувеиир, вполне возможио, прииянт был без всякой задней мысли, без всяких, даже неофициальных обязательств. И последующие дорогие вещи брались «просто так». Но когда дают тысячерублевый «Грундиг-

сателлит», нельзя не быть чем-то обязанным. Нет, не официально, разумеется, и все же некое «джентльменское» обязательство уже есть. И наивно думать, будто прожженный коммерсант «просто так» делает дорогие презенты. В мире бизнеса просто так ничего не бывает.

Тем не менее Юрий Сергеевич уверяет судей, что все было «просто так». И два пальто ему привезли, кажется, из Парижа или Берна лишь потому, что «из своего вырос». И в далекой иностранной фирме бухгалтер проводил «посылки г-ну С.» отдельной строкой из чистой любезности. И по четыре-пять тысяч давали чуть ли не на бедность. И вот сорок пять тысяч везли «просто так».

— Я тогда так думал,— подсудимый говорит проникновенным голосом,— коммерсант был мой давний знакомый...

— Вот вы деловой человек, коммерсант,— председательствующий обратился к зарубежному партнеру,— вы бы подарили знакомому несколько тысяч «просто так»?

Когда до того дошел смысл вопроса, он даже плечи вскинул:

— Найн.

Ему нужно было продать машину — гранулятор. Юрий Сергеевич, партнер со стороны СССР, доверительно сообщил: тысяч двадцать скинь и держись. Купили. Он отлично все понял: 20 тысяч скинул и держался. Не будь предостережения, как объясняет он суду, продолжал бы снижать цену.

— Вы знали, что в связи с новым контрактом вам обещали новую взятку? — спрашивает прокурор Юрия Сергеевича.

— Они, правда, сказали, что «условия прежние», но я не знал, что имелось в виду.

По его версии все выглядело хоть, конечно, и преступно, однако же несколько акварельно. Платили, мол, неизвестно за что, чуть ли не навязывали взятки в сто тысяч.

Зарубежный коммерсант, столь щедрый на взятки, все точно рассчитывал. Он «айн процент» не с личного счета снял, не от своего куска оторвал. Президент фирмы включил взятку в стоимость продукции, которую продавал нам. Объективно получается, что мы платили фирме те «лишние» деньги, на которые был закуплен генеральный директор «Союзкомплектмебели». За первый заключенный с фирмой контракт ему выплатили 107 тысяч рублей, плюс вещей на 7 тысяч. За очередной

контракт предназначалось почти 300 тысяч (аванс в размере 45 тысяч и вез неудачливый курьер). Ущерб, нанесенный нам, увы, полностью не подсчитаешь. Не только ведь хороший контракт заключил президент фирмы. Он купил партнера — и пусть бы попробовал тот не выполнить очередной просьбы: тотчас бы напомнили о взятке.

— Поймите меня правильно, гражданин председательствующий,— уверяет Юрий Сергеевич,— теперь я сознаю, что брал взятку. А тогда... где же мне было знать все тонкости...

Но, как оказалось, Юрий Сергеевич с уголовным законом и его тонкостями был знаком хорошо и давно. Вообще, удивительна карьера этого человека. Юношей он чуть не попал под расстрел. В 1945 году, когда война еще не кончилась, с его участием было расхищено имущества на 400 тысяч рублей: похитили машину с водкой. Получил 10 лет. В 1954 году вышел на свободу и — если, конечно, принять его версию — «постарался честным трудом искупить грехи молодости».

— Я прошел путь от бракера на мебельной фабрике до генерального директора. Работал, окончил техникум, потом — институт. Всей своей жизнью я старался...

Версия фактов говорит о другом. Выйдя из заключения, сразу же, как говорят юристы, «встал на преступный путь», замаскировав свое прошлое: во всех многочисленных анкетах писал: «1945—1954 гг.— работа в почтовом ящике №...». Остается сказать, что адрес места отбытия наказания обозначался именно этим номером ящика! Вроде бы и не врал, действительно в «ящике» работал. И в партию вступая, соответственно легенде заполнил анкету... Но эпизод с «ящиком» просто интересное отступление...

Закон предусматривал исключительную меру наказания: получение взятки должностным лицом, занимающим ответственное положение, может караться при особо отягчающих обстоятельствах смертной казнью. Смертная казнь за это преступление, думаю, вряд ли оправдана. Все же человеческая жизнь, сколь ни была бы она порочной, слишком высокая цена для кары за такие деяния. Но мнение об отмене исключительной меры, высказываемое многими юристами, никак не свидетельство того, что они умаляют тяжесть преступлений подобного рода. Тем более что в последнее время в орбиту правосудия попадают люди, считавшиеся до того неприкасаемыми.

Уже после кончины Л. И. Брежнева мне довелось быть на процессе Виктора Ивановича Вишнякова. Он был секретарем Ростовского обкома партии по промышленности, а потом стал заместителем союзного министра сельскохозяйственного машиностроения. И на той должности, и на этой он брал взятки. В основном за предоставление квартир и содействие в покупке автомашин. Больше ста тысяч передал ему его персональный шофер в Ростове, а потом в Москве брат шофера, занявший при Вишнякове место своеобразного ординарца.

На суде задали вопрос — как же все это началось?

— Однажды я ехал по области,— показывал подсудимый Вишняков,— Женя попросил устроить «Волгу» его дяде. Ни о каких взятках и речи не было. Думаю, почему бы не помочь, парень хороший. А когда все было сделано, в очередной поездке вижу на сиденье что-то в газету завернутое. Развернул — деньги. Возмутился, начал выговаривать шоферу. А он: «Виктор Иванович, это от души, это благодарность от дяди. Не обижайте, Виктор Иванович». Вот как было.

— Но деньги-то вы взяли?— спросил прокурор.

— Взял.

— Сколько там было?

— Четыре тысячи. Они жгли мне руки.

Не сожгли. Обошлось. Даже привыкли руки к подобным «ожогам». Сначала секретарь обкома, а затем и заместитель союзного министра в одном лице уже давал поручения своим подручным: найти клиента на «Волгу», претендента на квартиру.

Что тогда больше всего меня поразило. Жизнь Виктора Вишнякова началась мужественно и светло. Парнишкой помогал подпольщикам в оккупированном Таганроге. После войны комсомольская работа, институт, избрание партийным вожаком, восхождение к должности секретаря обкома партии... И одновременно развращение полулегальными привилегиями, искушение властью, убежденность в том, что закон — для масс, а не для избранных этими массами и получившими от них все блага жизни.

Кстати, когда арестовали Вишнякова, то, как рассказывал мне прокурор, первое, что он сказал: «Вы отдаете себе отчет в своих действиях?»

Между прочим, описывая в свое время суд над Вишняковым в газете, я опустил его партийную должность: еще считалось неудобным говорить правду. Это позже стали известны деяния Рашидова и многих других, зани-

мавших в иерархии куда более видные места. Поэтому уже никого не смутило, когда я открыто назвал в газете должность подсудимого Геннадия Даниловича Бровина А был он дежурным секретарем генсека Брежнева. И тоже опустился до взяток. Вновь слушая показания этого «избранника судьбы», задавался я вопросом: как же совершилось падение, во имя каких выгод? Ответы были, понятно, в самих показаниях. Но ответы ли это?

Он свою должность занимал 13 лет. Попал на нее без всякого кумовства и блата. Крестьянский сын, ставший рабочим, а затем выучившийся на юриста. Расторопный, толковый и ничем не запятнанный. Без каких бы то ни было высоких знакомств и влиятельных покровительств. А вот уж там, в самой близости к власти, и началось то, что некогда обозначали словом «перерождение»

Собственно, падение Бровина началось с того, что он сделал доброе дело... Женщина из Владивостока с безнадежно больным ребенком приехала к родителям в Москву после того, как муж ее оставил. Все хлопоты о прописке оказались пустыми. И тогда женщина стала искать обходные пути. Через цепочку посредников добралась до Геннадия Даниловича. Один его звонок — и вопрос был решен. Посредники сказали той женщине: «Надо дать». Сказали, что две дубленки. Одну принесли Бровину и оставили.

— Я ничего не просил, не ставил никаких условий и был удивлен, обнаружив в свертке дубленку (вторая «потерялась» по дороге),— говорит он суду. И я ему верю. Вот только когда утверждает затем, что хотел вернуть, но не нашел возможности,— этому уже поверить трудно. Хотел вернуть, но — примерил и оставил: пришлась впору.

А в следующий раз была просьба посодействовать, чтобы выпускника военного училища оставили служить в Москве. Опять через сложную цепочку.

— Позвонил генералу (он уже покойный). Ничего я не требовал, просто спросил: нельзя ли оставить в Москве.. И был удивлен, когда мне передали пакет.

— А что в том пакете?

— Три тысячи рублей.

Ждал платы за услугу или не ждал, только сам Бровин об этом и знает. Но факт остается фактом, что взял. И как же все легко получалось! Звонок — и все крутится, вертится, ломаются все правила и нормы, на том конце провода сразу же встают по команде «смирно». Вот это самое перерождение и пошло полным ходом, будто раковая опухоль. Взятки уже пошли многотысячные.

Впрочем, на фоне многих преступлений, ставших в последнее время достоянием гласности, 19 тысяч рублей взяток могут показаться не так уж значительными. Только суть всего дела в количественном измерении не выразишь. Ведь при этом волны разложения и развращения трансформировались с усилением, прямо пропорциональным расстоянию. Казнокрады и взяточники находили через таких, как Бровин, надежный заслон и от «меча закона», и от общественного гнева. Уверенные и в покровительстве того же Брежнева, они не считались ни с чем, насаждали неверие в правду, в справедливость и законность...

Наконец-то мы не побоялись назвать вещи своими именами, сдернули покровы с «неприкасаемых». Мы говорим себе, а значит, и всему миру горькую правду о себе. Как многие считают, выставляя себя на всеобщий позор. Ибо мздоимец в министерском ранге, взяточник из самой высокой приемной — действительно наш стыд и позор. Но иначе нельзя. Исцеляющий меч гласности не может разить выборочно, с оглядкой на приличия и звания, слишком долго мы себя сами обманывали на сей счет.

Увы, не проста материя, о которой я взялся порассуждать. Мне думается, абсолютно порочна позиция, когда преступление оправдывают дурным воспитанием в семье, недостатками школы, формализмом комсомольской работы, всеобщей развращенностью и т. д. Как бы плоха ни была, допустим, школа, но убивать и грабить она не учит. И перед судом предстают не семья, не комитет комсомола, а человек, преступивший закон. Сознательно, коль скоро речь идет о взятке. По неосторожности взятки не берут. И отвечать полной мерой должен этот человек, а не окружающая его обстановка.

Но это касается конкретного приговора конкретному преступнику. Уголовная же политика не может опускаться до мести, до «стирания в порошок» человека. Она, эта политика, не может не учитывать состояния общества, его нравственной атмосферы. «Все берут» — не оправдательный аргумент для данного преступления. Но это серьезный аргумент для выработки справедливого, основанного на принципах права закона. Это не призыв к снисхождению. Это призыв к соразмерности и учету всех фактов бытия.

Взятка — великое зло. Но давайте задумаемся над одним лежащим на поверхности обстоятельством. Взят-

ку не только берут. Взятку еще и дают. Что бы мы ни думали о секретаре Брежнева, а все же Бровин, видимо, не лгал, когда рассказывал суду о первой взятке, о дубленке. В который раз повторю: это конкретного преступника не оправдывает. Но выводит нас на сложнейшую проблему ответственности за дачу взятки.

Совсем недавно пришел ко мне гражданин, владелец «Жигулей». Просил вмешаться и выручить его из беды. Он нарушил правила движения, и инспектор ГАИ намеревался сделать просечку в талоне. Автолюбитель стал уговаривать не делать этого и сунул в карман инспектора десятку. А тот привез его в милицию, и там составили протокол о «попытке подкупить должностное лицо при исполнении своих обязанностей...» «Обещали,— как сказал посетитель,— посадить». Честно говоря, не думаю, что посадят, но разочаровывать взяткодателя не стал, сказал, что запросто могут это сделать. Господи, как он возмущался! Он никак не хотел взять в толк, что толкал инспектора на тяжкое должностное преступление. Ну, представим себе, втолковывал я ему, что милиционер бы взял и попался: ему же годы тюрьмы грозят. Нет, не хотел этого уразуметь мой собеседник: «все дают», «везде берут».

Понятно, как получение взятки, так и ее дача процветают на фоне нашего вечного дефицита, ненавязчивого сервиса, разных нехваток и неустройств. Что есть — то есть. Экономическая реформа, развитие кооперации, насыщение рынка конечно же подрубят сами корни... Чего? Дефицита, нехваток, неустроенности. Однако было бы наивным полагать, что экономика победит мздоимство. Скорее всего, оно просто переселится на иную почву. В развитых капиталистических странах, где, как говорят, «всего навалом», разве нет взяточников?

Но взятка рождает иные сложные проблемы. Речь пойдет о разоблачении и осуждении взяточников. Здесь тоже все не так просто...

Некоторое время назад я присутствовал на заседании Президиума Верховного суда РСФСР, где рассматривались надзорные протесты на вступившие в силу приговоры. Из 17 дел примерно две трети касались взяток, почти все были удовлетворены — в сторону снижения наказания. А точнее — переквалифицированы с части III на части II и I соответствующей статьи Уголовного кодекса.

В результате было сделано послабление. Почти сплошь это были бывшие работники милиции, главным образом участковые, запятнавшие, как мы любим говорить, свои мундиры гнусным преступлением.

— И им — послабление? Поймет ли народ, Евгений Алексеевич, если я обо всем напишу? — спросил я Председателя Верховного суда Е. А. Смоленцева.

— Смотрите сами,— ответил он,— может, и не поймет. Но и прикиньте: за что и сколько отмериваем мы, судьи...

В самом деле: берет негодяй в милицейском мундире! И все же, когда «прикидывал», то и оторопь брала: 400—600—800 рублей. А за это — 8—10—12 лет. Да, взяточник в милицейском мундире. Но он же и гражданин, соотечественник. Преступник? Да. Но и человек, по Марксу, живая частица государства, в которой бьется кровь его сердца. А как расценить такой приговор: бригадиру поездной бригады дали 4 года за две взятки... по 5 рублей?

Что бы мы ни думали об этом гнусном явлении, но всему же есть предел. Людей же это касается, их судеб... Недавно в какой-то юридической статье я встретил выражение, от которого пошел мороз по коже, «экономия репрессии». Оно звучало в положительном смысле, к тому же проблема обсуждалась профессионально. И все-таки, «экономия репрессии»... Значит, может быть и «перерасход репрессий», «недорасход»?

Кстати, нелишне обратить внимание вот на какую давно предсказанную юридическими авторитетами и продублированную прямо для нас классиками марксизма закономерность: жестокость наказания не оказывает никакого влияния на уровень преступности. Вспомните и прикиньте: самый расцвет застойного взяточничества и коррупции начался после того, как за эти деяния была введена смертная казнь. Никого не устрашили: ни малых сил, ни великих. И разве не прав был Томас Мор, заметивший, что смертная казнь слишком жестока, чтобы карать за воровство, и слишком слаба, чтобы уничтожить его?

И все же за перо я взялся не для того, чтобы обосновать послабление в наказании тех, кто пошел на это тяжкое преступление. Высшая мера, возможно, и слишком... Но вообще-то кара должна быть суровой. При этом, однако, приходится выяснять один немаловажный вопрос: действительно ли на виновного во взятке падает кара? Предполагается, конечно, что да, на виновного. Но, во-первых, это предположение не всегда оправды-

вается; во-вторых, научились ли мы после долгих дискуссий различать, где все-таки подарок, а где взятка; и, в-третьих, насколько чисто и безупречно выявляется истинная виновность заподозренного в тягчайшем деянии.

Это последнее особенно важно. Дело в том, что взяточничество действительно пышно расцвело во времена застоя и далеко еще не отцвело в эпоху перестройки. Публичные, в том числе печатные, разоблачения, не взирая на лица, открытые и гласные судебные процессы создают определенный и вполне оправданный фон общественной нетерпимости к этому злу. Но будет совершенно неоправданно, если правосудие станет поддаваться ажиотажу разоблачений. А судя по приведенным мною примерам, хотя бы с поездным бригадиром, оно, бывает, нередко поддается. И противостоять этому трудно. Особенно, когда у суда всего лишь сомнения.

Судья Руфим Владимирович Назаров (Мособлсуд), выносивший оправдательные приговоры и в дни разгула «телефонного права», рассказал мне об одном деле, которое он и его народные заседатели отправили на доследование. Там в обвинении и уликах вроде бы «все сходилось». Но возникли все же сомнения.

А суть такова. Происходило это в подмосковной Балашихе. Некто Прахова, торговый работник, попалась на обвесах и обсчетах, и против нее возбудили уголовное дело. Вел его сотрудник ОБХСС Козырев. Прахова начала искать подходы к нему, чтобы он каким-нибудь образом прекратил дело. И вроде бы нашла. Узнала, что один юрисконсульт раньше служил в милиции и знаком с Козыревым. Через него она и попыталась войти в контакт с оперуполномоченным. Юрисконсульт взялся попробовать, сказав, что это будет стоить 4 тысячи... Прахова горячо поблагодарила...

Дальше события развивались так. Прахова передала деньги (3500 рублей) юрисконсульту, тот отправился на квартиру к Козыреву, затем они вместе пришли в отделение милиции. И... тут-то их, голубчиков, взяли с поличным.

— Признаешь, что получил взятку? — спросили у Козырева.

— За что? Дело на Прахову я оформил, передал его в суд. За что взятка-то? — ответил оперуполномоченный.

— А у тебя откуда деньги? — спросили юрисконсульта.

— Взял взаймы у Праховой. И себе, и ему — Козыреву. А что?

— А то,— ответили,— что давайте-ка проявим ваши купюры.

Проявили. На них выступала бесспорная улика: слово «взятка». Куда уж тут денешься? Только кайся чистосердечно, авось меньше дадут. Смею утверждать, в сложившейся ситуации запросто мог бы быть проштампован судом карающий приговор. Ведь слишком много выиосилось подобных приговоров. В данном случае у суда возник продиктованный здравым смыслом вопрос: каким образом и почему появились меченые деньги? В чем логика действий Праховой? Она будто бы договорилась о прекращении дела за 4 тысячи. И... пошла в милицию изобличать взяточников. В милиции бы разобраться, в каком состоянии иаходится дело Праховой, может ли Козырев на этом этапе его прекратить. Нет, там кинулись разоблачать коллегу. Касса милиции выдала 100-рублевые купюры, их пометили и...

На суде юрискоисульт продолжал утверждать, что взял у Праховой деньги в долг, две тысячи в долг же дал своему приятелю Козыреву. Вот и все. Козырев в свою очередь, подтвердив получеиие денег взаймы, сказал, что Прахова действительно к нему подходила в сквере, спрашивала о своей судьбе и он сказал, что дело передано в суд.

А адвокат иа том суде вообще заявил невообразимое ходатайство: привлечь к уголовной ответственности того, кто передавал меченые деньги Праховой для дачи взятки, как пособника в попытке совершить это преступление.

Что здесь ложь, а что правда, кто провокатор взятки, а кто получатель, кто обвиииялся иесправедливо, а кто действовал иечестно — ответить даже себе на эти вопросы я не мог. Допускаю, что Козырев вывериулся, ио в равиой мере допускаю, что ои чуть не стал жертвой злой провокации. Суд тоже ие иашел ответов и, к счастью, истолковал, как того требует закон, сомиеиия в пользу подсудимых.

И в определении Мособлсуда хотя и ие дается достаточно полиая юридическая оцеика методам «разоблачеиия взяточииков», ио иегативиое отношение к таким методам высказано.

А как же, спросит читатель, ловить этих иегодяев? Взятки редко дают при свидетелях. Как ловить, я, естествеиио, ие зиаю. Мие бы хотелось обратить внимаиие лишь на то, как ловить иельзя. Такой будто бы освящеииый практикой и иадежный способ как меченые деиьги,

при всей его простоте и очевидности, таит много опасностей для невиновного человека. Разве мы не вправе, разве мы не обязаны допустить невиновность оперуполномоченного Козырева? Но тогда и требование адвоката — привлечь к ответственности того, кто вручал Праховой деньги для дачи взятки, в качестве пособника преступления — не кажется таким уж странным.

Вопрос с ловлей взяточников, с мечеными деньгами, с провокациями на взятку, прямо скажу, болезненный. В этом я убедился на одном из пленумов Верховного суда СССР, где обсуждался аналогичный случай. Собственно, формально речь шла о сущем пустяке: возвратить женщине 150 рублей, чуть не ставших взяткой, или же обратить их в доход государства.

Суть вот в чем. Сын Потаповои Сергей попал в колонию для несовершеннолетних, которая размещалась в том же южном городе, где он и жил. Воспитатель колонии — офицер в звании «капитан» познакомился с родителями парня. Однажды те пригласили его пообедать. Пришел. Рассказал, что Сергей ведет себя хорошо, исправляется. На радостях родители подарили капитану бутылку коньяка. Через какое-то время, когда приближался день свидания родителей с сыном, капитан позвонил Потаповой и сказал, что Сергей провинился и потому он иаказывает его, так что свидание не состоится. Мать разошлась: его поили-кормили, а он... И побежала в милицию: с нее-де вымогают взятку. Там пометили ее купюры... И вскоре капитан, у которого оказались меченые деньги, был арестован, а потом и осужден.

Но факт вымогательства в приговоре не был зафиксирован, доказательств этому нет. И хотя Потапова от уголовной ответственности была освобождена, деньги ей не вернули. Генеральный прокурор принес протест: почему должна страдать женщина, которая сама явилась в милицию, фактически помогла разоблачить преступника.

— Все это дурно пахнет, эти меченые деньги дурно пахнут,— сказал один из членов Верховного суда.

— Странная тогда получается картина,— сказал другой.— Признавая эти деньги «нечистыми», «взяточными», мы тем самым признаем саму милицию соучастницей преступления — дачи взятки. Так выходит? Представьте, некто говорит, что несет взятку, деньги метят, подсовывают ни в чем не повинному человеку и... дело закрутилось. Поэтому факт вымогательства должен быть установлен с абсолютной достоверностью.

Нет, обмен репликами по этому вопросу не привел к ка кому-то решению. В протесте Генерального прокурора речь шла о 150 рублях: вернуть их женщине или обратить в доход государства. О вине или невиновности капитана вопрос не стоял. Но он невольно, так сказать, по касательной возник, как и проблема методов выявления предполагаемых взяточников...

Он вечен — этот вопрос: человек и закон, право, уложенное в статьи кодексов, и действительность, всегда где-то «выпирающая из одежд». В рассказе Анатоля Франса «Неподкупные судьи» два служителя Фемиды рассуждают так о применении закона. «Я основываюсь,— говорил первый,— на написанном. Первый закон был начертан на камне, в знак того, что будет существовать вечно». Второй возражает: «Всякий писаный закон устарел. Ибо рука писца медлительна, а ум людей проворен, и судьба их переменчива». Первый: «Судья не должен доискиваться, справедливы ли законы... Он лишь должен справедливо применять их». Второй: «Мы должны разбирать, справедлив или несправедлив закон, который мы применяем...» Первый: «Мы — судьи...» Второй: «Мы — люди».

В философском смысле это вечный и никогда не разрешимый спор, как споры о добре и зле, предопределении и свободе воли. Но правосудию «философским» смыслом не отделаться от решения конкретного конфликта, за которым чья-то судьба.

И судьи люди. И перед судьями тоже люди. При обсуждении проблем и прорех правосудия его победы превозносятся реже, хотя головокружительные успехи розыска и следствия в недавнее время описывались довольно широко. А суд всегда был в тени. Даже в судебных очерках он обычно выглядит безлико, будто бы судьи не обуреваемы страстями и сомнениями; будто не присущи им ни мудрость, ни мужество, ни стойкость в противостоянии обвинению без достаточных улик. Что поделаешь, действия суда не так эффективны, как того «требуют» газетный лист или телевизионный экран.

Судьям из Верховного суда страны, наверное, легче, чем их коллегам в районе. Думаю, в районный суд не всякий рискнет позвонить, чтобы дать «указание». Хотя... чего в нашей жизни не бывает, и высшие юридические инстанции не в вакууме живут и работают. Мне кажется, им трудно не столько решать проблему указующих перстов и телефонных звонков, сколько справляться с «напором времени». Сейчас ведь если министр

«попался», но вина его сомнительна — попробуй его выпусти, тотчас появится общественный всплеск: опять все на «стрелочников».

Министр однажды и «попался». Да еще хлопковый. К тому же оттуда — с юга. В данном случае министр хлопкоочистительной промышленности Туркменской ССР Бахрам Хайдаров, 55 лет, награжденный орденами. Да и «попался» опять же на взятках — «там их все берут».

Рассматривала дело судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР. Вместе с министром на скамье подсудимых оказались замминистра, начальник планового отдела, начальник промобъединений, директора заводов. Прямые по нисходящей подчиненные министра.

Следствие вменило Хайдарову получение взяток — 163 тысячи рублей от двух подчиненных. Он это категорически отрицал. Один взяткодатель отказался от показаний, уличающих министра, сказав, что дал эти показания под давлением следователя. Остались лишь показания второго, никакими иными уликами не подкрепленные. Раз не доказано — значит, не было, а единственное свидетельство, понятно, не доказательство. К сожалению, бывали случаи, когда выносили обвинительные приговоры и на столь шатком основании. Но, простите, даже инквизиция не принимала такое в качестве неоспоримого доказательства — это прямо было записано в ее кровожадных инструкциях.

По статье «за получение взяток» министра оправдали, но осудили за халатность. И достаточно сурово — три года лишения свободы. И это был не просто знакомый по судебной практике ход: дать хоть что-нибудь, дабы не оправдать совсем. Такое, увы, бывает. Я внимательно прочитал приговор, просмотрел дело. Не установлено, чтобы сам министр был повинен в приписках, искажениях отчетности, иных злоупотреблениях, процветающих в его отрасли и приведших к многомиллионным потерям. Но в приговоре сказано, что министр, обладая широкими полномочиями, неся прямую ответственность за положение дел в руководимой им отрасли, не надлежащим образом исполнял служебные обязанности вследствие недобросовестного к ним отношения, эти процессы не пресек, что нанесло существенный вред государственным интересам. И это доказано достаточно убедительно.

Мы, однако, отошли от главного — от проблемы взятки... При строго законном подходе к изобличению пред-

полагаемых преступников, думаю, достаточно много из них, неразоблаченных, гуляют на свободе и посмеиваются. Это, конечно, плохо. Но если сидит хотя бы один без вины — это беда!

Не можем мы вернуться к практике, когда при рубке леса неизбежно летят щепки. Ни в коей мере не хочу защищать вымогателей взяток или же благосклонно принимающих незаслуженную мзду. Равно как и тех, кто лезет с купюрами, дабы получить незаконное благо.

Но как бы широко ни разливалось зло, нельзя хотя бы одного наказать по недоказанной вине, а для примера и назидания или же исходя из того, что «все берут». Все же человек ценнее любых ценностей, хоть кооперативных, хоть государственных. Стоит отступиться от этого — и нет правосудия, его место занимает произвол, который рано или поздно падет на головы его ревнителей.

Унтер в лампасах

Отсутствие информации рождает домыслы и сплетни, а они затвердевают, как бетон. Особенно когда подпитываются необычностью ситуации или положением лица, «о котором все говорят».

Не станем лицемерить, фигура Ю. М. Чурбанова, его «дело» вызвали всеобщий интерес. Задолго до начала процесса уже были созданы мифы о суммах награбленного. И когда в приватных разговорах я называл цифры, фигурировавшие в обвинении, это разочаровывало. Тем более что в зарубежных журналах уже появились фотомонтажи Чурбанова с миллионами и грудами золота. Многие надеялись услышать и о светских подробностях из жизни «двора». А гости «оттуда»— выяснить «о политических подоплеках расправы со старым режимом». Такой вопрос не выдумка, его задала мне сотрудница газеты «Нью-Йорк таймс», которая интересовалась перестройкой и демократизацией, а все же сначала занялась именно Чурбановым: «не возврат ли это к 37-му?» Я ее постарался разочаровать. А она показывала наши газеты, где Чурбанова поставили в один ряд с Ежовым и Берией.

Но даже геростратова слава вряд ли украсила Юрия Михайловича. Сам по себе плавал он мелко, а по сути дела скатился к обычной для коррумпированных кругов уголовщины. И все же что бы мы ни говорили и как бы

ни старались убеждать себя, что это обычный суд над разложившимся карьеристом, который опустился до мздоимства, от того, что он не просто высокопоставленный чиновник, а зять Л. И. Брежнева,— никуда не денешься. В этом парадоксе ситуации и заключалась большая трудность для суда. Естественно, никакой политической подоплеки этого процесса не существует. Однако общественное мнение не может не давить на судей. Им же надо спокойно и трезво во всем разобраться: все-таки судят не за то, что он — зять, а за то, что этот зять реально содеял и что безусловно доказано.

Если перевести причины падения Чурбанова на язык той среды, в которую он добровольно опустился, то все звучало бы по известной поговорке: «жадность фраера сгубила». Невиданная карьера, погоны генерал-полковника, должность первого зама союзного министра, положение зятя, обеспеченность сверх меры и... кража у своего же ведомства капролактанового ковра для дачи стоимостью 132 рубля! В одном этом — характеристика личности.

До того, как Фортуна улыбнулась мужчине привлекательной внешности, был он комсомольским функционером, потом потихоньку начал двигаться по лестнице чинов во внутренних войсках. По уровню же своему оставался не больше чем «унтером». И вдруг на штаны этого унтера пришили генеральские лампасы. Было от чего вскружиться не очень умной голове. И когда на суде он говорит, что ничего «такого» не делал, а ему просто несли деньги, причем «ни за что», я, например, этому верю. Вряд ли смог бы он организовать, скажем, преступную шайку, стать во главе мафиозного клана. Он смог стать только зятем. Но этого оказалось достаточно, чтобы ему несли и по 10 тысяч, и по 30 тысяч, и по 50 тысяч рублей зараз.

— Мне давали ни за что,— утверждал на суде Чурбанов.— Просто так.

Но давайте подумаем: кому-нибудь «просто так» отваливают подобные деньги? И все-таки наши с вами, читатель, мысли и суждения — это не юридическая квалификация преступного деяния. Суд же без точной правовой оценки содеянного приговор вынести не мог. Как квалифицировать тот факт, что бывший секретарь ЦК Компартии Узбекистана преподносил чиновнику, в ведомстве которого он не служит и формально занимает более высокое положение, пятидесятитысячный куш? А он нес.

И бывший предсовмина этой республики давал. За что? Тут-то в сетку юридических категорий вплетаются, как говорят, жизненные реалии. К этому вопросу нам еще предстоит вернуться, когда мы приблизимся к приговору. А пока посмотрим, как шел к нему судебный процесс.

Как уже сообщалось ранее, дело слушала Военная коллегия Верховного суда СССР под председательством генерала юстиции М. А. Марова. Обвинение поддерживал А. В. Сбоев, работник прокуратуры СССР. Каждый из подсудимых, естественно, имел защитника. Кроме Чурбанова на скамье подсудимых были министр внутренних дел Узбекской ССР Яхъяев, два заместителя министра — Кахраманов и Бегельман и пять начальников областных УВД Узбекистана. Все, понятно, бывшие. Всем им вменялось получение и дача взяток, злоупотребление служебным положением.

Процесс начался 5 сентября 1988 года, было заслушано около 200 свидетелей.

Прежде чем начать рассказ о самом процессе, хотелось бы вернуться к его предыстории.

Юрий Михайлович Чурбанов после ареста в начале 1987 года неоднократно заверял следователей, а также Генерального прокурора СССР в адресованных ему письмах, что «не старается преуменьшить свою вину», а хочет, «чтобы следствие и суд поняли, как я скатился и что теперь все осознал» и т. д. Это же самое он повторил во время допроса, в своей преамбуле к показаниям. Вот как все это выглядело в динамике.

Следователи, которые вели дело, мне говорили, что Чурбанов, когда его арестовали и провели первые допросы, не запирался, рассказал о многом таком, что им не было известно. Объяснил свое падение тем, что «эти прихлебатели Рашидова хотели меня расположить, чтобы заручиться расположением моего тестя». То есть он сам ответил на вопрос, за что же ему давали...

Чистосердечные раскаяния обвиняемого, показания дававших взятки и другие улики дали основания следствию обвинить Чурбанова в получении взяток на общую сумму 650 тысяч рублей. Потом уже в ходе следствия 250 тысяч он отверг, а 400 тысяч признал.

Следствие подробно разбирало каждый эпизод получения мзды. И, естественно, интересовалось: где же деньги? Юрий Михайлович сказал, что примерно на 30 тысяч купил драгоценностей, которые отдал на хранение сестре, ей же дал на расходы 7 тысяч. Все эти ценности и деньги

сестра вернула следствию. Какие-то суммы, по словам Чурбанова, тратились на обустройство дачи, обстановку квартиры. Правда, ему вменялось злоупотребление служебным положением, выразившееся как раз в трате казенных денег на дачу. Кроме того, оклад первого заместителя союзного министра, имеющего звание генерал-полковника, вполне позволял и без взяток обставить квартиру и дачу. Но — не станем мелочиться в подсчетах.

Все равно треть миллиона куда-то делась. Где они? По самой простой логике — коль раскаиваешься чистосердечно, сжигаешь мосты в позорное прошлое — отдай нечестно полученное. Или, по крайней мере, объясни вразумительно, куда оно делось. Как говорили на святой Руси, «умел воровать — умей и ответ держать».

Как же объяснил на предварительном следствии исчезновение трехсот тысяч рублей Ю. Чурбанов? Процитирую его показания, которые зафиксированы в обвинительном заключении.

24 января 1987 года: «Что касается остальных ценностей (то есть кроме тех, что выдала сестра.— *Ю. Ф.*), то прошу дать время, чтобы вспомнить место их нахождения. Я намерен все добровольно выдать... В этом я вижу материальное подтверждение своего раскаяния. Я желаю очистить свою совесть перед партией и государством и понимаю, что только своими конкретными действиями могу доказать свою порядочность».

Ничего не скажешь, по меньшей мере, приемлемая программа поведения человека, желающего очиститься «перед партией и государством».

25 января в письме на имя Генерального прокурора СССР раскаявшийся сообщает, что деньги находятся на даче в Жуковке, прилагает схему тайников. Туда едут, копают, выстукивают — по схеме и без схемы... и ничего не находят.

26 января: «Насчет Жуковки дал ложные показания: где находятся деньги — не помню».

10 июня: «Хочу заверить следствие, что деньги будут выданы, но этот вопрос мне решить не так просто в силу определенных причин. Прошу вызвать на допрос через неделю».

19 июня: «Вопрос о деньгах связан с рядом сложных проблем».

4 июля: «В ближайшее время решу вопрос о выдаче денег».

16 июля: «Триста тысяч я дал своей жене Галине Брежневой как подарок от Рашидова. Она их истратила на драгоценности».

На следующий день: «Мои прежние показания сделаны опрометчиво. Никаких денег, кроме зарплаты, я жене не давал».

23 июля: «Вопрос о деньгах очень сложный. Дело в том, что я не вправе компрометировать семью покойного тестя и тем более его память».

Понятно, Юрий Михайлович находился в некотором отрыве от нашей быстротекущей жизни. Трудно сказать, насколько новые веяния доходят до Лефортовской тюрьмы, где он содержался в период следствия и суда. Но вряд ли неведомо ему, что память покойного тестя достаточно осквернена. В том числе и деяниями любимого зятя. Но где же все-таки деньги? Последнее откровение Чурбанова напоминает ход конем.

4 декабря: «Деньги я передал Вашкову — 300 тысяч рублей в двух кожаных папках. Вашков сказал мне, что ему «надо перекрутиться с кем-то из торгового мира». И что деньги мне он скоро отдаст. Однако через два месяца Вашков скоропостижно скончался и деньги мне не вернул».

Означенный Вашков занимал тогда должность начальника торгового отдела МВД СССР.

Рассказал я всего один из сюжетов объемного дела, один из штрихов, характеризующих личность Чурбанова. Но не на нем же одном мы должны сосредоточить внимание.

И здесь необходимо выйти из тех рамок, которыми ограничено рассмотрение дела в суде. Оно, это дело, всего лишь отрыжка того пиршества, что при похмелье вылилось в разоблачение сложившейся в Узбекистане мафии. Мне кажется, есть некая несправедливость по отношению к республике и ее народу в том, что при словах «коррупция», «мафия» тотчас же возникает прилагательное «хлопковая», а за названием полезной культуры и имя республики. Но что тут делать? Приходится пить до дна горькую чашу правды. Ибо факты, как принято писать, вопиющие.

27 апреля 1983 года КГБ Узбекской ССР возбудил дело по факту задержания с поличным начальника ОБХСС УВД Бухарского облисполкома А. Музаффарова: тот получил взятку в тысячу рублей. Дело перешло в Прокуратуру СССР, и начал разматываться клубок

таких деяний, что, как помните, вызвал настоящий шок у советской общественности. К уголовной ответственности привлекли Председателя Совмина республики, двух секретарей ЦК, нескольких секретарей обкомов, райкомов, советских служащих и работников правоохранительных органов. В том числе и нынешних подсудимых.

В ходе следствия было изъято 42 миллиона рублей: у одного — 6 миллионов, у другого — тоже 6 миллионов, у третьего — 4,5 миллиона, у кого-то 2 миллиона, у многих «по мелочам», исчисляемым десятками и сотнями тысяч рублей. Говоря «в ходе следствия», я имею в виду не следствие по делу Чурбанова и его соседей по скамье подсудимых, а следствие по целому «пакету» хлопковых дел.

Естественно, все это нажито не трудами праведными, а уворовано у нас с вами. Пусть это не покажется парадоксальным, но мне думается, что «взятка за что-то» еще куда ни шло. Тут, по крайней мере, все ясно: вот вымогатель, вот жертва, вот преступная выгода. Дело, так сказать, техники для розыска и следствия: установить факт, уличить дающих и берущих. Куда страшнее и для общества трагичнее, что давали и брали практически «ни за что». А если выразиться точнее: за попустительство и покровительство на службе; за назначения на должности, перемещения и повышения; за выделение нефондовых материалов; за сокрытие упущений, правонарушений и преступлений. Было все: угощения и подарки, налогообложение подчиненных, внеочередное выделение квартир, автомашин и прочего дефицита, устройство в вузы и т. д. Это уже не «отдельные нетипичные случаи», чем мы себя так долго тешили. Это — разложение и перерождение чиновничьей иерархии, что захватило, к сожалению, даже партийные кадры республики.

Но откуда все это? Миллионные взятки откуда? Вот тут-то и прослеживается весь разлагающий государство и общество механизм. Желание любой ценой выполнить план по хлопку, явно нереальный, вело к припискам. 4,5 миллиона тонн хлопка на 6 миллиардов рублей, якобы сданных государству, просто не было. Они приписаны. Значит, за них получены деньги? Естественно. Значит, государство считает, что у него есть не бумажная валюта, а истинная ценность в виде 4,5 миллиона тонн «белого золота». На самом же деле, ничего нет? Конечно! Как же иначе?! Так шкурный интерес конкретного взяточника, обуреваемого стремлением лично обогатиться

и дать своему начальнику или покровителю из высших сфер, подтачивает материальную, финансовую да и любую иную мощь государства. И логичен вывод: в Узбекской ССР в 1970 — начале 1980-х годов укрепилась порочная система обмана государства, коррупции, круговой поруки, которая поразила административные, советские и партийные органы республики.

Судебное следствие по делу Чурбанова не занималось экономическими проблемами, да оно и не вправе выйти за рамки предъявленных обвинений. Но нам с вами, читатель, не грех порассуждать и по более широкому кругу проблем, чтобы понять: деяния, вменяемые подсудимым,— это не преступная экзотика, не сенсационные ограбления. Это удары по нам с вами, по нашему жизненному уровню. Это одна из причин того, что мы до сих пор стоим в очередях, с трудом достаем элементарное, а многие просто не сводят концы с концами. Деньги, честные и нечестные, имеют единственный источник — наш труд. Труд, который воры и мародеры присваивают, а уж потом распределяют меж собой, хоть в виде взятки, хоть в виде подарка.

Но все-таки ближе к делу... Итак, Чурбанов. Не он, а другие были главными в насаждении системы коррупции. Вот показания бывшего предсовмина. Вдумайтесь: главы правительства суверенной республики — Худайбердыева:

— Вместе с Рашидовым,— заявил он,— мы встречали Чурбанова в аэропорту как большое лицо, особо ответственного работника... По сути, как главу государства, со всеми почестями. Его появление на совещании в ЦК компартии встречали аплодисментами, стоя. Я сам хотел поближе с ним познакомиться, чтобы обо мне осталось хорошее впечатление... Мелочиться в таком случае было бы не солидно. Вот я и решил, что 50 тысяч вполне подходящая сумма. Передал их Чурбанову в номере гостиницы вместе с кофейным сервизом за 100 рублей.

Только за хорошее впечатление? Не будем иаивны. Отлично знал глава правительства, кому и с какой целью при первом знакомстве дается такой куш.

Бывший первый секретарь Навоийского обкома партии Есин, преподнесший Чурбанову золотошвейный халат с тюбетейкой, а вкупе с ними 30 тысяч рублей, был более откровенен:

— Чурбанов из семьи Брежнева — поэтому важно было оставить у него хорошее впечатление. Область

только что образовалась — надо было решать многие вопросы. Лично Рашидов придавал большое значение тому, с какими впечатлениями уедет зять...

На скамье подсудимых — бывший министр внутренних дел Узбекской ССР Яхъяев. Свой пост оставил давно, его сменил Эргашев, покончивший жизнь самоубийством. И солидную часть сумм, вменяемых как взятки, как было сказано в обвинительном заключении, Чурбанов получил от этого последнего. А было все во время Всесоюзной конференции МВД и Союза писателей СССР по теме «Морально-нравственная проблема в художественной литературе». Состоялась она в октябре 1979 года, и я оказался в числе ее участников. Все, естественно, было обставлено в духе того времени. Правительственный прием, где Рашидов появился вместе с Чурбановым. Очень правильные речи, полагающиеся здравицы И вот — хотите верьте, хотите нет — а был среди нас.. ну, не восторг, понятно... а все же некий почтительный интерес: как-никак в президиуме зять. Мы, конечно, не могли знать, что в эти дни зять получил и увез много-много тысяч рублей, врученных ему ради «хороших впечатлений». Об этом я узнал только сейчас. А тогда? Какие прекрасные и высоконравственные речи были на той конференции!

Начал я с сюжета, характеризующего поведение Чурбанова относительно воровски полученных денег. Где они, он так и не сказал. Но на следствии пояснял, за что ему давали: «Эти прихлебатели Рашидова хотели меня расположить, а через меня заручиться расположением тестя». Это «возмущало» стремительно двигавшегося по служебной лестнице «унтера». «Я испытывал,— говорил он,— чувство неловкости, надо было послать подальше этих подхалимов и швырнуть им деньги в лицо.. Достаточно было раз сделать это...» Ах, какой же благородный порыв! Но... «Я не нашел,— заявляет он,— гражданского мужества противостоять лести и взяткам» Почему-то Юрий Михайлович даже считает, что он не смог побороть в себе «чувства интеллигентности»!

Ну что ж, самое время. Покаяние — начало искупления.

Однако когда начался допрос Чурбанова в суде, то о покаянии не было и речи. На вопрос, который всегда следует после чтения обвинительного заключения: «Признаете ли себя виновным?»— пятеро (Бегельман, Норбутаев, Джамалов, Махамаджанов и Норов) ответили

утвердительно, Сабиров признал себя виновным частично, Кахраманов и Яхъяев все отрицали начисто. Напомню: последний был министром, Кахраманов и Бегельман заместителями министра, остальные — начальники областных УВД. Чурбанов же сказал, что признает себя виновным в злоупотреблениях, но взятки отрицает, так как не считает, что деньги получал именно как взятки — это-де были подарки.

После того как обвинение и защита высказали мнения о порядке судебного следствия, суд решил: допрос начать с тех, кто свою вину признал, потом допросить Чурбанова, а завершить допросом Кахраманова и Яхъяева, все начисто отрицавших.

Совсем коротко о показаниях тех, кто признавал себя виновным на следствии и не изменил этой позиции в суде.

Бегельман уверенно и с подробностями рассказывал, как брал с подчиненных и давал начальнику. «Мне ничего не оставалось делать,— говорил он,— такова была обстановка в республике и в наших органах. Рашидов насаждал свой культ, кумовство, мздоимство, подхалимаж. Я получал мзду в основном с инспекторов ГАИ. Сам я давал и за присвоение очередного звания и за повышение по службе. Таков бы порядок, и я ему подчинялся».

Сабиров признал, что давал взятки министру Яхъяеву и Кахраманову.

— А как же,— заявил он,— ведь у них каждый день, считай, гости из Москвы: накормить и напоить надо, сувенир дать.

— А за что вы давали? Какую выгоду от этого имели?

— Так давал, помочь им надо было — ведь у них траты на гостей какие.

— А где деньги брали?

— Свои давал.

— Ваша зарплата 500 рублей. Если вы давали свои, то смотрите, что получается: 380 — на взятки, 120 — на жизнь. Так что ли?

— А у меня два сына работают — могли прокормиться.

— И все-таки?

— Из РОВД тоже иногда носили, знали, что как в Ташкент еду — тысячу министру надо везти.

Показания все отрицающих Кахраманова и Яхъяева пересказать невозможно. Это было море слов (особенно

у Кахраманова), начиная от подробного рассказа трудовой биографии и кончая призывами крепить дружбу народов. Обо всем с большой охотой говорили эти двое, только не о тех деяниях, кои им вменялись. Отрицая все, они обрушивали потоки брани на следствие и следователей.

И Чурбанов тоже много говорил о том, что следователи «оказывали психологическое давление», что «показания всячески вынуждали». Никто из них в общем-то не привел конкретных фактов, которые бы подтверждали незаконность методов следствия. Никто не сказал, что его, к примеру, били, морили голодом или бессонницей. По их словам: грозили «посадить в камеру к уголовникам в Бутырках», «поломать судьбы близким людям», «что-то сделать с детьми». И, конечно, устрашали перспективой «вышки». Допрашивали, «не давая опомниться, собраться с мыслями».

Приведу для иллюстрации часть записей из протокола.

«Чурбанов:

— Почему я признавался на следствии, а теперь это отрицаю? Когда меня стали вызывать как свидетеля, я понял, что и против меня улики собирают. Но я и в мыслях не допускал, что меня, генерал-полковника, арестуют. Когда в 50 лет получил «отставку», все же не думал, что дело дойдет до тюрьмы. И вдруг арест. Потрясение. Стресс. Мне надо было прийти в себя, а тут допрос, другой, третий. Мне не давали собраться с мыслями. И появилась подавленность, стало все равно.

Прокурор:

— А письмо ваше Генеральному прокурору СССР? Сами назвали, от кого брали деньги.

Чурбанов:

— Я писал под диктовку следователя. Да, я назвал 123 фамилии. Оговаривал людей под давлением следователей. С меня требовали: выдай миллион. Но его не было.

Прокурор:

— Но где деньги, получение которых вы и сейчас признаете?

Чурбанов:

— Я не буду отвечать на этот вопрос».

Сидя в зале суда и слушая показания, а перед тем просматривая видеозаписи допросов и очных ставок, я все время думал и об этом. Признавались Чурбанов и его сообщники в содеянном, или же их вынудили к

тому? Судить не берусь, да и права не имею. Но впечатления выскажу. Столь дружное, словно бы по трафарету составленное обвинение в адрес следствия было бы убедительным, если бы подкреплялось фактами или хотя бы логикой.

Да, арест кого хочешь ошеломит и сломает, не только генерал-полковника. И перекрестный допрос дело не шуточное. Но когда прокурор заметил, что ведь было время прийти в себя, написать еще в ходе следствия, что дал не те показания, подсудимый ничего ответить не смог.

— С вами, Чурбанов, беседовал заместитель Генерального прокурора СССР перед концом следствия, ему-то почему вы не сказали то, что говорите сейчас?— спрашивает прокурор.

— Я говорил, но вы, прокурор, стоите по другую сторону баррикады.

— Вы потребовали другого следователя — вам его дали, но показаний и тогда вы не меняли.

— А я уже был сломлен.

Чурбанов на суде все изложил именно так.

— Да,— говорил он,— деньги брал, но это не взятки. От милицейских чинов не получил ни копейки, возможно, были «фруктовые подарки», но денег — никогда! С предсовмина Худайбердыевым обедали, вышли погулять. Он мне сверток какой-то дал, на память, там оказалось 50 тысяч. Но он меня ни о чем не просил, я ничего не сделал. Какая же это взятка? Или в Навои первый секретарь обкома Есин. Осмотрели с ним город, пообедали. Надели на меня халат и тюбетейку, а в гостинице обнаружил 30 тысяч рублей в кармане халата. Почему я, обеспеченный человек, брал? Это трудно объяснить. За мной форменная охота шла — лишь бы дать. Не хотелось обижать людей, нарушать традиции. Сейчас я в ужасе от всего этого, сам себе не могу объяснить, почему не швырнул деньги в лицо этим подхалимам.

Затем, сделав паузу, Чурбанов сказал:

— Вот все, что было и как было. Больше я ничего говорить не буду, на все вопросы отвечать отказываюсь.

— Но, может, вы,— спросил прокурор,— все же объясните суду, почему сейчас стали давать совсем иные показания. Вы же оговаривали невиновных людей.

На эти слова прокурора А. Макаров — адвокат Чурбанова — заявил:

— Мой подзащитный отказывается отвечать. Это его право. А товарищ прокурор...

Председательствующий подтвердил: да, это его право.

Адвокат Чурбанова заявил ходатайство о направлении дела на доследование. Прокурор посчитал, что в этом нет необходимости. Большинство адвокатов других обвиняемых тоже не поддержали коллегу: по их мнению, надо сначала допросить всех, а уж потом, если того потребуют интересы правосудия и их подзащитных, выйти с ходатайствами. Суд с этим согласился.

В такой вот непростой ситуации шел допрос подсудимых. Потом перед судом начали давать показания свидетели. Показания эти были, естественно, разными. Некоторых из свидетелей приводили под конвоем: им еще предстоят «свои» процессы. Другие, находящиеся на свободе, тоже вели себя по-разному. Времени с момента совершения преступлений прошло немало, что-то забылось, что-то очень хотелось забыть. Из всей этой пестрой мозаики Военной коллегии предстояло отбирать те самые крупицы истины, которые только и могут лечь в основу приговора.

И тут нам необходимо вернуться, может быть, к самому сложному вопросу этого процесса: к характеристике деяний, которые обвинение квалифицировало как взятки, а подсудимые, Чурбанов в первую очередь, и, естественно, защита, опираясь на свое толкование закона, представляли деньги чем угодно, но только не взяткой.

Закон (статья 173 УК РСФСР) достаточно точно, но, как показывает практика, несколько ограниченно трактует преступление, именуемое получением взятки: «...за выполнение или невыполнение в интересах дающего взятку какого-либо действия...» В связи с разоблачением мафиозных кланов, коррумпированных групп, включающих в себя высокого ранга должностных лиц, юстиция столкнулась и со взятками «ни за что». Во всяком случае, с такими фактами, когда передача крупных сумм высокому лицу установлена, но никакое действие («выполнение») или бездействие («невыполнение») в причинную связь поставить трудно. Но разве от этого меняется суть преступления?

В сложившейся бюрократической системе, охватившей управление сверху донизу, бывает, и ничего не надо «делать». При докладе высокому лицу достаточно умолчать о каких-то неладах в регионе или, наоборот, мимо-

ходом упомянуть, что в области не все ладно. Что именно? А ничего, пустяки, «не стоит внимания». Но слово сказано. Или не сказано. Брошена тень. Или же тень наброшена. Разве для вора с высоким чином, для обманщика государства это пустяк? О, нет! За это стоит платить. Причем платить щедро. И платили. В связи с этим следует признание: до чего же прозорлив был Н. В. Гоголь, словно бы о «чурбановской ситуации» писал: «...самая безопасная взятка, которая ускользает от всяких преследований, есть та, которую чиновник берет с чиновника по команде сверху вниз; это идет иногда бесконечной лестницей».

А теперь представьте, что не просто высокому деятелю, а первому лицу в государстве где-нибудь за обедом любимый зять при упоминании руководителя области что-нибудь скажет, нет, даже просто поморщится или, наоборот, расплывется в улыбке. Никто, понятно, не знает, как проходили обеды или ужины, суд это не исследовал. Зато фигурировал же такой факт. Чурбанов, будучи в областном центре, зашел в магазин, побрюзжал на плохую торговлю и вообще на непорядок в городе. Ну как тут не дать? Тем более что после обеда и «подарка» в 30 тысяч рублей ни о каком брюзжании уже и речи не было. Одни похвалы руководителям области. Ну как же не давать, если налицо «конечный результат»? Тут, осмелюсь сказать, не просто получение взятки, но и тонкое ее вымогательство.

Очевидно, некоторые юристы скажут: это еще не доказательства, сошлются на текст нормы уголовного кодекса. Не берусь с ними спорить. И не хочу ограничиться ссылкой на приговор Военной коллегии: хотя приговор недвусмысленно отвечает на этот вопрос, но слишком многие факты, связанные с деятельностью коррумпированных мафиозных шаек, свидетельствуют о том, что «ни за что» дают щедро и барыши за эти вклады получают баснословные.

Суд в нашей системе юстиции нормы права не творит, это дело законодателя. Правоприменительные органы ждут соответствующих актов, которые позволят вести организованную правовую борьбу с организованной преступностью. Однако и действующие нормы без всяких натяжек позволяют квалифицировать действия подсудимых как чистой воды взятки.

Это касается не только Чурбанова. Судьям, прокурору то и дело приходилось спрашивать почти у всех под-

судимых, как и у многих свидетелей во время процесса: «Вам давали взятку — за что?», «Вы давали взятку — за что?» И даже те, кто все признавал или же признавал только то, что давал из своих кровных, из зарплаты, затруднялись сказать —«за что». И мне казалось это затруднение не надуманным. «Такой был порядок», «все так делали», «без этого я бы не удержался на должности»— разве это неправда? Правда. Это стержень той системы, которую создала рашидовщина в Узбекистане. И унтер, на штаны которого судьба пришила генеральские лампасы, играл роль одной из ведущих осей. Беря тысячные подношения хоть от подчиненных ему милицейских чинов, хоть от не подчиненных руководителей партгосаппарата республики, он одним этим вносил разложение и гниль, поощрял воровство и очковтирательство, создавал уверенность в безнаказанности любых беззаконий.

Приведу лишь показания двух лиц: одного на следствии, другого на скамье подсудимых.

Бывший секретарь ЦК компартии Узбекистана Айтмуратов:

— Сильное воздействие на процесс разложения в республике оказывало руководство МВД СССР, подбиравшее лично угодных руководству министерства людей... Роль Чурбанова — зятя Брежнева? Его слово было законом для республиканских органов внутренних дел. Причина в том, что руководство республики пользовалось доверием Брежнева, а его зять являлся первым заместителем министра внутренних дел. В свою очередь, Рашидов и его окружение всячески оберегали органы внутренних дел от критики, проверок. Многие работники милиции, начиная с участкового инспектора и до министра внутренних дел республики, занимались поборами, как могли...

Бывший министр внутренних дел республики Яхъяев:

— С приходом Чурбанова в центральный аппарат МВД начался бурный процесс разложения... В министерстве установилось двоевластие, фактически всем заправлял Чурбанов. И Щелоков, и Чурбанов являлись взяточниками, но первый был эрудированным профессионалом, второй вообще не разбирался в специфике работы и не имел никакого желания познать ее. Он не случайно ударился в муштру, солдафонщину, стал выдвигать любимчиков, изводить придирками профессионалов...

Многое из того, что здесь сказано, прозвучало в речи государственного обвинителя А. В. Сбоева. Вряд ли фраг-

менты смогли бы удовлетворить читателей, а пересказать речь полностью нет возможности. Яркими были речи защитников, они тоже бы с интересом читались. Основное состязание шло по уже обозначенной проблеме: недостойное получение подношений или же преступное деяние, именуемое взяткой. Приговор, являющийся законом по данному делу, дал ответ.

Вновь и вновь возвращались на процессе к личности Чурбанова. Как я уже отмечал, он так или иначе оказался не только центральной фигурой этого суда, но и человеком, о котором «все говорят», который имеет, что называется, большую прессу.

Что ж, карьера фантастическая. Ему ко времени суда было немного за пятьдесят. Служил в армии. Работал механиком. С 1959 года на комсомольской работе — инструктор райкома, инструктор МГК ВЛКСМ. С 1961 года — на службе в МВД: инструктор мест заключения, помощник начальника политотдела мест заключения УВД Мособлисполкома. Уволен в августе 1964 года в звании «старший лейтенант внутренней службы» в связи с направлением на работу в ЦК ВЛКСМ. Заочно окончил философский факультет МГУ. В 1964 году расторг брак, оставив бывшей жене сына...

В апреле 1971 года Чурбанов женился на Галине Брежневой. И сразу же был назначен заместителем начальника политотдела ИТУ МВД СССР с присвоением звания подполковника внутренней службы. Спустя год, перепрыгнув через несколько ступенек служебной лестницы, становится заместителем начальника политуправления внутренних войск МВД СССР. Не менее стремительно ему присваиваются звания — полковника, а затем генерал-майора, генерал-лейтенанта, генерал-полковника Он становится начальником политотдела, затем заместителем министра, первым заместителем министра внутренних дел. Его избирают кандидатом в члены ЦК КПСС, депутатом Верховного Совета РСФСР. Получает боевые ордена в мирное время, ему присуждается Государственная премия. Вот-вот бы и начать писать мемуары. «Моя карьера».

Приходится, однако, выслушивать приговор... Служебный взлет при одновременной личностной деградации. Увы, такое бывает, и не так уж редко. У Чурбанова только все это получилось преувеличенно ярко — словно возрос ядовитых тонов цветок или небывалых размеров овощ на зараженной радиацией почве...

Приговор, по которому Чурбанову определили 12 лет лишения свободы, все же оказался неожиданным. Обвинялся в получении взяток на 650 тысяч рублей, а в приговоре осталось... 90 тысяч с небольшим. Кахраманова суд оправдал. Дело Яхъяева выделено в отдельное производство, а из-под стражи он был освобожден.

И уж если у многих вызвала «разочарование» предъявленная обвинением сумма взяток, полученных Чурбановым,— 650 тысяч рублей, то оставшаяся в приговоре сумма — 90 тысяч — родила недоумения.

— Да быть того не может,— говорили мне.— Не иначе, как припрятал, через два года выйдет и будет посмеиваться.

А я отвечал:

— Но если не доказано?

— Простой человек на полсотни украдет — будьте спокойны, все докажут,— следовал вывод собеседников, перед которым я был бессилен.

Потом примерно такого же характера дискуссии стали происходить по телефону. А вскоре последовали письма читателей, в которых звучало возмущение мягким приговором.

Один гражданин сказал мне:

— Надо было приговор всем народом выносить — тогда бы расстреляли.

— А не кажется ли вам,— ответил я,— что если мы станем выносить приговоры всенародным голосованием, то, пожалуй, сами себя скоро перестреляем?

Он упрекнул:

— Вы демагогией занимаетесь, а дело серьезное и с мафией надо расправляться, а не миндальничать.

Причины подобных требований, этих крайностей понятны. Жестокая мораль с ее непременными атрибутами: «расстрелять», «уничтожить», «распять»— берет начало во тьме тридцатых годов, а то и более раннего периода. Однако по отношению к конкретным подсудимым, к Чурбанову в частности, появлению такой оценки способствовали и мы, журналисты. Как же общественному мнению не возмущаться приговором, коль задолго до его оглашения Чурбанова поставили в один ряд с Берией? Здравый смысл отвергал эту нелепость, но слово было сказано, зерно политического обвинения брошено. Понятно, 12 лет для нового Берии... Смешно.

Но даже если опустить эти крайности и нелепости, то все равно «образ врага» был создан до суда. О награб-

ленных миллионах ходили слухи, будущего подсудимого ставили во главе мафиозного клана. Можно понять презрение к «зятю», так мерзко использовавшему свое «династическое» положение. Но суд-то разбирал не чиновное место на иерархической лестнице, а преступные деяния подсудимых, в частности гражданина Чурбанова. И преступления приходилось доказывать. Фактами, уликами, а не эмоциями и слухами.

Признаюсь: мне и моим коллегам очень хотелось написать что-нибудь о процессе до его окончания. Скажем, после предъявления обвинения, по завершении судебного следствия. В принципе не запрещено же давать репортажи из зала суда, важно не нарушать прав обвиняемых, не предопределять приговор, не давить на суд. То есть быть беспристрастным фотографом и информировать читателей объективно о том, что на судебном следствии происходит: что против обвиняемых, а что — за. Ввиду особого интереса к этому процессу нам как раз настоятельно рекомендовали не спешить, не нагнетать страстей. А если бы не вняли советам? Ничего бы, возможно, страшного не произошло. Перед оправданным Кахрамановым, если бы допустили в его адрес выпады, извинились. О Яхъяеве вопрос оставался бы открытым, а остальные признаны виновными. Но суду, думаю, наши публикации очень бы помешали. Разочарование же у общественности вызвали бы куда большее.

Мы ведь так привыкли обвинение уравнивать с приговором. И это опять же из тьмы тридцатых. Этим грешат не только журналисты. Вспомните некоторые официальные сообщения: «В прокуратуре СССР», «В КГБ СССР». Лаконично говорится, что разоблачены фашистские пособники или шпионы, что преступники предстанут перед судом. Но зачем суд, коль они уже преступники? Перед судом предстают обвиняемые в преступлениях, не более того. Но привыкли и внимания-то особого не обращать на такие «мелочи»: в компетентных органах-де все знают. И даже теоретически не привыкли задаваться вопросом: а если обвинение не будет доказано? А ведь все это развращает правосознание, откладывает наслоения правового нигилизма. Отсюда и неверие в силу права, в независимость суда. По крайней мере, это одна из причин. Отсюда, между прочим, и масса процессуальных нарушений, допущенных во время предварительного следствия.

По ходу судебного следствия вдруг выяснилось, что

против Яхъяева возбуждено дело по целому ряду эпизодов, не связанных с тем делом, которое рассматривала Военная коллегия. Так, он обвинялся в незаконных арестах людей, безосновательном помещении в психиатрическую больницу и т. д. Адвокат, естественно, усмотрел в этом нарушение процессуального закона, ущемление прав его подзащитного. Истребовали в суд то дело — 6 томов. Дело возбуждено, обвинения предъявлены, но последней точки не поставлено. То есть и не прекращено то дело, и в суд не передано. Адвокат выступил с ходатайством рассмотреть обвинения против Яхъяева в полном объеме. Как известно, Военная коллегия постановила дело Яхъяева выделить в отдельное производство, из-под стражи его освободили.

Он и Кахраманов начисто отрицали предъявленные обвинения, а свои признания на предварительном следствии оценили как вынужденные. Давая показания, оба говорили очень долго, пространно, делали исторические экскурсы, воспевали дружбу советских народов. Председательствующий не единожды пытался прерывать не относящиеся к делу словесные потоки. Оба они, да практически и все остальные подсудимые «несли следствие». Каких только обвинений не выдвигали они! Главное: да, признавались, но под психологическим давлением следователей. Я потом говорил с некоторыми адвокатами, работниками прокуратуры. Никаких достаточно обоснованных обвинений против следствия лично я не уловил. Обвинений было много, но аргументов явно не хватало. Никто не сказал о физическом воздействии. Все говорили о психологическом давлении. И на этой проблеме мне хотелось бы задержать внимание читателей.

Лично я убежден, что следователи, о которых идет речь, мужественные и последовательные борцы с мафией, профессионалы в своем деле. Но возникает вопрос, как же тогда оценивать тот факт, что большую часть обвинений Чурбанова суд не посчитал доказанной, в деле Яхъяева допущены серьезные процессуальные нарушения, а Кахраманов вообще оправдан? А ведь все они признавались на следствии. Выходит, признания добыты незаконными методами? Но только что я утверждал, что не уловил в словах подсудимых каких-либо серьезных подтверждений о незаконных методах.

Кругом противоречия? Да, это так. Но они рождены, как я полагаю, не действиями следователей, не моими

оценками. Противоречия — в самом статусе предварительного следствия. Один умный следователь мне говорил: «Никогда я не нарушу закон, но любые нужные мне показания добуду».

Одним из основополагающих принципов правосудия является состязательность обвинения и защиты. Мы это относим лишь к судебному следствию, где доводы обвинения подвергаются жесточайшей критике со стороны защиты. И в рассматриваемом деле председательствующий генерал М. А. Маров обеспечил истинную, а не формальную состязательность.

На предварительном следствии никакой состязательностью и не пахнет. Там обвиняемый месяцы и даже годы один на один со всей машиной следствия. Поскольку сроки предварительного заключения сплошь и рядом нарушаются, у него нет даже временной перспективы продержаться на своих утверждениях. Его ломает не следователь — само время, одиночество и отчаяние. Не с кем поговорить, посоветоваться, разве что с товарищами по камере: а они, умудренные опытом, разве не могут посоветовать — плетью обуха не перешибешь. Поэтому и невиновные сознаются...

Можно ли в этом винить следователя? Такого, который физических методов не применяет? Который оказывает лишь психологическое давление? Давайте разберемся. А может ли, спросим себя, вообще быть следствие без психологического давления? Такой авторитет в праве, как А. Ф. Кони писал: «...следствие есть, в сущности, творческая работа... Но творческая работа всегда соединена более или менее с авторским самолюбием, и если к этому самолюбию присоединяется власть,— а она у следователя и товарища прокурора весьма большая,— то тогда это творчество, в соединении с властью, представляется в некоторых случаях довольно опасным, несмотря на добросовестность творящего, потому что здесь возможны большие увлечения предвзятым взглядом и сложившимся представлением».

Специально я бы подчеркнул слова о «добросовестности творящего». Мудрый юрист смотрел в корень. Не в том дело: добросовестный следователь или нет. Он ведь не может в подозреваемом человеке видеть лишь ангела во плоти, сколько бы мы ни говорили о требовании быть объективным. У следователя серьезные успехи, он пришел к каким-то убеждениям, от которых трудно отказаться, если сидящий напротив «голо» отрицает улики, не при-

водя достаточных оправданий. Следователь унаследовал традиции, у него профессиональные навыки, в его сознании стоит «задача»— разоблачить... Участие адвоката все бы поставило на свои места. Ведь недаром в принятой XIX Всесоюзной партконференцией резолюции «О правовой реформе» говорилось о необходимости расширения участия защитников в предварительном следствии. Но только недавно эта норма была принята.

На чурбановском процессе, как мне кажется, высветилась и другая сторона проблемы. В сущности, обвинения со стороны подсудимых в адрес следствия так и остались неразвеянными. Военная коллегия с полным основанием не пошла по пути совершенно бесперспективного выяснения того, как проходили допросы и очные ставки на предварительном следствии, на чем настаивали подсудимые. Никто бы ничего не доказал, я думаю. Суд просто-напросто отверг все обвинения, которые вызывали сомнения, утвердив тем самым основной принцип правосудия: нет доказательств — нет вины. Но будь на следствии адвокат, и проблем бы этих не возникало.

Как не возникало бы и проблемы цены «чистосердечных признаний», от которых подсудимые отказались на суде. Напомню: Чурбанов на предварительном следствии признал получение взяток на 650 тысяч, потом от части отказался, на суде выдвинул новую версию и давать показания отказался. Когда же он лгал? Когда?

Вообще, признание своей вины — это, думаю, не столь однозначный вопрос, как его иногда трактуют. Да, «теория Вышинского» и все бывшие до него инквизиторские теории о признании как «царице доказательств» нами отвергаются. «Признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении признания совокупностью имеющихся доказательств по делу» (статья 77 УПК РСФСР). Понятно, я ни в коей мере это положение не оспариваю. Но в делах о взятках, например, где редко можно обнаружить материальные следы, как расценивать признания дающих и берущих? Если сегодня они признают вину, а завтра отрицают? Все брать за чистую монету?

Интересно, в такой классической для правосудия стране как Англия, признание обвиняемого оценивается как «самое лучшее доказательство». В ряде случаев оно считается достаточным для вынесения обвинительного приговора без судебного исследования доказательств. Более того, раз признавшись, обвиняемый практически

лишается возможности защищаться от обвинения. Так что же, англичане порицают сами основы права обвиняемого на защиту?

Но дело ведь в том еще, как, каким образом получено признание. И вот тут-то англичане строги. На симпозиуме советских и английских юристов, состоявшемся в 1984 году, профессор из Оксфорда А. Цукерман привел слова лорда Хейлшема, рассматривавшего дело «Директор публичных преследований против Пинг Лин». Судья тогда сказал: «В каждом деле должен быть получен ответ на вопрос: **доказало ли обвинение** (подчеркнуто мною.— *Ю. Ф.*), что рассматриваемое заявление получено добровольно, то есть не было сделано в результате опасения вредных последствий или в надежде на выгоду, предоставляемую или предлагаемую лицу представителем власти. Такая причинная связь должна быть исключена обвинением». Тут уже многое встает на свои места: обвинение должно доказать, что признание получено не под нажимом.

Вовсе этим я не хочу утверждать, что у «них» лучше с проблемой чистосердечных признаний. Но то, что у нас плохо,— это факт. И при подготовке нового уголовно-процессуального закона не вредно было бы самым серьезным образом посмотреть на проблему признаний как доказательств, а главное, на пути и способы получения добровольных признаний. В ходе судебного следствия по делу Чурбанова и других суд был строг к обвинительным материалам и достаточно критичен по отношению к признаниям на предварительном следствии. Но совсем-то недавно обвинительные заключения просто переписывались в приговор, а отречения от признаний игнорировались без всяких исследований. Обвинительной власти не надо было доказывать, что признание сделано действительно добровольно.

После приговора многие задавались вопросом: так как же оценить итог судебного процесса? Поражение следствия? Победа защиты? Мне кажутся неправомерными и аморальными сами такие вопросы. Мы просто увидели нормальное правосудие, цель которого не отчетные показатели, не «борьба с преступностью», а объективная, законом предписанная оценка собранных обвинением улик и доводов защиты.

Да, но один оправдан, дело другого отправлено на доследование, от вмененных обвинением Чурбанову 650 тысяч рублей взяток осталось 90 тысяч. Как в этом свете

выглядит обвинительная сторона? Рискну сказать: нормально. Кстати, А. В. Сбоев, поддерживающий обвинения, в своей речи имел мужество отказаться от половины первоначальной суммы. Думаю, если бы следствие административно не подчинялось самым противоестественным образом прокурорскому надзору за законностью следствия, все или многое сделано было бы значительно раньше и не попало бы в обвинительное заключение. Или бы попало, но с безупречными доказательствами. И опять на XIX Всесоюзной партконференции был вопрос поставлен — о выводе следствия из подчинения прокуратуре,— но, похоже, так и не решен.

Возникал и такой вопрос: не поощрит ли приговор Военной коллегии тех обвиняемых и подследственных, дела которых находятся в производстве, к голому отрицанию своих показаний? С одной стороны, не придут ли мафиозные кланы к мысли о том, что «вышло послабление», что вполне можно избежать карающего меча? А с другой стороны, не возникает ли у честных граждан сомнение: все они такие и сякие, нахапали миллионы, да вот только вывернулись; не смогли доказать их вину, но они все равно виноваты. Формулу оправдания «за недоказанностью обвинения» до сих пор ведь считают сомнительной.

Вопросы и сомнения логичны. И нечего скрывать, что в демократической обстановке судопроизводства, при строгом соблюдении процессуальных норм посадить человека куда труднее, чем решением Особого совещания, господствовавшего в тридцатые годы, или при помощи «телефонного права», широко распространенного в застойный период. И слава богу! Все же мы утверждаем право как один из самых главных постулатов демократического государства, и поэтому мы не можем допустить возврата к произволу. Без независимого суда, выносящего независимые от любых влияний решения, мы не обойдемся. Какие бы страсти ни кипели вокруг экстраординарного преступления или же обратившей на себя всеобщее внимание личности, правосудие не должно поддаваться страстям и влияниям. Что и продемонстрировала своим приговором Военная коллегия Верховного суда СССР. А с мафией, конечно, надо бороться, преступников необходимо уличать и изобличать. Но это же не значит, что можно отступить от права «ради дела».

Если бы я сказал, что процесс Чурбанова и других был рядовым уголовным делом, я бы сказал неправду.

Если бы отнес его к политическим процессам — тоже был бы не прав. Но нельзя отрицать и того, что он имел все же морально-политическую окраску. Немыслимо, согласитесь, забыть тот факт, что Чурбанов в период совершения им преступлений был зятем главы государства, что этим была предопределена его фантастическая карьера, положение в чиновной иерархии, да и сама возможность брать преступные подношения. Судили Чурбанова за конкретные деяния и судили непредвзято. Но под судом общественности оказались и те годами насаждавшиеся родственно-кумовские нравы, когда личные связи определяли все, а деловые качества не значили ничего или, по крайней мере, были куда в меньшей цене. В этом смысле я и говорю о морально-политической окраске чурбановского процесса.

Вполне вероятно, эти достаточно стандартные слова насчет «суда общественности», как и приговор суда, некоторых читателей и разочаруют: не такую-де управу на «них» нужно. Но все же мне видится больше надежд. Да, со злом надо бороться, надо его искоренять, только не любыми методами, а исключительно правовыми. Иначе, искореняя одно зло, мы неизбежно будем плодить другое.

Дело из... ничего

Страшно, когда творится беззаконие. Ужасно, когда следствие ведется недозволенными методами. Все возмущается в нас, когда мы узнаем, как под физическим воздействием человек признается в том, что он не совершал...

А если все в полном соответствии с нормами права? Или почти в полном?

В 1982 году на Кудиновскую фабрику нетканых материалов треста «Мосвторсырье» пришел новый директор. И увидел среди двора полусгоревший, весь покореженный производственный корпус. То был купленный у финнов за 3 миллиона инвалютных рублей так называемый модуль — помещение с четырехэтажный дом, напоминающее ангар. Валютные потери кое-как прикрыли, и стоял этот самый модуль посреди территории как памятник бесхозяйственности. А точнее — преступления.

— Судить нас за это надо. Хоть под склад восстанови как-нибудь. Хозспособом. Шабашников найми Деньги дадим,— сказал новому директору начальник главка.

Для хозяйственника та истина, что не в деньгах счастье, никакого иронического оттенка не имеет Где их взять, этих шабашников?

Как водится у нас, выручил случай, что с недавних пор отнесен в разряд явлений «теневой экономики» На каком-то совещании в Мособлстрое кудиновский директор познакомился с Суреном Хачманукяном, кандидатом технических наук, инженером из организации, которая называется «Главзарубежсельхозтехника» В то время, вернувшись из-за границы, Хачманукян что-то налаживал в тепличном хозяйстве, и ему позарез был нужен металл определенного сорта. Поскольку ему очень был нужен этот металл, его, естественно, в хозяйстве не было. Зато у директора, которому такой металл не очень был нужен, он имелся.

Остальное наш воспитанный на экономических статьях читатель может домыслить. Инженер взялся найти монтажников-шабашников, а директор — снабдить его вожделенным металлом.

Инженер обещание сдержал. На модуль выделили 164 тысячи рублей, из них 15 тысяч — на оплату труда. Появились и монтажники. Да не какие-нибудь, а действительно первоклассные: в основное свое время они работали на строительстве посольства США. Их бригадир Виктор Лавров осмотрел сгоревший модуль, прикинул объем работ, подсчитал возможную выгоду и согласился.

Меж тем ребята получили согласие своего прораба Анатолия Михайловича Юдина и начали восстанавливать модуль. Причем работали разные люди — кто когда был свободен. Деньги отдавали бригадиру, а тот уж распределял по количеству затраченного труда. Кроме того, тратил на обеды, платил за кран, ибо бетонные плиты — «сэндвичи» — вручную не поднимешь.

И модуль был восстановлен к началу 1985 года. Ценное сырье миллионных стоимостей переместилось под крышу, оставалось отрапортовать о спасенном от полной разрухи помещении.

Тут-то и грянул гром. Пятерых участников восстановления сгоревшего модуля отдали под суд.

В чем вот только их криминал? Вообще-то это вопрос для некоторых работников правоохранительных органов

праздный, иекорректный. Есть криминал иа стройке или на любом другом производстве или его нет, для них особого значения не имеет. При указании «иайти» и при известиом старании ои всегда будет. Тут простому смертному деваться некуда. Китайцы утверждают, будто трудио поймать черную кошку в темной комнате, особенно когда ее там нет. У нас иногда ловят! Да еще как ловят!

В нашем случае к оперуполномоченному УБХСС, как он мие сам рассказывал, поступили сигналы: на восстановлении модуля делается какая-то махинация. Но какая? Дело-то сделано, и из сметы не вышли, и драгоценное сырье под крышей. Как тут свести концы с концами? Где тут криминал? Эта самая черная кошка где? Очень просто: значит, сбегали с основной работы, зарплату там получали, а халтурили на фабрике.

На это будущие подсудимые, а также свидетели из монтажников попытались возразить: с американской стройки так просто ие уйдешь, там морская пехота входы-выходы охраняет. Выходная вертушка с ЭВМ соединена: чуть за ворота — из зарплаты вычет. Капиталисты — они время за деньги считают.

Ответ оперуполномочеиного был изумителен: наши умельцы кого хочешь обведут — ту же ЭВМ с ихней морской пехотой.

Однако слова обиженной стороны на веру брать рискованно. Поэтому я сначала встретился со всеми, кто был отдаи под суд, а потом с теми, кто их под суд отдавал. И признаюсь, я так и не поиял, за что обвинили пятерых.

Но ведь за исключением одного — прораба Юдина — все признались в «злодеяниях». Правда, чистосердечные раскаяния чередовались с полным отрицаиием своей виины. Но эти колебания имели свои закоиомерности, к исследованию которых мы перейдем чуть позже. А пока попытаемся разгадать одии арифметический ребус: как из общей суммы 14 тысяч рублей обвиняемым удалось, если верить следствию, похитить что-то около 50 тысяч?

Считайте сами: слесарь Матвиенко обвинялся в хищении 8960 рублей, Лавров — 14107, Хачманукян — около 10 тысяч, а директор фабрики — 14 тысяч рублей.

Дьявольская какая-то арифметика. Одиако сотрудники УБХСС и следователь как дважды два четыре доказывают мне, что все правильно. Поскольку преступная группа, по их мнению, действовала в сговоре, то за похищеиное всеми отвечают все вместе и каждый в отдельности в полном объеме.

— Но почему бы вам все же не подсчитать, кто конкретно и сколько положил в свой собственный карман? Закон требует установить индивидуальную вину.

— А зачем?— вопросом на вопрос отвечают детективы.

Н-да. Вопрос ясный, как небо в безоблачный день, но очень не хочется давать на него ответ служителям закона. Не получится тогда у них кража в особо крупных размерах. Какие-то крохи получатся. А если учесть, что корпус все же не чудесным образом, а реальным трудом монтажников восстановлен, то что же в обвинительное-то заключение записать? Вот и лукавят с цифрами. Зачем? Единственно, чтобы обвинить. Хотя и не злодеи мои собеседники из областной милиции. Одного из них я вообще давно знаю — причем как достойного офицера. Другой приятное впечатление производит, так же как и следователь. Но что толку от моих воспоминаний и впечатлений, когда я ощущаю, как рождается, шлифуется тот самый обвинительный уклон, по которому с необоримой силой катится каток предварительного следствия.

Лишь бы зацепиться, создать хоть видимость версий. А там уж не отступиться ни в коем случае, даже если надо доказать то, чего нет. Бюрократическое извращение самой сути правосудия развращает людей из правоохранительных органов. Они уже равнодушны к личностям тех, кто попал под их каток, «зла на них не имеют». Им в общем-то неважно уже — есть хищения или их нет, раз каток стронулся с места, покатился, он должен давить и здравый смысл, и человеческую личность, и сам закон. Простейшую истину, кто же сколько взял себе, размазали этим катком. И пусть людям дадут по 12—13 лет — это уже никого не трогает. Лишь бы «дело» прошло. А люди что? Это и не люди, рассуждают законники, это преступники. Органы-то по-прежнему не ошибаются.

В суд, однако, голую арифметику не представишь. Нужны улики, а их нет. Значит, надо добыть любыми средствами.

Вещественное доказательство — восстановленный склад — свидетельствует явно в пользу подследственных. Тогда назначается экспертиза. У нее тоже своя арифметика: берутся в руки «Единые нормы и расценки» (ЕНИР) и накладываются на фактически выполненные работы. Разница — а она будет всегда — и есть хищение. Напрасно монтажники доказывают, что они

нанимали кран. Эксперты этого не учитывают. Им говорят: замерьте в натуре. Они отвечают: у нас расценки. Пожар покорежил стеновые блоки. Эксперты берут идеальные расценки и делают так нужный следователю вывод: объемы работ завышены на 4895 рублей.

Из этой подтасовки следователь выводит вообще несусветную абракадабру: работ выполнили на 10 496 рублей, а получили 13 628 рублей, тем самым совершили хищение 12 289 рублей. Попробуйте, читатели, сами разобраться в этой головоломке. В абсурде этом. Но он — улика, предъявленная обвинением.

Пусть теоретики и публицисты ниспровергают с трона «царицу доказательств». Для дознания и следствия важно получить признание подсудимых. Пусть признают абсурд, но обязательно признают. И самое любопытное, а может быть, и самое страшное в этом следствии — никаких грубых отступлений от закона при добывании признаний.

Я допытывался у каждого из пяти обвиняемых: били? Морили голодом? Спать не давали? Нет, отвечали, ничего подобного не было, пальцем не тронули. Конечно, не так вели допросы, как майор Знаменский из «Знатоков», но бить не били. Чего не было — того не было.

— Тогда почему признались в том, чего не совершали?

— А вы знаете, что такое ИВС?— спросил Хачманукян.

Я поехал и посмотрел. Изолятор временного содержания (ИВС) — это зачем-то переименованная КПЗ (камера предварительного заключения). Тесное помещение с голыми нарами, никакого при этом белья, рядом туалетные «удобства», утром и вечером по куску хлеба, в середине дня — кое-какой обед. Всего пропитания на 39 копеек. Там может быть адская духота, а может быть и зверский холод, если окно разбито в октябре. А «берут»— в чем ты есть (Хачманукяна, например, взяли в одной рубашке) — и держат трое суток.

— Почему вы поместили в ИВС Хачманукяна, Юдина и Матвиенко?— спрашиваю у оперуполномоченного.

— А я разве нарушил закон? Они показаний не давали.

— Но почему Лаврова та же участь не постигла?

— А зачем?— с очаровательной наивностью отвечает служитель закона.— Он сразу же дал нужные показания.

Вот тут мы и подходим к самому главному. Нет, не злодеи оперуполномоченные. Увы, закон им дает в руки безграничную власть и такое мощное средство воздействия на любого гражданина, на коего пал глаз органов, что не надо и бить, он и сам в этих ужасных условиях согласится с чем угодно. В этом самом ИВС заключенный без вины на трое суток помещается, а если надо, то и на 10, опять же по закону. А признается — переведут из ИВС или отпустят. А дознавателям только это и нужно.

Об этом подследственные рассказывали мне.

— Меня,— рассказывал слесарь Матвиенко,— вызвали 2 апреля 1985 года. «Ты, сказали мне, работяга, ты нам не нужен, нам Хачманукян нужен, дай показания на него и гуляй». Но я никаких денег ему не давал. Тогда меня — в ИВС. 5 апреля я «чистосердечно» признался в даче денег. И меня выпустили.

Бригадир Лавров и трех часов не просидел в ИВС, как сразу же сказал все, что от него потребовали, и его отпустили «за хорошее поведение». Как только Лавров вышел — от показаний отказался. Его снова взяли, он опять «признался».

Инженера Хачманукяна вызвали и сказали:

— Вы организатор всего, брали деньги с монтажников и передавали директору фабрики.

— Какой смысл,— возразил он,— это директор должен бы мне дать взятку за монтажников.

— Тогда подумай три денька в ИВС.

За три дня инженер ничего не надумал. Ему продлили срок заключения до 10 суток. Тут он не выдержал.

— Так?— спрашиваю своих собеседников из милиции.

— Сплошное вранье.

— А зачем задерживали?

— Мы разве нарушили закон?

Когда дознание или следствие ведет садист — это страшно, но понятно: такова натура этого человека. Когда грубо попирается закон — это возмутительно. В нашем же деле нет садистов, трудно улавливаются грубые беззакония. Зато явственно прослеживаются не менее страшные закономерности, устоявшаяся система добывания ложных показаний с помощью ИВС, прикрытая статьями УПК РСФСР.

У нас сложился стереотип: закон всегда хорош, по крайней мере он всегда свят, а вот исполнители... Да,

сплошь и рядом именно исполнители извращают на потребу себе норму права. Но сама норма настолько гибка, воскообразна, что позволяет, пользуясь словами Достоевского, «нагибать к себе действительность».

Посмотрим статью 122 УПК РСФСР, на которую ссылаются детективы. Там приведены основания задержания на 3 суток в ИВС: когда лицо застигнуто на месте преступления; когда очевидцы прямо указывают на данное лицо; когда на подозреваемом или его одежде обнаружены следы преступления.

— На каком же основании задержали монтажников?

— А на них был сигнал,— ответили,— подпадают под второй пункт.

— Но все статьи, регламентирующие дознание, говорят об одном: задержание нужно для того, чтобы «обнаружить преступление», «пресечь преступление». «закрепить следы преступления». Понятно, когда задерживают неизвестную личность для выяснения, когда берут с улицы пьяного дебошира, здесь надо пресечь. Вы же лишили свободы людей с паспортами, ничего закреплять или пресекать не надо было.

— У нас были законные основания. И потом — такая практика,— говорит мне оперуполномоченный.

— Лавров сознался, мы его и не сажали,— это слова его коллеги.

Из этого следует только одно: трое суток в камере с голыми нарами — это узаконенная дубинка, которой выбиваются нужные показания из любого гражданина, ибо по указанным основаниям на голые нары можно бросить любого, без всяких исключений. И делать с ним что угодно, поскольку задержанный гражданин лишен всяких прав. Поэтому на практике дознание совместило в себе как вполне объяснимую функцию пресечения преступления и закрепления его следов, так и никакой логикой, никаким правом не объяснимое средство получения нужных для предварительного следствия показаний.

А они, эти показания, ценятся весьма высоко. Потому что предварительное следствие на практике извращает свои задачи и цели. Мы сами все время пишем, и, признаюсь, это наша вина, что следователь ведет «борьбу с преступником», «поединок с изворотливым негодяем», «припирает к стенке увертливого мошенника». Но не этого требует правосудие! Оно требует от следователя

объективного установления того, что произошло, определения, является ли обвиняемый преступником, или же он к преступлению не причастен. И пока обвиняемый не изобличен до конца, он не преступник, а гражданин, лишь заподозренный в преступлении.

Между тем с самого момента помещения в ИВС действует презумпция виновности. Узаконенная! Иначе откуда эти варварские условия содержания граждан, чья вина очень и очень проблематична? Иначе почему граждании лишен всяких прав? Да потому, что не истину ищут при дознании в камере с голыми нарами и на голодном пайке, а вымогают нужные показания.

Я обмолвился, что даже таким образом добытые, они в большой цене. Вот цитаты из обвинительного заключения: «Поскольку от первоначальных показаний (речь идет о свидетелях-монтажниках, восстанавливавших модуль.— *Ю. Ф.*) они отказались, следствие считает первичные их показания наиболее объективными». Почему? По какой логике? Только одно может быть объяснение: добыв нужные признания, передать эстафету следствию. А следователь, приняв дело, тотчас избрал меру пресечения для троих непокорных — под стражу. И просидели они в тюрьме... по полтора года и больше.

— Почему вы их посадили?— спрашиваю следователя.

— Юдин и Хачманукян уговаривали Лаврова отказаться от признания.

— А Лавров?

— Сначала я с Лавровым нашел контакт, но он человек колеблющийся, решил и его...

Ладно, трое суток. Но и на полтора года трех человек лишили свободы не потому, что иначе было нельзя, а потому, что так было можно. Потому что существующий закон, увы, позволяет это делать.

Заключить под стражу до суда закон предписывает, если есть основания полагать, что обвиняемый скроется, воспрепятствует установлению истины или будет продолжать преступную деятельность (статья 89 УПК). Однако статья 96 вносит существенное дополнение — можно заключить под стражу до суда по мотивам одной лишь опасности преступления. А это, извините, резина. И убийство — тяжкое преступление, и наше — хищение пятерыми 14 тысяч рублей (представим, что они похитили) — тоже тяжкое. Бери любого! И начинается изматывание нервов практически уже бессрочное.

Срок содержания под стражей подозреваемого, но еще не виновного человека установлен в два месяца. Но... «ввиду особой сложности дела» прокуроры области и выше могут продлить срок до 6 месяцев, а Генеральный прокурор накинуть еще три. Дело передали в суд — меру пресечения обычно не изменяют, а процесс иногда длится и год, и больше. Направляют дело, допустим, на доследование — все начинается сначала: опять человек сидит. Я не слышал, чтобы невиновные люди сидели пожизненно. Но теоретически при существующих процессуальных нормах это вполне возможно.

В печати, в частности в «Известиях», высказывалось мнение юриста, полковника милиции: дознание как стадию расследования, где царит полный произвол дознавателя и абсолютная беззащитность задержанного, надо упразднить вообще.

Высказывалось и такое предложение: при любых обстоятельствах человек до официального признания его вины судом может содержаться в заключении строго ограниченный срок, точно обозначенный в законе. И ни дня больше. Ни при каких обстоятельствах.

Закон, как мы помним, свят, мы должны обращаться с ним на «вы», снимать перед ним шляпу. Но давайте все же критическим оком взглянем на эти бесспорные для нас постулаты. Или кажущиеся бесспорными. Собственно «Особое совещание», отправлявшее в тридцатых годах невиновных людей в лагеря или ставившее к стенке по упрощенной схеме судопроизводства, тоже ведь действовало в точном соответствии с принятым тогда законом. Но оно, «Особое совещание», никогда не было правовым учреждением, оно попирало все наши представления не только о справедливости, но и о самом праве.

Меньше всего хотелось сравнивать бесчеловечную, противоправную практику тех лет с тем, что случается в наши дни. Сейчас судопроизводство идет по всем канонам процессуального кодекса, право на защиту обвиняемому обеспечено. Но факты-то, факты, приводимые печатью,— от них никуда не денешься. И их стало столько, что из них выстраиваются закономерности.

Уверен, пятерым, обвиненным в хищениях 14 тысяч рублей, грозила бы тюрьма, не будь счастливого обстоятельства. Счастливое же обстоятельство — это суд под председательством довольно известного уже по публикациям судьи Руфима Владимировича Назарова. Он квали-

фицированный правовед и мужественный человек. Потому что выносил оправдательные приговоры даже тогда, когда это было смертельным для его служебной карьеры риском. Тем более когда в суде рушились так называемые «заказные дела», то есть дела, по которым судье дают прямое указание или делают намек: посадить. Назаров не сажал.

Дело Хачманукяна и других не было, как такие дела называют, «заказным». Оно катилось само собой по наезженной колее: из желания быстренько раскрыть дело о крупных хищениях и тем отличиться перед начальством. «Статья», под которую подводили честных людей, рождалась из ничего. По той горькой пословице: «Был бы человек, а статья найдется».

Обвинения возникали совершенно необъяснимые, что и отмечено в приговоре Московского областного суда. «Версия следствия о получении Юдиным взятки абсурдна по своему существу, поскольку по этой версии Юдин получил 3500 рублей за то, что незаконно начислил Отдушину, Власову, Данилевичу, Герасимовичу 1817 рублей и одновременно получил эту же сумму при дележе похищенного».

Ссылаются на то, что это первое дело молодого следователя, а он еще неопытен и потому не смог сделать все как надо. Допустим. Но обвинительное-то заключение прошло сквозь опытные руки, его утвердил прокурор, оно, со всеми абсурдными несуразицами, было представлено в суд. Хочется надеяться, что, утверждая обвинительное заключение, прокурор его просто не читал. Иначе что же можно подумать о прокурорском надзоре? А сколько случаев мы знаем, когда такой же абсурд из обвинительных заключений благополучно перекочевывал в приговор, и люди отправлялись на долгие годы за колючую проволоку. И это при свете гласности и после состязательного открытого процесса.

Теперь всем ясно, что все эти мытарства — задержания, содержание в ИВС, вымогательство признаний, угрозы, подкупы свободой — терпели невиновные люди. Но у юристов — дознавателей, следователей, прокуроров — гвоздем должно в голове сидеть, что и до оправдания они считались невиновными. Без этого нет юриста, слуги закона, охранителя права, а есть сыщик в худшем смысле этого слова, для которого улика, хотя бы и ложная, но кое-как причесанная, ценнее человеческой личности.

Повезло — не повезло, хороший следователь или плохой, к принципиальному судье попало дело или к равнодушному штамповщику приговоров — страшные это альтернативы. Не будет Правосудия, если мы будем рассчитывать лишь на высокую нравственность тех, в чьи руки дана огромная власть.

Позволю себе процитировать речь известного в прошлом адвоката, обращенную к суду:

— Если вы спросите меня, убежден ли я в ее невиновности, я не скажу: да, убежден. Но я не убежден и в ее виновности... Но если нет средств успокоиться на каком-либо ответе, успокоиться так, чтобы никогда сомнение не тревожило вашей судейской совести, то по началам закона и велениям совести вы не должны осуждать.

«По началам закона»,— подчеркнул защитник. Начала советского закона предписывают толковать всякое сомнение в пользу обвиняемого, отрицают признание в качестве «царицы доказательств» и требуют вынесения приговора только на основании бесспорных улик, добытых в судебном следствии. Таковы начала закона. Но некоторые его статьи, как мы попытались показать, существенно корректируют благородные постулаты права.

Сейчас идет работа над совершенствованием и уголовных, и процессуальных законов. Хочется верить, что мимо взора законодателя не пройдет ничего, что даст саму возможность использовать статьи кодексов во зло.

«Дела из ничего» пока что возникают слишком часто. При нынешних вольностях следствия и ласковости прокурорского надзора они неудержимо движутся к печальным финалам.

Дело братьев Бочарниковых

Владимир Иванович Олейник, следователь по особо важным делам при прокуроре РСФСР, познакомился с этим уголовным делом тогда, когда события, легшие в его основу, уже отделялись тремя годами. Были арестованы четыре человека, которых подозревали в преступлениях. Но сколько следствие ни билось, концы с концами не связывались, хотя некоторые из подозреваемых даже сознались в том, в чем их обвиняли. Кое-какие зазоры все же оставались в цепи улик. Но если есть зазоры, значит, нет надежной цепи. И чем больше

и дальше вникал Олейник в материалы следствия, чем настойчивее старался связать разрывы в цепи, они не только не соединялись, но все дальше и дальше расходились.

Уже около года Владимир Иванович и так и эдак перекладывал «пасьянс», где картами были документы, показания свидетелей, объяснения, признания или отрицания обвиняемых. Следователь двигался по сложному лабиринту, попадал в тупики, искал выход из них, но та нить Ариадны, которая одна способна была вывести его к свету, никак не давалась в руки.

Жизнь между тем шла своим чередом. В ней происходили разные большие и малые события, кипели страсти, создавались и рушились мечты, разочарования сменялись надеждами. Олейник ходил на службу, работал с документами, беседовал с людьми, ездил в командировки, отчитывался перед начальством, которое возлагало на него надежды, ибо запутанное дело поручили ему не случайно. И он, что бы ни делал, куда бы ни ехал, думал, думал и думал все об одном — кто совершил преступление? И где этот (или эти) «кто»? Как и где искать? Преступники, почти четыре года назад совершившие целую серию дерзких налетов, завладевшие пистолетом системы «Макаров», словно в воду канули.

«Должны же они как-то проявить себя,— рассуждал Олейник,— хотя... почему обязательно должны? Мало ли что могло с ним (и скорее всего все же с ними) случиться». И в отпуске, куда чуть ли не в приказном порядке отправили Олейника, он думал все о том же, считавшемся уже безнадежным делом: «Кто? И где теперь?»

Он, конечно, все это время следил за всеми преступными действиями, надеясь по их «почерку» выйти на «тех». Преступления, конечно, совершались. Разные. Бывали и похожие. Но все было не то и участники не те...

Задержите Стаса, вылетаю!

Дачу эту они вычислили, как теперь выражаются, вроде бы безошибочно. Хозяин с хозяйкой около девяти часов сели в «Москвич» и уехали на работу. Через минут сорок на крыльце появилась старуха с кошелкой. Постояла, глянула на облака, закрыла на ключ дверь и пошла по своим делам. Надолго, по всем дан-

ным. Это Валера Кныш установил за два дня наблюдений. По его подсчетам, старуха теперь только к обеду вернется.

— Пошли, Павлуха,— сказал он своему совсем юному спутнику.— Не робей, дело верное.

Оба перескочили через невысокий забор, подошли к окну. Валера вынул какой-то хитрый крючок, проделал манипуляцию со шпингалетом, и через секунду оба были в большой комнате. Павлуху бил озноб. Кныш же действовал уверенно. В объемистую спортивную сумку нырнул дорогой магнитофон, кожаная куртка, миниатюрный транзистор, фотоаппарат. Деньги из ящика стола Валера сгреб в карман. Павлуха трясущимися руками подавал что-то из белья, но Кныш отшвырнул тряпки.

— Не возникай, Павлуха, иди лучше в окно глянь, а я сейчас хозяйскими драгоценностями займусь. Тут есть кое-что...

И вдруг оба замерли. Кто-то открывал дверь ключом. Павлуха заметался. Кныш хотел схватить своего напарника, зажать ему рот, успокоить. Но не успел, тот как ошалелый бросился к окну, опрокидывая стулья, горшки с цветами. И сразу же раздался мощный вопль старухи: «Караул, грабят!» Валерию ничего другого не оставалось, как кинуться вслед за своим малодушным напарником.

Дачная улица, безлюдная в утренние часы, ожила от истошного крика. Народ сбежался хотя и пенсионный, но достаточно энергичный. Кныш и Павлуха кинулись в одну сторону, в другую, но их уже заметили, окружили. И вскоре оба грабителя отвечали на вопросы в отделении милиции. Павлуха уже отрыдал и теперь держался более или менее спокойно. А вот хладнокровного при грабеже Валерия била дрожь.

— Успокойся, парень. Водички вот выпей. И отвечай толком. Вас ведь чуть не в комнате схватили,— говорил пожилой майор.

— Берите меня. Сажайте. Немедленно. На десять лет. Не надо меня выпускать,— нервически вскрикивал Кныш, красивый, рослый двадцатипятилетний парень.

— Ну, может быть не на десять лет, это ты через край хватил. Но «отдохнуть» придется. Мы пока твоим родным сообщим. Чтоб папа-мама не очень переживали. Да ты чего дрожишь-то весь? — майор усмехался, видя волнение парня. «В первый раз небось»,— подумал он.

— Это так... пройдет... Вы меня только не выпускайте,— Кныш между тем был близок к истерике.

— А кто ж тебя выпускать собирается? — удивился офицер милиции.— У нас впереди долгая беседа. Так что пока отдохни в камере, соберись с мыслями... Успокойся ты наконец, парень.

Да, что-то странное почувствовали работники милиции подмосковного поселка, где происходили описанные выше события, в поведении задержанного Валерия Кныша. Уж очень нервничал. Может быть, за ним что-то висит? Но почему он сам словно боится выйти из отделения? Решили на всякий случай запросить область, а также сообщить в Московский угрозыск о задержанном. Из обеих инстанций получили ответ, что на Валерия Кныша никаких данных нет. Посоветовали расспросить повнимательнее...

А сам Валерий в это время мерял из угла в угол тесную камеру в отделении милиции. И одна мысль сверлила мозг: что скажет Шеф? Вернее, что он сделает. Ведь он, Валерий Кныш, нарушил строжайшее правило. Нет, он не так уж боялся уголовного наказания. Во всяком случае, он не об этом сейчас думал. Тут какие-то шансы есть. Что они сделали? Ну залезли в дачу. Попытка ограбления. Ведь не взяли ничего. Правда, не по своей вине. Старуха нежданно-негаданно вернулась — все сорвалось из-за какой-то случайности: наверное, забыла что-нибудь.

Но, с другой стороны, это и к лучшему: ничего не успели взять. Скажу, за вином лезли, а вещи прихватили, ничего не соображая. Только бы о главном не проговориться. Павлуха-то вообще ничего не знает. Он у какого-то Стаса в подручных, в компании Шефа не бывал. Этого Стаса он, Кныш, всего раз и видел, тот комнату снимает на Лесной. Странный тип: целыми днями из хаты не выходит. Павлика уговорил он, Кныш, вместе дачу взять. Уж очень хотелось гульнуть на свободе без строгого глаза Шефа. Теперь надо выкручиваться. Впрочем, можно этого Стаса и заложить, тем более Павлуха не удержится, скажет о Стасе по всей вероятности. Сопляк этот Павлик. Зачем с ним связался? Но вот что Шефу скажет он, Валерий Кныш?

И Валерий вдруг почувствовал, как на теле выступил холодный пот. Ах, что же он наделал! Ведь еще бы немного и... Кой черт его дернул. Так бездарно влипнуть! Нет, с Шефом бы они эту дачку шутя взяли. Только Шеф бы тут и мараться не стал. Вот у Рыбаковых — это был улов!

Перед взором Кныша, словно в кино, прокрутилась вся операция по ограблению семьи Рыбаковых.

Тогда Шеф — Эдуард Бочарников — собрал к себе из их компании четырех. Кныша, его бывшую жену Надьку-Синичку (Синицыну), Алика Мукомолова — нигде не работающего парня по кличке Балбес, Юрку Кляйнштока, студента, интеллигентного парня, у которого папа и мама научные сотрудники и который в деньгах отказа не знает, а на тебе — в их компании оказался.

— Знаете рыбаковскую дачу? — спросил тогда Шеф.— Ну, директор мебельного магазина который? Роскошная вилла. Так будем брать. Не дачу только, а квартиру. Вилла роскошная, но пустая. Все — в квартире. Там есть чем поживиться.

— Так где та квартира? До нее не доберешься,— сказал тогда Кныш,— а дача не так уж и пуста.

— Заткнись,— Шеф так взглянул на Валеру, что тот поперхнулся.— Роли распределяем так. Надежда — на телефон с Юркой, Балбес с Кнышем — наружное наблюдение. Сейчас я каждому дам подробную инструкцию, и чтобы ни на полшага в сторону. Ясно? Ну, тогда слушайте сюда...

Меряя тесную камеру, Валерий прокручивал в своей памяти вновь и вновь «гениально» проведенную операцию. О семье Рыбаковых они знали все. Даже подсчитали, какой примерно может оказаться «улов» в случае удачи. А в удаче не сомневались. Месяц велось наблюдение за квартирой. Надька-Синичка напеременки со своим новым мужем Юриком Кляйнштоком звонили по телефону. И на специально выписанном графике значилось: от 9 до 10 и от 12 до 13 — отвечает голос пожилой женщины; в 13 часов — то тот же голос, то голос мальчика; от 13 до 16 — опять голос пожилой женщины; от 16 до 18 — голос мальчика, а позже — женский или мужской голос. От 10 до 12 чаще всего никто не отвечает.

— Вот в это время и надо брать,— предложил Юрка-студент,— родители на работе, парень в школе, бабка по магазинам. Взломаем дверь и обчистим за пару часов.

— Культуры тебе, Студент, не хватает,— сказал Шеф.— Дверь взламывать! Эк, выдумал. Нам следы оставлять ни к чему. Значит, будем действовать так... Слушайте сюда...

— А почему ты думаешь,— возразил Студент, выслушав план Шефа,— что мы не наследим? Чулки, что ли, на морды натягивать? Бабка ж нас всегда признает. Не убивать же ее. А тем более пацана.

— Во-первых, чтобы самим спастись, можно и... сви-

детеля обезвредить. Серьезные дела в белых перчаточках не делают. Надо ко всему быть готовыми. Потребуется убить — придется убивать. «Се ля ви», мои дорогие. Но думаю, не придется. Вы полагаете, Рыбаковы в милицию заявят? Да я на хозяина досье собрал, как Остап Бендер на Александра Ивановича Корейко. Классику надо читать. Не грабить мы будем со взломом, а честно изымать нажитое нечестным путем. Ясно?

...Ровно в 12 часов бабка Рыбакова возвращалась со своей ежедневной двухчасовой прогулки с заходом в булочную и молочный магазин. (Остальные продукты, как показало «наружное наблюдение», Рыбаковым доставлял шофер машины из гастронома.) Через час должен прийти из школы внучек-первоклассник, и она будет его кормить. Бабка села в лифт вместе с молодой парой, которая, тьфу, целовалась прямо на ее глазах. Вышла на шестом этаже. И «лизунам», как их окрестила бабка, оказался нужным тот же этаж. К кому бы это они? Рядом кинорежиссер живет с семьей. В следующей однокомнатной — актриса-пенсионерка, дальше... ах, к Марии они, наверное. У той все время какие-то посетители... Рассуждая так, бабка Рыбакова вынула ключ, вставила в замок... А повернула ключ уже с помощью твердой мужской руки.

— Входите, мамаша, не стесняйтесь,— сказал высокий парень с залысиной и длинными баками, переходящими в аккуратно подстриженную бородку, бегущую тоненькой каемкой по подбородку («как приклеенная», позднее скажет бабка). Только тихо. И не бойтесь. С вами будет все о'кей.

Бабка и ахнуть не успела, как очутилась в коридоре своей квартиры. Вслед за ней вошли «та девка, что с высоким лизалась», и еще трое парней. Девушка провела бабку, онемевшую от страха, на кухню. А четверо рассыпались по четырехкомнатной кооперативной квартире. Под угрозой ножа старуха Рыбакова сориентировала нежданных визитеров, что где лежит. Через полчаса они сказали бабке «мерси, мадам».

Когда покинули большой кооперативный дом и приехали на квартиру Юрика Кляйнштока — а квартира эта была свободна от родителей уже полгода (те находились в длительной экспедиции),— когда прикинули, что взятого потянет не на одну тысячу, ликованию не было предела.

— Ну, будь человеком, Эдик, давай же гульнем как следует после такой удачи,— сказал Балбес, глядя заискивающе на Шефа.

— Не мешало бы,— буркнул Кныш.

Эдуард Бочарников обвел всех четверых холодным стальным взглядом.

— Бунт на корабле? — не улыбка, а гримаса улыбки скривила его красивый рот.— Разгул демократии?

— А что, Шеф, и спрыснуть нельзя,— уже без энтузиазма говорил Балбес.— Валера Кныш тоже не против.

— Кныш? Не против? — резко обернулся к Валерию Бочарников, который сразу сник и засуетился.

— Заткнись, Балбес, пока в заграничных джинсах ходишь. И «табака» жрешь,— Валерий был сама преданность Шефу.

— Не забыл, значит, Кныш? — усмехнулся Бочарников.— Ну, и молодчик...

Забыть такое? Нет, он не мог. Сейчас, томясь в камере отделения милиции, Валерий Кныш вновь ощущал себя червяком каким-то, которого р-р-р-аз, и раздавят безжалостно. Это было... Когда же это было? Сейчас сентябрь, значит, аккурат год назад. Тогда тоже удачно взяли квартиру одного коллекционера и реализовали иконы вдвоем с Шефом. Продали за баснословную сумму. Валерий ждал, нет, не половины, конечно, и не четверти. Но тысчонку-то мог отвалить. А ему не дали ничего!!! Нельзя же считать деньгами три сотни! Подачка какая-то. И тогда Валерий возмутился. Он кричал, что кончает эту муру, что не желает быть рабом, что он хочет свою долю... И вообще... если... то он...

— Если... что? — зловеще спросил Шеф, помолчал и примирительно похлопал Валерия по плечу,— свою хочешь долю? По справедливости? Ну что же, пойдем. Выделю тебе твою долю...

Они пришли на свою штаб-квартиру: тогда Юркины родители тоже в очередной раз были в отъезде. Собралось семь человек. В том числе Надя, жена Кныша, с которой его познакомил тот же Шеф и которую Валерий искренне полюбил. Бочарников приказал Валерию встать и снять роскошный кожаный пиджак. Потом фирменные джинсы. Потом черную рубашку. Потом... Его оставили в одних трусах. Валерий пробовал возражать, но под стальным завораживающим взглядом Шефа покорно снимал вещь за вещью. Наконец не выдержал:

— Что ты делаешь, Шеф, при жене моей.

— Где это ты видел свою жену? Ах, Надька тебе жена? Ты так думаешь? Так забудь о ней, как о всей этой

«фирме»,— Бочарников жестом указал на кучу тряпья и тут же обратился к только что появившемуся в компании Ване Золотову.— Иван, сними свой москвошвей и оденься прилично, да, да, в эту классную кожу. А ты, Надежда, поцелуй на прощанье своего бывшего. Бери ее, Студент, твоя отныне Надька, ты ж на нее давно глаза пялишь. Все ребятки. Есть у кого-нибудь возражения? У тебя, Кныш? Или ты забыл, кто тебя в «фирму» одел? И кто тебе Надежду в жены отдал? И какую ты клятву своей и нашей общей кровью скрепил? Помнишь: «Если я предам, то...»

Все подавленно молчали. И он, Валера Кныш, молчал. Но это было еще не все. «Суд» только начинался.

— Валера тут ультиматум выдвинул,— сказал Бочарников.— Долю свою хочет. И грозится нас заложить. Что же с ним делать будем?

— Да я ж это так,— лепетал Кныш,— я ничего такого и не думал. И в мыслях не было...

Он беспомощно оглядывался на окружавших его. Все молчали.

— Ты, гнида, грозил мне, грозил всем нам. И мы тебя объявляем вне закона. Вне нашего закона. Понял?

И тогда он пополз, пополз на коленях к ногам Шефа. Пополз, чтобы его простили, не вышвырнули из компании, не сделали бы чего хуже: не привели бы в исполнение то, что скреплено было «клятвой». Он полз на коленях на глазах у всех, на глазах Нади, которую отдал Шеф Юрке-студенту.

Его простили. Оставили в компании. Но «фирму» и жену у Кныша отобрали.

Шеф между тем сказал:

— Деньги мы взяли большие. Они пойдут в общую кассу, в наш фонд. А вам каждому по триста. Все, джентльмены. И боже упаси, если кто-нибудь из вас задумает гульнуть на радостях. Вы должны быть примерными гражданами... Тебе, Кныш, пока хватит и сотни...

Все это Валерий явственно представлял сейчас, словно это случилось не год назад, а всего-навсего утром. Но сегодня утром был провал. И если узнает Шеф, а он не может не узнать, то...

Валерию даже помыслить было боязно о встрече с Шефом. Лучше колония. Но Шеф и там достанет, если хоть тень подозрения бросит на него Валера Кныш. Нет, о делах компании надо молчать как рыба. А этого Стаса... почему бы и не скинуть все на него?

Он же Павлика к себе приблизил, тоже какое-то дело они замышляют. Его, Кныша, оно не интересует. Вот и пусть расхлебывают...

И утром на допросе Валерий Кныш сообщил работникам милиции о том, что он оказался на даче чуть ли не случайно, что послал на дачу Павлика некий Стас, который снимает комнату на Лесной. А кто он, этот Стас, ему, Кнышу, неведомо.

Павлик подтвердил показания Валеры. Сказал, что со Стасом познакомился недавно, он «классный парень», но к ограблению дачи не имеет никакого отношения. Стали расспрашивать все же поподробнее. И тут Валерий напомнил Павлику — тот ведь говорил, будто Стас имел какое-то отношение к ограблению инкассатора в его родном городе Перми.

— Инкассатора, говорите? — сразу же насторожились в милиции.— Где он, этот Стас, комнату снимает?

— На Лесной.

Задержали Стаса. Он отрицал и участие в наводке на дачу, и тем более нападение на инкассатора. Хотя да, он постоянно живет в том городе, о котором идет речь, но сейчас без работы, вот приехал посмотреть столицу. Установили личность Стаса. Все документы в порядке. Сообщили обо всем в МУР. Оттуда сделали запрос в Пермь — не было ли в последние годы нападения на инкассатора в городе, где постоянно проживает Стас.

Там получили запрос из МУРа. Подготовили ответ по поводу личности Стаса: такой постоянно проживает в городе, в настоящее время то ли в отпуске, то ли собирается переезжать на другое место жительства. Что же до нападения на инкассатора, то такового, к счастью, не было.

Ответ МУРу уже был готов, когда его увидел сотрудник областного управления внутренних дел Михаил Григорьевич Попов. Фамилия Стаса его насторожила. Где-то она мелькала. Но где?

— Подождите отправлять,— сказал Попов,— надо бы на всякий случай связаться с Владимиром Ивановичем Олейником. Вы ведь знаете... Да, да, по тем самым делам.

— Но там никакой инкассатор не проходит.

— И все же. Какое-то у меня предчувствие. Почему-то мне эта фамилия знакома?

Тотчас связались со следователем по особо важным делам при прокуроре РСФСР В. И. Олейником. Он в это

время, как мы уже знаем, находился в отпуске. Рассказали о странном запросе из МУРа. От Олейника тут же пришел ответ: «Немедленно сообщите в МУР. Пусть во что бы то ни стало задержат Стаса. Вылетаю немедленно в Москву».

Происшествие на Сибирском тракте

Следователь В. И. Олейник знал назубок все дела, раскрытые и нераскрытые, которые возбуждались в Пермской области за последние пять-шесть лет. Он помнил десятки фамилий, сотни показаний, даже отдельных фраз, намеков.

Нет, никакого нападения на инкассатора в области действительно не было. Но фамилия Стаса отложилась в памяти. Поэтому следователь тут же дал телеграмму в МУР и немедленно вылетел в Москву.

«Неужели ухватились за ниточку? — раздумывал он.— Или это опять призрак ниточки? Ведь сколько раз уже казалось, что напали на верный след, но он никуда не приводил».

Дело в том, что Владимир Иванович Олейник вел расследование целого ряда загадочных преступлений, которые были совершены в области. Поэтому ниточка (или ее призрак) должна пока повести нас в прошлое, на несколько лет назад...

В ночь на 25 декабря на шоссе, которое здесь по старинке называют Сибирским трактом, случилось ЧП. В помещении поста ГАИ близ села Лобанова был убит инспектор Николай Малов. На теле обнаружили несколько ран, нанесенных небольшим ножом, предположительно перочинным. Но не эти раны явились причиной гибели инспектора. Смерть наступила от трех огнестрельных ранений. Стреляли из пистолета системы «Макаров». Скорее всего из того самого, что был срезан с ремня раненного ножом старшины.

Убийство это казалось загадочным. Пост ГАИ расположен на бойком месте. Метрах в пятидесяти находится работающая круглосуточно автозаправочная станция. Неподалеку проходит электричка. Движение по Сибирскому тракту не прекращается ни днем, ни ночью. Понятно, что цель нападения была одна: завладеть пистолетом. Но почему преступники или преступник выбрал именно этот пост, со всех точек зрения опасный?

Как было установлено. в 0 часов 35 минут пост посетили проверяющие. Значит, нападение произошло сразу же после проверки: об этом говорило заключение медицинской экспертизы. Выходит, преступник знал о времени проверки поста? Или следил за постом в морозную ночь?

Недоумение вызвало и то, как инспектор подпустил к себе злоумышленника. Николай Малов был сильный и храбрый человек. Совсем недавно он гостил в родном селе. Пошел в клуб. А там шум. Какие-то пьяные — как оказалось, строители из расположенного неподалеку СМУ — и буянят и к людям пристают. Их было четверо. А Николай один разметал дебоширов. В подразделении хорошо знали: Малов всегда собран, отлично несет службу . Как же он допустил к себе убийцу или убийц? Не означает ли это, что в преступлении участвовал хорошо знакомый инспектору человек?

Пока оперативная группа задавала себе эти вопросы и пыталась найти на них ответы, пришло еще одно зловещее сообщение: исчез гражданин Палицын. Повез на своих «Жигулях» ремонтировать телевизор, сдал его, а домой не вернулся и утром. В 14 часов следующего дня в городе обнаружили автомашину, а в ней следы крови. Нашли также одну женскую перчатку, еще хранившую запах духов. Кому она приаадлежит — тогда установить не удалось. Через два дня обнаружили труп Палицына — он лежал запорошенный снегом близ шоссе около села Лобаново, то есть совсем недалеко от поста ГАИ. Деньги, документы, бывшие при Палицыне, остались нетронутыми.

Можно понять тревогу работников милиции и прокуратуры. Два дерзких преступления, да кроме того, в руках опасиого злоумышленника оружие. И практически никаких следов. Снятые на посту ГАИ и в «Жигулях» отпечатки пальцев ии о чем не говорили: это были либо отпечатки инспектора, либо Палицына, либо осматривавших место происшествия людей.

Разумеется, строились различные предположения, выдвигались версии, проверялось, кто мог совершить нападение на Малова и Палицына. Но пока все было тщетно.

Два месяца прошли «спокойно». В том смысле, что преступники нигде оружие вроде бы не применили. А 1 марта «Макаров» «заговорил».

В 9 часов 03 минуты этого субботнего дня в сберкассу, что находится на Пионерской улице, вошел молодой человек спортивного вида. Он огляделся, и тут же в кассу вошла женщина — с книжкой для оплаты

коммунальных услуг. Молодой человек сел за стол и стал заполнять бланк. Женщина расплатилась и о чем-то побеседовала с кассиром, рядом сидела другая работница кассы. Молодой человек смял один бланк, другой, стал писать на третьем. Женщина попрощалась и вышла из помещения. Тут же незнакомец встал, вынул пистолет, и ни слова не говоря, выстрелил в кассира Семенову, а затем в другую женщину — Носову. Семенова, падая, сделала несколько шагов к розетке. Носова опускалась на пол. Она толком и не разглядела нападавшего: бросился в глаза лишь высокий рост. И она тут же потеряла сознание.

Через несколько минут в кассе появился наряд милиции. Семенову застали уже мертвой, Носову в тяжелом состоянии увезли в больницу. Деньги не были взяты. Не оказалось, естественно, в помещении и стрелявшего: очевидно, он понял, что, падая, женщина успела нажать кнопку сигнализации. Отпечатков пальцев не обнаружили. Но на столе лежал кассовый бланк, заполненный с двух сторон одним и тем же почерком. На той стороне, где «расход», была написана фамилия «Станиславский», а где «приход» — «Николай Рубцов». Единственное, что оставил преступник, это свой почерк. И еще гильзы от того же «Макарова».

И снова оперативная группа встала в тупик. Более невыгодного объекта для налета нельзя было и придумать. Пионерская — одна из улиц в центре города. В трехстах метрах — отделение милиции, во дворе дома — инспекция по делам несовершеннолетних. И время налета странное: по идее, в 9 утра в кассе не должно быть крупных сумм. Правда, на этот раз инструкция была нарушена: с вечера деньги в банк не отправили. Но мог ли знать об этом налетчик?

— А почему бы и нет? — задали себе вопрос члены оперативной группы.— Ясно, преступник тот же, что напал на пост ГАИ,— об этом говорят гильзы. Но тот хорошо знал режим поста ГАИ. Может быть, он был осведомлен и о работе кассы? Но тогда кто он?

Носова, когда пришла в себя в больнице, дала очень путаные показания — она была в тяжелейшем состоянии. Запомнила только высокий рост налетчика. «Ну, а лицо какое? Круглое? Продолговатое?» — «Вроде, круглое».— «А одет во что?» — «Шапка была меховая на нем, пальто темное».— «Давайте составлять словесный портрет»,— сказал инспектор. Но врач в то время не разрешил

разговаривать с больной. Чуть поправившись, Носова помогла составить фоторобот. «Портрет» предполагаемого налетчика разослали во все службы милиции, в народные дружины. Показали его и по телевидению, одновременно рассказав о дерзком налете. Разослали всюду и образцы почерка.

— Не думаю, что это было разумно,— сразу же сказал Владимир Иванович Олейник, когда начал знакомиться с делом,— ведь и преступник получил информацию о себе. И надо быть уж очень недогадливым, чтобы не уйти от сходства с «портретом». Если такое сходство вообще было.

— Но ведь помощь населения, общественности нам очень часто нужна, иногда эта помощь просто неоценима в розыске,— отвечали на это работники милиции,— в десятках случаях мы...

— Бесспорно, общественность это сила. И случаи ваши сомнений не вызывают. Но взвесили ли вы все «за» и «против» в данном конкретном случае? Не было ли обращение к общественности поспешным? Была ли уверенность, что только оправившаяся от тяжелой раны женщина дает верные приметы? Не создает ли она мифический образ? Гляньте на этот «портрет». Да каждый второй мужчина от 20 до 30 лет, надень он меховую шапку, может в глазах «сверхбдительного» общественника оказаться на подозрении.

Эти упреки были сделаны значительно позже, когда дело изучал следователь. Но и до этого работники милиции поняли, что сделали шаблонный ход. И не очень разумный. Оперативная группа получила столько «сигналов» о подозрительных людях, что в самом деле можно было брать любого. Преступник же узнал, какого вида мужчину ищут. А трудно ли изменить внешность, если даже не подумал скрыться. Отпусти или сбрей бачки, надень очки... да мало ли что еще можно сделать?

Реальной уликой оставался почерк на заполненном бланке. Но кто заполнял бланк? Конечно, проверили всех Станиславских и Рубцовых, пока не пришли к выводу, что фамилии — первые пришедшие в голову преступника. Станиславский — слишком известная фамилия. Рубцов? Был вологодский поэт Рубцов. Преступник машинально написал эти две фамилии? Не исключено. Но тогда это человек образованный, не чуждый литературы и искусства?

Сотрудник областного управления внутренних дел

Аскольд Маркович Петров долго раздумывал над бланком сберегательной кассы, заполненным с двух сторон. Что кроется за этими быстрыми летящими строками? Он решил прибегнуть к неофициальной экспертизе. Показал бланк старому профессору-филологу, своему доброму знакомому, и попросил его по нескольким строчкам, даже словам, нарисовать психологический портрет писавшего. Профессор, как знал Аскольд Маркович, упражнялся в этом, возможно, и не подкрепленном научными авторитетами занятии.

Филолог долго рассматривал летящие буквы, а потом сказал:

— Ну-с, что тут можно увидеть. Неустойчивый по характеру субъект. Скорее, типа мечтателя. Но — волевой, жесткий. Молодой. Либо учится в институте, либо только что окончил: так пишут конспекты. Очень вероятно, что знаком с нотной грамотой. А следовательно — любит музыку. Да все это, батенька, гадание на кофейной гуще. Разве вам такая экспертиза сгодится?

— Сейчас нам все сгодится, профессор,— буркнул Петров.— На нуле мы.

(Следователь, уже много времени спустя, дал мне фотокопию этого бланка. И зная теперь, что старый профессор оказался провидцем, лишний раз убеждаюсь в безграничной проницательности человеческого ума. И даже нахожу в деталях почерка предсказанные черты психологического портрета.)

Между тем инспектора и следователи думали над нелегкой задачей. Поиск преступника по столь скудным следам часто сравнивают с поиском иголки в стоге сена. Все так, иголка в сене лежит пассивно. Человека же отличает поведение. Даже не зная этого человека, можно судить о нем по характеру действий, поступков. И это-то ставило в тупик опытнейших сыщиков.

Почему преступления совершаются на самых невыгодных для преступников местах? Откуда эта прямо-таки отчаянная дерзость? Ненормальный человек? Маньяк? Вот убийство Палицына — оно действительно нелогично: убить и ничего не взять? Украдена, правда, машина. Но она брошена среди города. Нелогичность? Сомнительно. В остальном-то прослеживался четкий план: достать оружие, с ним совершить хищение в сберкассе. Что помешало налетчику схватить пачку денег из открытого сейфа? Ведь минуты три при самом точном расчете у него в запасе были. Испугался? Но он или они, по-видимому, не робкого десятка.

Так или иначе, но дело у них сорвалось (все-таки у «них», вряд ли действует один человек). Но оружие осталось. Значит, надо ждать нового налета. Когда? Где? Срочно берутся под усиленное наблюдение сберкассы, кассы крупных магазинов, кассы предприятий в дни выдачи зарплаты, бдительно охраняются инкассаторы. Любая попытка такого рода должна кончиться поимкой налетчиков.

— «Попытка такого рода». А если она преподнесет какую-нибудь неожиданность? — рассуждали члены группы.

— Какую? Давайте прикинем возможные объекты налетов...

«Она» действительно преподнесла неожиданность. «Макаров» заговорил там, где налета меньше всего могли ожидать. Случилось это через пять месяцев после нападения на сберкассу — 3 августа. И опять в довольно рискованном месте.

В центральной части города, неподалеку от районной ГАИ, рядом с плавательным бассейном разместился пункт кинопроката. Находится под вооруженной охраной, здание обнесено забором. Кругом кусты. Но освещение тусклое.

В 3 часа ночи охраннику показалось, что с внешней стороны забора кто-то затаился. Охранник насторожился. Вдруг поверх забора на секунду показалось лицо. Охранник вскинул автомат. И тут же с другого конца, из тамбура появился человек. Прозвучал выстрел: пуля нападавшего попала в ногу. На пункте поднялась тревога. Но никого уже не было. А утром метрах в двухстах обнаружили автомобиль «Жигули». Он, как потом выяснилось, был угнан.

И снова сплошные загадки. Охранник слышал звук автомобиля, но не придал этому значения. Но почему нападавшие не уехали в машине, если прибыли на ней? Если это не они, то кто оставил похищенный автомобиль в кустах у пункта кинопроката? И с какой целью вообще было совершено нападение на пункт?

— Ну, последнее объяснить не трудно,— сказал руководитель оперативной группы.— Ясно, что не за старыми кинолентами охотились.

— Тогда какова же цель этого странного нападения?

И так и эдак прикидывали. Кто-то высказал предположение: а не охотились ли они за оружием посильнее

пистолета, не автомат ли хотели захватить? Это показалось не очень правдоподобным, но, по крайней мере, единственно логичным.

Выяснилось вскоре, что автомобиль «Жигули», оставленный у пункта кинопроката, угнан у гражданина Шмелева. Он поехал на станцию техобслуживания. Оттуда и был угнан автомобиль. Очевидно, на нем и подъехали налетчики к пункту кинопроката, чтобы завладеть автоматом.

— Но как они узнали, что охранник вооружен автоматом?

— А как они вообще все узнают? Как подпустил их к себе покойный Малов? Откуда известно, что утром в сберкассе были крупные деньги? Где они достали сведения о движении проверяющих посты ГАИ? Очень много им известно.

— И какой же вывод можно сделать из этих намеков?

— Горько делать такой вывод, но мы должны смотреть фактам в лицо. Либо во всем этом участвует сотрудник милиции. Либо тот, кто тесно с нами связан. Другого объяснения дать почти невозможно,— сказал один из руководителей управления.

То был горький, но мужественный вывод. Трудно, очень трудно бросить тень подозрения на человека, носящего форму блюстителя порядка. Но железная логика фактов приводила к такому умозаключению.

— Оставим пока эти догадки,— сказал работник прокуратуры, участвующий в работе оперативной группы.— Нам необходимо более тщательно продумать все обстоятельства этих загадочных происшествий, чтобы предугадать возможные ходы неизвестных пока преступников. Коль сорвалось у них со сберкассой и с пунктом кинопроката, то нужно ожидать новых налетов. Где?

Начиналась напряженная работа по анализу всех имеющихся фактов, тщательнейший осмотр места последнего происшествия. Одновременно изучались старые дела. Ведь почерк преступления — это тоже след. Запрашивались другие области: вполне возможно, действует «гастрольная» шайка — хотя это было и маловероятно, уж очень хорошо были ориентированы преступники в местных условиях. Скорее всего, это «свои», но они могут появиться и в других областях, ведь у них оружие. И преступники, по всем данным, готовят серьезную акцию.

Как уже говорилось, словесный портрет предполагаемого налетчика был составлен со слов тяжело раненной

Носовой, работницы сберкассы. Фоторобот был распространен среди личного состава, среди дружинников, показан по местному телевидению. Приходили «сигналы». Их тщательно проверяли, но приходилось отбрасывать один за другим.

А вот один «сигнал» заставил насторожиться. Механик автопредприятия, некто Сарычев, обслуживал и машины ГАИ, он хорошо знал многих инспекторов. Был знаком и с Палицыным, которого убили, судя по всему, в его собственной машине. Так вот Сарычев, когда дошел до него слух, будто подозревается в преступлениях работник милиции, пришел и заявил, что Палицын был в приятельских отношениях с инспектором Маловым.

— Ну и что? — спросили его.— Ведь он сам убит.

— Верно. Но Палицын, в свою очередь, был приятелем заведующего гаражом Баширцева. А у того компания теплая: еще Акоп Акопян, механик, Шариков Николай, давно, верно, но из милиции за пьянку уволен, и Вячеслав Козочка — тот и сейчас в органах, сержант милиции.

— Так что же из всего этого следует? — спросили Сарычева.

— А то, что вечером 24 декабря, накануне убийства старшины Малова, к нему вся компания заезжала, звали куда-то поехать, в деревню какую-то.

— Вы лично слышали этот разговор?

— Во всяком случае, точно знаю, что собирались Баширцев и его компания в загул.

— Почему вы думаете, что это происходило именно в тот вечер?

— А очень просто,— ответил Сарычев.— Меня Баширцев, завгар, попросил его персональную «Волгу» посмотреть. И говорит — в деревню поедем, а там дороги какие. Я его спросил, что это они зимой в деревню наладились. А он сказал, что, дескать, во всем мире в ночь на 25 декабря рождество празднуют. Это у нас 7 января, а у них раньше. Смеялся: говорит, что четыре праздника отметить они решили — два рождества да два Новых года. С сегодняшнего, сказал, вечера и начнем. Вот я это и припомнил сейчас.

— Почему же сразу не сказали?

— Да ни к чему было. А сейчас, когда говорят кругом, что в нападении на пост ГАИ кто-то из своих участвовал, я и сопоставил: старшину Малова звали — он не поехал, а потом... И Палицына убили... Есть какая-то связь?

— Да не очень все это вяжется. Ну решили рождество отметить — убивать-то зачем?

— Ну, этого я не знаю,— продолжал Сарычев,— но подозрительная у них компания. Между прочим, Башкирцева ординарец, ну шофер его личный, Генкой звать, стиляга самый что ни есть, недавно за грабеж сел. Он их все дела знает, а на суде ничего ведь не сказал. Это не подозрительно?

Никакой связи между загулами Башкирцева и его компании, а равно и между осуждением Генки и убийством инспектора ГАИ, нападением на сберкассу не прослеживалось на первый взгляд. Но сигнал этот стоило, безусловно, проверить.

Башкирцев был известен как человек солидный, как-никак заведующий гаражом, его приятели тоже не вызывали подозрений. Но Геннадий, по фамилии Ровинский, действительно был осужден недавно. И Палицын из их компании убит. Да и частые таинственные поездки на какие-то «мероприятия» вызывали сомнения.

Костя Сарычев, правда, слыл человеком странным, изрядным фантазером. И в его путаном рассказе логики никакой не было. Но в той обстановке, когда просто невыносимо было бездействие, решили проверить и его «сигнал». А вдруг в этом сумбуре рациональное зерно блеснет.

Прежде всего позвонили в колонию, где содержался Геннадий Ровинский, благо она находится в той же области.

— Есть такой герой у нас,— ответил начальник колонии.— Он, кстати, как сам хвалится, был личным шофером автомобильного начальника какого-то, Башкирцева, кажется, по фамилии. Так вот, ни с того ни с сего вдруг заявил, что хочет дать дополнительные показания. Чистосердечно, говорит, хочет раскаяться...

— Что-о-о?!! — в управлении говоривший офицер покрылся испариной.— В чем-то хочет признаться? Немедленно наш сотрудник к вам выезжает...

Свидетелей много.
И... свидетелей нет

Инспектор милиции немедленно выехал на север области, где отбывал свой срок Геннадий Ровинский. Его намерение дать чистосердечные показания по неизвестному пока преступному эпизоду взволновало всех сотрудников управления.

В колонии к инспектору привели долговязого, какого-то дерганого парня. Он пугливо озирался, перебирая борт куртки пальцами, говорил торопливо.

— Так в чем, Ровинский, вы хотели чистосердечно признаться? Что душу гнетет? Раскаяние принесет облегчение. Давай, выкладывай,— сразу же сказал инспектор.

— Значит, когда мы в универмаг залезли, ну, этот эпизод по суду проходил, я показал, что две меховые шкурки Баландин взял. Ну, это кореш мой. Так на самом деле шкурок было восемь. Шесть ушли к...

— Подожди,— прервал его инспектор,— какие шкурки? Какой Баландин? Ты что тут заливаешь? Хотел чистосердечно все выложить, так и выкладывай.

— Так я же как на духу...

— Ладно, если как на духу, то о Башкирцеве расскажи. Возил ты его куда-нибудь, кроме как по служебным делам?

— Возил. А как же.

— Вот и давай. Куда возил? Когда возил? С кем возил? И напряги свою память — куда вы ездили вечером 24 декабря? В ночь под рождество?

— С Башкирцевым? Под рождество? — Ровинский недоуменно посмотрел на инспектора.— Ах, это... Вы знаете, я сейчас не готов отвечать. Дайте с мыслями собраться.

— С духом соберись. И не бойся ничего. Тебе-то вряд ли большее грозит, чем имеешь. Ну, смотри, завтра чтобы как на духу.

Геннадия увели. А инспектор нервно заходил по кабинету. Неужели, наконец, напали на след? Время идет, а дело о загадочных преступлениях так и не вышло из тупика. Расследование пока не продвинулось ни на шаг. Но теперь, кажется, что-то просветляется. И ведь как удачно получилось: «сигнал» Сарычева, его сумбурные предположения, кажется, вывели на тропинку. Да и сам Ровинский так вовремя решил покаяться. А почему все-таки он решился на откровенность? Ну, да ведь чужая душа — потемки. Жать на него ни в коем случае нельзя. Надо тактично подтолкнуть на откровенность...

На следующее утро Геннадий начал давать свои показания.

— Теперь уж точно чистосердечные,— сказал он.

Сначала говорил как-то неуверенно, с удивлением вслушивался в наводящие вопросы. Но потом начал говорить ровнее. Иногда замолкал, чего-то соображая, инспектор мягко направлял беседу в нужное русло.

И наконец картина стала проясняться.

Да, он, Геннадий Ровинский, по существу был личным шофером заведующего гаражом Федора Ивановича Башкирцева. Он знает отлично всю компанию своего шефа. Акопа Акопяна, Вячеслава Козочку, Николая Шарикова, Ивана Палицына, которого убили. Вместе с водителем Соленым, который является родственником Шарикова, некогда служившего в милиции, но потом оттуда изгнанного, они на двух машинах часто возили всю компанию на «мероприятия».

— Что это за «мероприятия»?

— Известно что — банька хорошая, водочка, ну, естественно, девчонки присоединялись.

— А в ночь на 25 декабря тоже на «мероприятие» ездили?

— Было дело.

— Вот об этой ночи поподробнее. И откровенно. Кто же все-таки и за что убил Палицына. Он же в вашей компании был?

Инспектор пока не затрагивал вопрос о старшине Малове.

Ровинский сначала даже вроде бы растерялся. А потом с вызовом выкрикнул:

— Как кто? Свои же и ликвидировали.

— С какой целью?

— А этого я не знаю.

— Вы присутствовали при этом?

— Нет, что вы. Но — слышал, это уж точно. Значит, дело было так...

— Давайте уж с начала. С нападения на пост ГАИ и убийства старшины Малова.

— Пожалуйста...

Инспектор слушал, не перебивал. Геннадий Ровинский начал говорить такое, что инспектор только диву давался. Он решил, что Ровинского надо срочно этапировать в управление, возбуждать уголовное дело по обвинению в соучастии в убийстве, получить на это санкцию прокурора и все, что в таких случаях положено. Пока же инспектор продолжал расспрашивать Ровинского. В частности, о происшествии на Сибирском тракте в ночь на 25 декабря.

— Могу одно сказать,— ответил Геннадий,— я привез Башкирцева, Козочку и Акопова. К самому почти посту подвез. А Шариков с Палицыным на «Жигулях» подъехали. Они все пошли на пост, а я в машине сидел.

— И не знали, что они там делали?

— Абсолютно. Откуда мне знать? Вышли, пришли, сказали: «Трогай».

— А Палицын с Шариковым?

— Они в свою машину сели. И разъехались. Федор Иванович сказал, что встреча рождества не отменяется. Поехали мы в деревню Кондратовку и гуляли до утра. Баня была — классная.

— Но утром-то весь город знал о происшествии. Неужели вы не догадывались?

— Как не догадываться? Да только не уверен я был.

— А когда по телевидению фоторобот показывали, вы видели?

— Так Шарикова ж и показывали. Только почему-то не узнал никто. Да и верно, не очень он похож, а вот если внимательно присмотреться...

— Значит, и сберкассу тоже они брать намеревались? Знаете о нападении на Пионерской улице?

— Вот за сберкассу, гражданин начальник, я ничего не скажу. Я там не был, никого туда не возил...

Но и без того информация, которую выдал Геннадий Ровинский, была первостепенной важности. В управлении он был допрошен по всей форме, и в основном его показания сходились с первоначальным рассказом. Он показал достаточно много для того, чтобы заподозрить Башкирцева и его приятелей в тяжком преступлении. И все же явно недостаточно для того, чтобы выстроить стройную цепочку обвинений.

Однако звенья цепочки подбирались, сцеплялись одно с другим. Во-первых, автомеханик Сарычев твердо сказал, что в ночь на рождество по новому стилю компания собралась в загул, заезжали за старшиной Маловым, который потом оказался убитым. Убит и Палицын — из их же компании. Не очень убедительны были доказательства того, что их убили Башкирцев и его друзья. Но вот Геннадий Ровинский уверенно подтверждает, что дело было именно так. Лично он не участвовал в нападении на пост ГАИ, но привез Башкирцева, Козочку и Акопяна чуть позже полуночи к посту и ждал в машине. Но именно в это время и погиб старшина.

Но цель? Какая цель этих двух убийств? Этот вопрос задали Ровинскому.

— Какая цель? — переспросил он.— Да все очень просто. Ведь Федор Иванович Башкирцев какие дела делал? Не один кузов продал. Машины новые списывал.

Вы что, не знаете? Да об этом все шофера в городе судачат. На что ж проводились загулы-то с шампанским и девочками? На зарплату? Они и старшину Малова втянуть хотели. А он как узнал о махинациях, сразу отказался... Может, он их выдать хотел. Мне откуда знать.

— Учтите, Ровинский, мы дадим вам очную ставку с людьми, против которых вы выдвинули тяжкие обвинения.

— А я не выдвигал ничего. Меня спросили — я сказал. Как было. Это и на очной подтвержу. Возил? Возил. У поста останавливался ночью? Останавливался. Видел, как убивали? Нет, извините, этого не видел.

Потом, на очных ставках, Ровинский все это подтвердит уверенно. Но до этого было еще далеко...

Когда Ровинского привезли в город и возбудили дело, то прежде всего предъявили Носовой — работнице сберкассы, которая в день нападения была ранена и со слов которой составлялся фоторобот налетчика,— фотографии Шарикова. Несколько фото разных лет.

Женщина долго всматривалась в лицо, а потом сказала:

— Как будто бы похож. Но ведь два года прошло... Вроде бы он... А может, и нет... Пожалуй, все же он...

Охранник пункта кинопроката, на который было совершено неудачное нападение, больше склонялся к тому, что это «не тот». Хотя допускал возможность, что и «тот». Но ведь он видел лицо мельком, ночью, хотя, правда, при свете фонаря.

Но одно весьма существенное обстоятельство рвало начинающую сцепляться цепочку. Помните, мы упоминали о кассовом бланке, заполненном с обеих сторон, который оставил, по предположению, налетчик? Так вот: почерк ни одного из пятерых, включая покойного Палицына, даже не напоминал тот, которым был заполнен бланк. Таков был категорический вывод экспертов. А ведь бланк, по существу, был одним из немногих, если не единственным материальным следом, оставленным преступником.

— Но разве не может быть так,— предположил один из инспекторов.— Преступник просит заранее кого-то заполнить бланк. И оставляет его специально на месте преступления. Чтобы ввести в заблуждение розыск.

— Возможно. Почему же бланк с двух сторон заполнен? Так может машинально писать человек, голова которого чем-то другим занята. Об этом и фамилии

говорят — Станиславский, Николай Рубцов,— первые пришедшие в голову.

— А почему не допустить, что и это все продумано?

Сошлись на том, что вполне возможен и такой вариант.

Проверили в предварительном порядке показания Ровинского насчет махинаций завгара с кузовами и машинами. И тут открылась картина весьма неприглядная. Действительно, Башкирцев вкупе с Шариковым продавали новые кузова от «Волг». Значит, им было что скрывать? Ведь разоблачение грозило верным судом и лишением свободы.

И все-таки главный вопрос — во имя чего пятеро пошли на целую серию тяжких преступлений? Это ведь тоже надо было как-то объяснить, прежде чем начать не допрос даже, а простые расспросы.

Положим, Шариков крепко «закладывает», он в последние годы катится по наклонной плоскости. Значит, в принципе такой, теряющий себя человек может пойти на все. А сержант Козочка — отличный работник, родом он с Украины, там у него родственников полно. Башкирцев человек властный, в гараже, которым руководит, царь и бог, что хочет — то и делает, да и на руку нечист. Опять же бабник, гуляка. А на это никаких денег не хватит. Жесток, груб, порывист, когда в ярости — ударить человека может. А вот Акоп Акопян — тот семью любит, что, верно, не мешает ему участвовать в «мероприятиях».

Да, компания весьма разношерстная. Не проглядывалось крепко сколоченной преступной группы. И все же их поведение вкупе с показаниями Ровинского хоть как-то объясняло убийство старшины Малова и гражданина Палицына. Допустим, требовалось убрать свидетелей, чтобы уйти от ответственности за махинации и с кузовами. Тут есть логика.

Ну, а налет на сберкассу? На пункт кинопроката? Эти деяния уже близки к сколачиванию самой настоящей банды. «Могли эти люди пойти на столь опасные и тяжкие преступления?» — спрашивали вслух друг друга и каждый самого себя люди, ведущие розыск, и отвечали очень неоднозначно.

Склонялись все же к тому, что при определенных «крайних» обстоятельствах — могли. Уж очень непривлекательно, если не сказать — грязно выглядели «мероприятия», в которых участвовала вся пятерка.

Да и еще одно странное обстоятельство усиливало подозрения. Вскоре после серии преступлений сержант Козочка перевелся на службу в Черниговскую область. За ним уехал Акоп Акопян в Прибалтику, где жили родители жены. Шариков уехал в деревню к отцу: это в тех же местах. И лишь Башкирцев по-прежнему руководил гаражом. И верный Геннадий возил теперь его одного по тщательно скрываемым адресам — пока его не арестовали.

Личность Ровинского конечно же привлекла внимание тех, кто расследовал дело. Попался Геннадий на обычной краже. Он связался с двумя молодыми людьми своего примерно возраста, и они решили ограбить магазин. Тут надо сказать, что Геннадий был из такой трудной семьи, что хуже и не может быть. Об отце было известно лишь то, что он из тюрьмы не выходил. Мать пила и ребенком совсем не занималась. Рос — не воспитывался, а именно рос — Гена у бабушки, скаредной злобной старухи. Пока мальчик был маленький, бабка его била. Как подрос, он стал бабку родную поколачивать — она тоже редко трезвая бывала. В школе, где Гена учился кое-как, он не переходил из класса в класс, а его перетаскивали, дабы не нарушить общих показателей. Парень отличался не баловством, не буйным даже баловством, а каким-то пакостничеством. Мог украсть у приятеля завтрак, воровал в раздевалке шапки. Однажды даже пальто у девчонки унес и продал около пивной.

После восьмого класса школу бросил и до призыва в армию балбесничал. В армии получил специальность шофера. После демобилизации работать нигде не хотел. К счастью (или к несчастью) Геннадий жил по соседству с Федором Ивановичем Башкирцевым. Познакомились: Башкирцев, у которого на квартире гуляли, послал Генку за водкой. Хозяин поднес выпить. Пригласил к столу. Ему пьяный Гена и выплакал свою «несправедливую жизнь».

— Приходи завтра ко мне, в гараж,— похлопал парня по плечу Федор Иванович,— будешь доволен, если мне понравишься.

Геннадий соседу-заведующему понравился. Он стал личным его ординарцем, а не просто «персональным водителем», как его называли, хотя, конечно, никакой персональной машины Башкирцеву не полагалось. Но она была. И пользовался ею Ровинский как своей, когда она не была нужна завгару.

С помощью этой машины Геннадий со своими новыми дружками и совершил ряд краж. Для этого они выезжали в близлежащие населенные пункты, где начали с похищения колбасы из магазина сельпо, а попались на краже из меховой секции в одном из универмагов.

Были осуждены. Отбывали наказания. И вот тут «совесть заговорила» у Геннадия Ровинского — он заявил, что хочет сделать чистосердечные дополнения к своим признаниям во время судебного процесса...

Такой подробный экскурс в личную жизнь Геннадия Ровинского не лишний, хотя с виду и кажется прямо к делу не относящимся. Все-таки он единственный свидетель, который абсолютно уверенно утверждал: 25 декабря после 12 ночи он привез троих из компании к посту ГАИ на Сибирском тракте, где в это же примерно время остановилась машина Палицына. И где в это же время был убит на своем посту инспектор Николай Малов. Ровинский утверждал, что в руках Шарикова он видел и пистолет «Макаров».

После долгих обсуждений всех обстоятельств дела был произведен следственный эксперимент с участием пока одного Ровинского — как подъехали, где стояли машины и т. д. Затем состоялось опознание Носовой в нападавшем на сберкассу Шарикова. И уж только тогда запросили санкцию на задержание подозреваемых.

Такая санкция прокурором была дана. Вскоре со своих новых мест жительства были доставлены Козочка, Акопян, Шариков, у себя в гараже арестован Башкирцев.

Первые вопросы каждому из четверых были идентичны: где вы находились вечером и ночью на 25 декабря.

— В ночь на рождество,— уточнялся вопрос,— то, которое празднуется там, на Западе?

Башкирцев ответил:

— Мне нет нужды отвечать на ваши дурацкие вопросы. Где мне надо — там и был.

— А я знаю, где я был? — усмехнулся Шариков.— Если в вытрезвителе, то документы быть должны...

Вячеслав Козочка был спокоен:

— Где был в ту ночь — надо вспомнить, пока не могу сказать.

Акоп Акопян возмущался, махал руками, требовал прокурора района и грозил жаловаться прокурору генеральному.

Правда, отвечать на вопрос все же пришлось. И началась полная путаница. Один сослался на то, что был в

семье, другой — что на зимней рыбалке, третий — что ездил к отцу в деревню, четвертый — что не знает. Им напомнили — разве они не собирались в том году праздновать два рождества и два Новых года? Кто-то «припомнил», кто-то по-прежнему отрицал. Они противоречили друг другу, путались в ответах. И только когда им сказали, в чем их подозревают, все посерьезнели.

«Гулять — гуляли. Но чтобы такое, о чем спрашиваете,— да быть такого не могло. Вы что, товарищи дорогие, в своем уме?» — таков был смысл ответов.

Стали выяснять, как проходили другие «мероприятия»,— снова путаница и противоречия. Когда коснулись махинаций с кузовами, Башкирцев и Шариков попытались сначала все скрыть, но потом были вынуждены сознаться. Установили, что незаконно продан «налево» не один кузов автомашины. Получались деньги на выпивки с помощью подставных лиц. Одновременно обнаружилось незаконное списание бензина.

— А все-таки,— следовал вопрос,— в ночь на 25 декабря, то есть в ночь под рождество, вы приглашали старшину Малова поехать на ваш загул? — спросили Шарикова.

— Приглашали. Но тот отказался. Сказал, что его подменить не смогли. Мы и уехали. Это все могут подтвердить.

— И Геннадий Ровинский подтвердит?

— А что ж он врать станет?

— Придется сделать вам очную ставку с Геннадием Ровинским.

На очной ставке Ровинский уверенно повторил свои показания, данные следователю. Все сходилось. И подозреваемые не отрицали, что заехали за Маловым, хотели взять его с собой. Но только Палицына с ними не было. Все четверо ехали в машине Башкирцева, которую вел Ровинский. Ну и конечно, Николая Малова и пальцем не тронули. Зачем? Дружки ведь. А про кузова старшина и не слыхал ничего. В баню с ними он иногда ездил — но убивать-то его не за что.

И все-таки постепенно в «круговой обороне», как кто-то горько пошутил, удалось пробить брешь. Шариков признался, что как-то был у них разговор о том, что вот бы банк ограбить — гуляй всю жизнь. Но это же было сказано так, в шутку, после кино американского. Но чтобы на самом деле убивать и грабить — не было такого. Одно время заколебался Башкирцев — ничего опреде-

ленного на себя не брал, но сказал, что все расскажет, если признаются другие... Но другие не признавались.

А время шло. Кончались определенные законом сроки следствия. К этому времени были некоторые свидетельства о причастности четверки к нападению на пост ГАИ. По крайней мере, было установлено, что в тот вечер они виделись со старшиной Маловым, которого вскоре нашли убитым. А по сберкассе и пункту кинопроката вообще ничего собрать не успели. За отсрочкой окончания следствия обратились к Генеральному прокурору СССР. Но из Москвы последовал отказ.

Более того, в область сообщили, что к ним выезжает старший следователь по особо важным делам при прокуроре РСФСР Владимир Иванович Олейник.

В марте Олейник раскрыл первые страницы томов дела. Всего их было 34. 6 содержали материалы объективного характера: осмотры мест происшествий, заключения экспертов и т. д. В остальных томах были собраны свидетельские показания, протоколы допросов и другие материалы, изобличающие Козочку, Башкирцева, Акопяна и Шарикова во вменяемых им деяниях. Была масса свидетельских показаний — и первыми шли показания Геннадия Ровинского.

Когда Владимир Иванович захлопнул обложку последнего прочитанного тома, он сказал:

— Ну что ж, свидетельская база здесь — равна нулю. Свидетелей много. И... свидетелей нет.

Когда молва сильнее фактов

Опытные юристы знают: нет ничего сильнее, а иногда и страшнее стечения обстоятельств. Отказывая в продлении срока содержания под стражей четырех человек, руководители Прокуратуры СССР строго следовали процессуальному закону. Продлевать срок следствия ввиду «исключительности дела» не сочли возможным. Более того, как мы говорили, усомнились в безусловной силе улик — потому и командировали Олейника.

Следователь по особо важным делам, познакомившись с материалами обвинения, отнюдь не нашел, что все там шито белыми нитками. Нет, те, кто вел следствие, не допускали недозволенных методов, они добросовестно опрашивали свидетелей.

Когда В. И. Олейиик впервые позиакомился с делом, то ничуть ие сомиевался в главном: в том, что Башкирцев, Козочка, Акопов и Шариков виноваты. Просто в цепочках доказательств были кое-какие разрывы.

Но по мере того как материалы изучались все более тщательно, разрывы эти не сцеплялись, а, наоборот, все больше разъединялись, как уже было сказаио.

Подозреваемые в преступлении много лгали. Они действительио совершали крайне аморальные, а иекоторые из иих и уголовио иаказуемые поступки. О «мероприятиях», которые они устраивали, и рассказывать-то иеприличио. Желая как-то себя обелить, а кое-что скрыть, эти люди путались в показаииях, усиливая тем самым и без того иеблагоприятиые для них стечения обстоятельств. Это давало розыску повод пренебрегать кое-какими «мелочами», делать иатяжки там, где необходимо было все прояснить.

Кроме того, ведь показания Геинадия Ровинского были недвусмыслеииы: он фактически прямо говорил, что обвиияемые участвовали в нападении на пост ГАИ. А его сообщеиие о махинациях Башкирцева полиостью подтвердилось.

А опознаиие Шарикова потерпевшей? Кассирша узиала в ием иападавшего. Это все запротоколироваио, все оформлеио и выглядело довольно убедительио.

И все-таки сомиений появлялось у Олейника все больше и больше. Свежий, непредвзятый, точиее, иезамутиеиный взгляд на все обстоятельства, которые так грозно сгустились вокруг четверых обвиняемых, рождал новые и новые вопросы.

Вообще сомнения — необходимый элемент следственной работы, присущий ей в той же, пожалуй, степени, как иаучному поиску. Но в поиске иаучном ложиая тропка ведет в крайнем случае к материальиым потерям, к ударам по престижу учеиого. В правосудии же — к человеческим страданиям. Поэтому-то закои, наш советский закон, в столь высокой степени гарантирует права обвиняемого. И здесь опыт следователя, следователя по особо важиым делам, говорит: сомиеваться надо до коица, до того «момеита истины», когда сомнеиия будут уже иевозможны.

Владимир Иваиович к тому времеии имел немалый опыт следствеиной работы. Ои иачииал, после окончаиия университета, помощником районного прокурора иа севере Пермской области. Потом долго работал в Киргизии —

следователем, помощником прокурора, прокурором-криминалистом, прокурором района. Потом его перевели в Москву. Он учился методам раскрытия преступлений у выдающихся криминалистов, следователей, прославленных раскрытием запутанных дел. Не пренебрегал Олейник теоретическими знаниями, историей. Все это позволяло ему мыслить широко, не поддаваться соблазнам легких путей.

Ему, Олейнику, вместе с группой коллег из милиции и прокуратуры и предстояло, по существу, начинать все сначала. Но с чего начинать? Разумеется, с критического анализа всего собранного по делу, с выяснения тех небольших противоречий, которые оставались невыясненными.

Одно из первых недоумений, которое предстояло прояснить, было такое. На протяжении короткого периода совершен ряд налетов с применением огнестрельного оружия, взятого у старшины Малова. После этого никаких подобного рода преступлений не было. Почему же все это время «Макаров» молчал?

Ну, а если быть еще более точным, пришлось начинать с того, чтобы убедить своих коллег из областной прокуратуры и управления внутренних дел критически оценить свою собственную большую работу. Инерцию было преодолеть нелегко. Но удалось. И тогда у Олейника появились надежные помощники. Скажем, Михаил Григорьевич Попов, старший инспектор УВД. Сибиряк. По происхождению крестьянин.

— Он все умеет,— говорит о нем Олейник.— Если надо, кашу в ладонях сварит. Поэзию любит: «Анну Снегину» Есенина с любого места наизусть прочтет. Главная его черта — крестьянская основательность. Он был твердо убежден в принятой версии. И очень долго думал, когда мы поставили ее под сомнение. И сам пришел к честному мужественному выводу: да, кажется, мы на пути, ведущем в тупик...

И теперь они вместе начинали все сызнова... Итак, почему же молчит «Макаров»?

— Могли быть три варианта,— рассуждал Олейник.— Первый — пистолет утерян или его владелец мертв. Второй — было совершено какое-то преступление и владелец в заключении. Наконец, третье — преступник затаился, чувствуя, что он под подозрением. Но ко всем четверым обвиняемым ни один из этих вариантов не подходил. Не похожи были эти люди на тех, кто готовит

серьезное преступление. Скорее всего, приходили к выводу, что не найденные преступникн по независящнм от них причинам не могут действовать.

Стали изучать все дела о разбойных нападениях последних лет и другнх подобных преступлениях, одновременно заново анализировать показания свидетелей.

Помните, со слов Носовой, работницы сберкассы, составили фоторобот. Олейник имел с ней долгую беседу. И выяснил, что первое описание налетчика она дала, будучн раненной, в тяжелейшем состоянин. По выздоровленни стала что-то уточнять — «лнцо преступника скорее продолговатое, а не круглое».

— Но вы же говорнли — круглое. Что же вы, товарищ Носова? — упрекнул ее инспектор.

Женщина смутилась:

— Ну, может, и круглое.

Одно уточнение рушило целую версию — ведь фоторобот в руках у сотен людей. Надо бы найти мужество выяснить, где же истина. И запетляла ложная тропка, уводя следствие в сторону.

Вот так все заново анализировал В. И. Олейник и его коллеги.

В ходе знакомства с материалами следствия у Олейника возник вопрос: «Почему Геннадий Ровинский, отбывавшнй наказание за воровство, вдруг решил покаяться?» Совесть мучила? Нет, этот аргумент для «чистосердечного раскаяния» никак не подходил к Ровинскому. Тщательное нзучение его биографии, а потом н личное знакомство убеждало: Ровинский — человек бесчестный, лгун, для него не существует никаких моральных устоев. Это типнчный тунеядец-паразит. Почему же он вдруг начал разоблачать своего благодетеля Башкирцева? Месть? Тоже не было поводов. Тогда что же?

Олейник тщательнейшим образом изучил жизнь Геннадия в колонии. И вот что выяснилось. Всю свою короткую жизнь парень нигде не работал, кроме как шофером-ординарцем Башкирцева. А попить-поесть любил сладенько. В колонии, на лесных работах, он первый раз познал тяжкий труд. В 6.00 подъем. Многие километры до участка. Выматывающая все силы работа. Надо стиснуть зубы и вкалывать. А он всячески отлынивал А потом был уличен в воровстве у своих же заключенных. Избили его жестоко. Но не исправили. Конечно сейчас «законы тюрьмы» не те, что были когда-то Все-таки в колонии поддерживается строжайший порядок

Но общество, как понимаете, не такое, чтобы церемониться с теми, кто крадет у своих.

— Мне надо было уйти оттуда во что бы то ни стало,— говорил Ровинский следователю, когда признался в оговоре.— А как? Решил взять на себя еще пару нераскрытых эпизодов по кражам. Авось к следователю вызовут, а там в другое место пошлют. Боялся я, за жизнь свою боялся. Ну и написал. А тут из области — насчет Башкирцева спрашивают. Сначала никак не понимал, что к чему. А когда об убийстве Малова заикнулись — сообразил. У нас же весь город об этом хорошо знает. Я и понес. Ведь пока разберутся. А время на меня работает. В следственный изолятор переведут, а там в другую, глядишь, колонию. Выхода у меня, гражданин следователь, не было.

Вот откуда взялась версия обвинения Башкирцева и его компании. Но не лжет ли Ровинский и сейчас? Не его же только показания заключены в 34 томах дела?

В нашем праве действует принцип презумпции невиновности. Подозреваемый человек не обязан доказывать свою невиновность, ему, вернее, суду должны доказать, что он виновен. Но когда собраны серьезные обвинения против людей, подозреваемых в преступлении, когда еще не рассеяны сомнения, нельзя просто так отбросить все лишь на основании некоторых противоречий. Надо обоснованно снять ложные улики. И признание в оговоре, которое сделал Ровинский, нельзя принять на веру.

Так началась поистине титаническая работа, сначала связанная с анализом, а потом и с опровержением выдвинутых против четверых обвинений. Два года ушло на то, чтобы опровергнуть измышления Ровинского. И разобраться во всех напластованиях, рожденных ложной версией. За это время было проверено десять вновь возникших версий, допрошено 730 свидетелей, сделано 79 экспертиз, поставлено 34 следственных эксперимента. Изучено 156 уголовных дел. И к 34 томам, о которых мы упоминали, прибавилось еще 56. В них были собраны материалы, которые теперь уже с максимально полным основанием утверждали: Башкирцев, Акопян, Козочка и Шариков не виновны в убийстве Николая Малова, в нападениях на сберкассу и пункт кинопроката.

Следователь по особо важным делам развернул передо мной четыре схемы, вычерченные на миллиметровой бумаге. Первая — она не умещается на письменном столе — содержит более ста кружков, которые соеди-

иены с одним кругом, где значится фамилия Ровинского. Это схема его связей с людьми, которых он называл в своих показаниях, с потерпевшими, с женщинами. Есть кружки предполагаемых связей. В каждом кружке — фамилия или обозначение типа: «человек, с которым была встреча в ресторане», «девушка, с которой провел вечер». Вторая схема — это связи, которые Ровинский скрывал от следствия, здесь около 70 кружков. Далее схема родственных связей и, наконец, схема связей по эпизодам, за которые Ровинский был осужден.

Для чего вся эта работа? Но ведь это сейчас стало ясно, что Ровинский лгал. Тогда, вначале, он настаивал на своих показаниях, менял их, показания его обрастали молвой. А молва, как показывает опыт, бывает сильнее самих фактов.

Вот, скажем, Ровинский показал: «Раис А., в прошлом таксист, затем осужденный, говорил, что у него есть пистолет, который он хранит в сарае». На схеме кружок: «Раис А.». Этот человек всесторонне проверяется, делается обыск в сарае. Пистолета нет. Но Раис мог его кому-то передать, ибо сарай подозрителен — там хранилось ворованное. Значит, надо все проверять. Время уйдет, пока будет точно доказано, что Ровинский возвел поклеп на своего товарища по заключению.

Может быть, этот эпизод поможет читателю представить объем работ. Ведь мы иногда представляем себе розыск и следствие как цепь безошибочных решений, удачных выходов на след по оброненному окурку или оторванной пуговице. Или линию блестящих умозаключений, которыми «вычисляется» преступник. Бывают и окурки, и прозорливые умозаключения. Но, перефразируя поэта, можно сказать, что обычно ради единого слова истины приходится переворачивать тысячи тонн догадок, предположений, улик, версий, кажущихся достоверными фактов.

— Но мы вели свой поиск,— говорит мне следователь,— не только по фактам, но и по лицам, если можно так сказать.

Когда пало подозрение на Башкирцева и его компанию, возник этот вопрос — зачем, по каким причинам пошли они на тяжкие преступления. Были сомнения в логичности их поступков. Перевесили «улики».

Олейник вновь вернулся к этому вопросу. Прежде всего его внимание привлекла фигура Вячеслава Козочки. Дерзкие действия преступников, знание ими многих

обстоятельств наводили на мысль, что действует либо работнкк милиции, либо человек, как-то связанный с ней. Вячеслав Козочка был ннспектором ГАИ. Он мог знать «все», хотя именно он казался человеком, наименее скомпрометированным из всей компании.

Когда В. Олейник изучал все относящееся к Козочке, то понял, что это за личность. Вячеслав отлично нес службу. Он из трудолюбивой крестьянской семьи. У него жена и пятнлетнни сын. Учился в сельскохозяйственном институте на вечернем отделении. Готовился к защите диплома. В общем, был открытым, достойным человеком.

— Когда я познакомился с ним и первый раз допрашивал его,— рассказывал Владимир Ивановнч,— сразу пришел к убеждению: Козочка не мог. Больше того, не мог — я был в этом убежден — вообще пойти на противоправное деяние, не то что на убийство.

Федор Иванович Башкирцев, по мнению следователя, не только мог нарушить закон, но и делал это — постоянно занимался махинациями. Сомнительно было, однако, чтобы он отважился на тяжкое злодеяние. Не тот человек.

Словом, исследование как по лицам, так и по фактам приводило и привело к одному выводу — дело надо прекращать. Оно и было прекращено. Сами подозреваемые к тому времени давно были освобождены, после того как Генеральный прокурор СССР отказал в продлении срока следствня. Правда, против Башкирцева и Шарикова возбудили уголовное дело за их махинации в гараже, но это уже другой вопрос.

Окончательно стало ясно и теперь уже в законном порядке подтверждено — не они убийцы.

Но — кто?

Группа работников прокуратуры и милиции имела двуединую задачу: снять обвинение с невиновных и найти преступников. И, разумеется, работа по обеим этим линиям шла параллельно.

Нет нужды, да и нет возможности описывать просеивание «тысяч тонн руды», что должно было дать какую-то перспективу. И опять-таки таинственнно молчал «Макаров». Его голоса стали ждать с большой тревогой: он же в руках у опасных людей.

Скорее всего, считали следователи, те, кто завладел оружием, попались на каком-то другом преступлении, или их главарь схвачен. Поэтому изучили массу уго-

ловных дел, связанных с грабежами, кражами, налетами и т. д. И кое-какие контуры стали проясняться. Что-то похожее в противозаконной деятельности преступников, и прежде всего необычайная дерзость, наглость в действиях подсказывали, где искать. Хотя пока что поиск напоминал блуждание в тумане...

И вот неожиданно Олейник, находившийся на отдыхе, получает сообщение о задержании некоего Стаса в подмосковном поселке. Родом он из того же города, где разворачивались основные события. По запросу из МУРа следовало, что будто бы он участвовал в нападении на инкассатора.

Но такого нападения не было. Это Владимир Иванович точно знал. Но, повторю, любое преступление, любой намек на преступление, особенно если оно связано с оружием, не проходили мимо внимания следователя. Да и фамилия Стаса этого где-то мелькала.

И Олейник вылетает в Москву.

Первая встреча со Стасом.

— Ваша фамилия, имя, отчество?

— Бочарников, Станислав Аркадьевич.

— Ваш род занятий?

— Учусь в сельскохозяйственном институте. На четвертом курсе.

— На вечернем отделении. А работаете где?

— Сторожем. В музее.

— Вы когда-нибудь были судимы?

— Нет...

— Знакомы с Валерием Кнышем?

— Не знаю такого. Первый раз слышу эту фамилию.

— А он вас знает. И даже утверждает, что вы принимали участие в подготовке к ограблению дачи.

— Ну это его чистая фантазия,— Станислав Бочарников был абсолютно спокоен.

— Хорошо. Оставим это. Есть показания, будто вы участвовали в нападении на инкассатора. В Перми...

Повторим еще раз. Олейник знал, что никакого нападения на инкассатора в том городе не было. Но следователю очень было важно, как прореагирует Стас на название города. Того, где жил и работал. Не должно было быть никакой особой реакции. Ведь он точно знает, что не совершал нападения, которого не было в природе. Как и не участвовал непосредственно в ограблении

дачи. Но вопросы о даче Стас встретил почти равнодушно.

А тут, когда несуществующего инкассатора упомянул следователь, то почувствовал: как струна натянулась. Внешне Стас отвечал спокойно. Только внешне...

— А Леоннд Тараканов? Когда вы в последний раз вндслнсь с Леонидом Таракановым? — спокойно продолжал допрос Олейник.

— Какой еще Тараканов? Не знаю такого.

— Не знаете своего одноклассника? С которым десять лет учнлнсь.

— Ах, этот...— Стас был совсем растерян.

Владимир Иванович наконец-то вспомнил, откуда знакома ему эта фамилия — Бочарннков.

В одном из 163 томов уголовных дел, которые изучнл следователь, содержались матерналы по обвинеиию некоего Тараканова — специалиста по перекраске угнанных машин. Есть, оказывается, и такая «профессия». Тараканов делал это мастерски. И номера иа двигателе перебивал. Так вот, изучая это дело, Олейник обратил вниманне на один эпизод. Какой-то Бочарников, одноклассннк Тараканова, обратился к нему с предварительным разговором: мол, если они угонят машнну, сумеет лн Леонид быстренько ее преобразнть? «Тебе-то зачем? — удивнлся спецналист.— Это кто в другое место с угнанной машнной скрыться хочет, а ты из города вроде уезжать не собираешься, а здесь попадешься».— «Мне на время нужно, одну операцию провернуть»,— «Банк, что лн, ограбить?» — спросил, очевидно, шутя Тараканов. «Не твое дело».—«Нет, я тебе тут не помощник». Вот такие показания были в деле Тараканова. Совсем незначительный, «проходящнй» эпизод. Но в голове следователя он отложился — упоминался, пусть н не серьезно, банк.

Он таки знал все о всех преступленнях в том городе за много лет. Отрицанне Бочарннковым этого «невннного» эпнзода настораживало.

К этому времени у следователя были на руках данные о самом Станиславе Бочарникове, о его трех братьях, о бывшей жеие, родителях. Было известно ему, что один из братьев, Эдуард, выехал нз родного города н словио в воду канул: родные ничего не могли сказать о месте его пребывания. Или не хотели говорить.

— Вы давно виделнсь со свонм братом Эдуардом?

— Я? — еще больше заволновался Станислав.— Уж и

не помню когда. Вообще мы с ннм... в плохнх отношеннях. Из-за женщины. Из-за жены моей бывшей.

— Так и не помирились?

— А зачем это вам?

— В данной ситуации, Бочарников, вам надо только отвечать на вопросы. Так давайте выясним, когда вы в последннй раз видели своего брата Эдуарда?

...Ах, если бы Валернй Кныш знал, какую «услугу» оказал своему грозному шефу — Эдуарду Аркадьевичу Бочарнникову...

Сколько бы веревочке ни виться...

Валерий Киыш, упомянув незиакомого ему Стаса, не подозревал, что тот приходится родным братом его жестокому Шефу. Но он напрасно думал, что лишь его неосторожное слово вывело на братьев Бочарнниковых. К тому времени розыск неведомых пока налетчиков можио было бы сравннть с иасыщениым раствором. Еще капля — и выпадет кристалл истины. Мы упомянули, какой огромный матернал был изучен оперативно-следственной группой. И Бочарииковы находились среди других в поле зрения следователя по особо важным делам. Особенно подозрнтельным казалось внезапное нсчезновение Эдуарда.

Одно время иа его след иапали — он был осужден иа небольшой срок за то, что на улнце вырвал сумочку из рук жеищииы. Его направнли на стройку, где он был на вольном положенин. И оттуда, как оказалось, сгинул, не оставив адреса. Роднтели, верно, зиали, где находнтся Эдуард, но скрыли это...

Между тем следователь В. И. Олейннк продолжал допрос Станислава Бочарникова. Тот, естественно, отрнцал прнчастность к событиям иа Сибирском тракте, в сберкассе и иа пункте кииопроката.

— Ну что ж,— сказал следователь,— человек вы, насколько я могу судить, разумный. С крнмнналнстикой неплохо знакомы. Вот текст, который вы написали вчера. А вот,— следователь вынул бланк сберкассы, где на одной стороне была напнсана фамилия «Станиславскнй», а на другой «Рубцов Нниолай», а также суммы «сорок рублей» н «сто рублей»,— тоже иапнсано вашим почерком. Не узнаете? Впрочем, можете сейчас ие отвечать, допрос мы продолжнм завтра.

Назавтра следователь не стал задавать вопросов относительио сходства почерков. Ои просто сказал:

— Расскажите мие, Бочаринков, все о себе. О своей жнзии.

— Это зачем?

— Опять вы забываете, что вопросы здесь задаю только я.

Пока проводили первые допросы Стаиислава, милиция напала иа след Эдуарда Бочариикова. Он был арестован н препровожден в Москву.

Начались первые допросы и второго брата...

В самом иачале мы достаточио подробио писали, какие порядкн царили в шайке, сколоченной Эдуардом Бочарииковым — Шефом. Надо сказать, что Эдуард был образоваи и умеи. Он, кроме тех зиаиий, что получил в иистнтуте, изучал самостоятельио нсторию, логику, ораторское искусство, зиал английский. Овладел приемами боевого каратэ. Особенно виимательно читал кримниалистическую литературу. Ои прекрасио ориеитировался в таких специальиых вещах, как стереотип поведения преступиика, а зиачит, и стереотип поведеиия тех, кто преступииков ловит.

— Вы спрашиваете, граждаиин следователь, почему мы выбрали объект для иападения иа сберкассу иа Пионерской, в самом цеитре города, рядом с милицней? — отвечая иа вопрос, рассказывал Бочарииков.— По тому самому прииципу: оиа должна меиее бдительио охраняться. Нужно было иарушнть привычиый стереотип.

— Но ведь не удался ваш иалет.

— Кто же мог предположить, что эта жеищииа, фактически умнрающая, сделает два шага и иажмет кнопку сигиализации.

— Может быть, потому, что здесь тоже был иарушен стереотип? Вы ведь изучалн поведеиие людей, как сами сказали, по аиглийским источиикам?

— Возможио,— задумчнво произиес Эдуард.

Ои таки сколотил свою шайку из нескольких молодых людей. Онн совершили около сорока грабежей. И всегда в разиых городах. Мы рассказывали и о том, как тщательио готовился каждый налет. Шеф старался предусмотреть каждую мелочь. Сам ои был педантичеи всегда и во всем. Если иазиачалась встреча н кто-иибудь из подручиых опаздывал хоть иа секуиду, ои получал строжайший нагоияй.

Сам Шеф одевался по последней моде. Он практически не пил и преследовал пьянство в своей компании. Он тщательнейшим образом отбирал подручных. И критерий был один — никакой моральной узды.

— Мы должны провести одну операцию, которая обогатит нас надолго. За успех ручаюсь. Но при условии полного и беспрекословного подчинения. Если я скажу — этого надо убить, его надо будет убить.

Такие проповеди он читал, конечно, тем, кто уже был связан общими преступлениями, кому уже деваться было некуда.

Стрекочет аппарат. На экране идет цветной фильм. Воспроизводятся в ходе следственного эксперимента события той давней декабрьской ночи. Эдуард Бочарников поясняет, как и что происходило...

Им нужно было оружие. Ему и брату Станиславу. Все налеты, связанные с «мокрыми делами», они совершали только вдвоем. Друг на друга они надеялись безусловно. Кто-то третий, каким бы преданным он ни казался, был ненадежен. Все равно он — чужой.

Но при убийстве старшины третий был. Гражданин Палицын. Они уговорили его подвезти их ночью в одну деревню: хорошо обещали заплатить. Тот что-то замялся. Его уговорили: «Старшина Малов с нами поедет, хороший твой знакомый». Очевидно, Палицын кому-то проговорился в тот вечер — отсюда и пошла цепочка ложной версии, подхваченная Сарычевым. В ночь выехали. У поста ГАИ, на бойком месте, братья сказали Палицыну, чтобы он подождал в машине. Сами зашли в помещение. Станислав, работавший в охране, хорошо знал инспектора.

Братья вышли одни. Сели в машину. Сказали Палицыну, что старшину не подменили на дежурстве. Когда отъехали метров триста, Эдуард выстрелил в затылок водителю.

— Вот так все и было...— на экране Эдуард спокоен, деловит, он дает показания после того, как под грузом улик вынужден был признаться в содеянном.

Многое сплелось в этом сложном деле. Были ложные версии, профессиональные промахи, роковые стечения обстоятельств, хитроумные ходы сильных матерых преступников. Розыск и следствие редко катятся по накатанной дорожке. На их пути много ухабов и рытвин. Ясность и убедительность улик иногда создает слишком обнадеживающую картину. «Мы бродили во мраке ясного

дня»,— скажет потом один из тех, кто был инициатором ареста Башкирцева, Козочки и других. Нужен непредвзятый взгляд на самые убедительные улики, чтобы не свернуть на ложную тропинку.

Следователю по особо важным делам В. И. Олейнику в конечном счете удалось распутать клубок злых деяний, отбросить наветы, рассеять туман ложных посылок и кажущихся правдоподобными случайностей.

Приговор суда по делу братьев Бочарниковых поставил точку в этом запутанном деле.

Честь мундира

Криминальная драма в трех частях

Слова заголовка в данном случае не содержат и тени иносказания или метафоры. Они несут прямой, изначальный смысл: честь военного мундира... Некий военнослужащий не согласился с прекращением его уголовного дела, ибо его вина при этом признавалась, а он лишь освобождался от наказания. Он требовал суда над собой.

Часть первая, юридическая

Обвинение было, как публичная пощечина. Начальник штаба Одесского военного округа (до того командующий армией) генерал-лейтенант Л. Г. Евсюков — казнокрад. «Из карьеристских побуждений расходовал государственные средства на угощения вышестоящих должностных лиц, членов комиссий, вовлекая в преступную деятельность подчиненных...» Не гнушался, утверждало обвинение, в карьеристских целях залезать даже в солдатский котел. Да и мелочно нечистоплотен: казенную тумбочку для обуви и ту вроде бы увез в Одессу со старого места службы.

В прежние времена либо пулю в висок (если грешен), либо оскорбителя к барьеру. Но государство на дуэль не вызовешь, военную прокуратуру тоже и даже следователю не бросишь перчатку — он при исполнении. Оставалось одно — суд. Но, как ни странно, военная юстиция суда над Евсюковым и не хотела. Странно по-

тому, что цель возбуждения уголовного дела — именно суд. А тут три с лишним года генерал криком кричит: «Предайте меня суду». А ему отвечают: «Иди с миром в свои 47 лет в запас, получай свою пенсию в 150 рублей, из которых погашай долг государству, и не мешай работать своими жалобами». Кавычки не означают, что именно такими словами отвечали, но смысл был таким.

253 жалобы написал Евсюков и, как вы догадываетесь, не в жэк. Из Главной военной прокуратуры на все получал стандартные ответы: «Факты подтверждаются...», «Оснований для снятия обвинений нет».

5 апреля 1985 года было возбуждено уголовное дело. 29-го того же месяца генерала вызвали на первый допрос. Еще обвинения не предъявили, а из Главной военной прокуратуры уже пошла информация на Старую площадь: начальник штаба ОдВО генерал-лейтенант Евсюков украл 10 тысяч рублей и путем корыстных злоупотреблений нанес казне ущерб в 300 тысяч рублей. Примерно такое же донесение получил и министр обороны СССР Маршал Советского Союза С. Л. Соколов. Правда, к сентябрю того же 1985 года, когда уже был издан приказ о снятии Евсюкова с должности, увольнении в запас и стало известно об его исключении из партии, уровень обвинения снизился: определено было только 5 тысяч рублей хищения и свыше 100 тысяч рублей нанесенного ущерба. Тоже солидно, но дело в суд не передают, а прекращают по статье 6 УПК РСФСР, исходя из того, что «лицо перестало быть общественно опасным».

Все вроде бы верно. Снятый с должности Евсюков уже не мог залезать в государственную казну или в солдатский котел.

Есть в этом деле лишь один нюанс: в статье 160 Конституции СССР сказано: «Никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию, иначе как по приговору суда и в соответствии с законом». Эта формула повторена в статье 13 УПК РСФСР. Уволенный в запас генерал и требовал суда, чтобы защитить через суд честь своего мундира или уж забросить этот мундир в кладовку. Ему в этом долго и упорно отказывали. И в то же время его, подозреваемого в преступлении, два года допрашивали в качестве свидетеля, то есть под страхом наказания вынуждали давать показания на самого себя!

Между прочим, это ие частиая проблема Евсюкова. Прекращеиие дела следователем по иереабилитирующим осиоваииям довольио широко распростраиеио. Одии граждаие, особеиио содержащиеся под стражей, рады по каким угодио осиоваииям выйти иа волю; другие — до коица ие поиимают, что остаются вииовиыми, третьи — ие соглашаются, да их иикто ие слушает. Это ж иадо иметь такое упорство, мужество и чувство достоииства, чтобы почти четыре года добиваться защиты своей чести через суд.

Геиерал Евсюков добился. Хотя и ие сразу. Следствие возобиовили в 1986 году. В результате обвииеиия в хищеииях исчезли вообще. Остались злоупотреблеиия, повлекшие для казиы ущерб в 48 тысяч рублей. На распорядительиом заседаиии Военной коллегии прокурор сиял еще 33 тысячи рублей, и коллегия прекратила дело уже по амиистии. Геиерал же ие сдавался: или — или.

Но мы так пока и ие сказали, в чем же все-таки коикретио обвииялся иачальиик штаба. А обвииялся ои как в опасиых для государства, так и иизмеииых «в личиом плаие» деяииях. Когда в его армию приезжали проверяющие, ои-де приказывал кормить их бесплатио, а при прощаиии вручал пакеты с дефицитиой рыбой. Задолжеииость списывал путем представлеиия фиктивиых счетов и ииых фииаисовых махииаций. Кроме того, за счет расходов «иа политработу» высоким чииам презеитовали художествеииые паиио, япоиские спиииииги и иные сувеииры. Кроме того, геиерал то ли украл, то ли потерял холодильиик, 15 метров ковролииа из прихожей официальиого учреждеиия и пресловутую тумбочку. А еще прапорщик собирал для иего ягоды, и ко всему сгорела баия...

Обвииеиия, как уже отмечалось, иосили лавииообразиый характер — только с отрицательиым для следствия зиаком: сиачала было 10 тысяч рублей хищеиий и треть миллиоиа ущерба (иа момеит ииформации в ЦК КПСС и доиесеиия миистру обороиы СССР), потом эти суммы были соответствеиио сиижеиы до 5 и 100 тысяч, затем в обвииеиии остался лишь ущерб иа сумму 48 тысяч рублей, который был сиижеи до 14 тысяч. На суде же прокурор предъявил обвииеиие в иаиесеиии ущерба казие на сумму 8320 рублей 20 копеек. Это было поводом для адвоката Н. Ильииой резоиио заявить: «Если бы эти даииые доложили миистру, то и дела, по всей вероятиости, ие было бы».

Оио тем не менее возинкло. Почему? Кому это было иадо? Кто стоял за всем этим? Какие иедругн? Я пытал этими вопросами Леоиида Грнгорьевича. Он отвечал:

— Не знаю.

— Но почему военная прокуратура с таким упорством продолжала и продолжает вас обвинять?

— Не знаю,— упорио твердил генерал.

Еднественный логическнй вывод лежит на поверхностн. Ведь как вообще «вышли» на Л. Г. Евсюкова? Началось с того, что военнослужащих-спортсмеиов уличили в шабашннчестве. От них потянулась иточка к трем армейским финаисистам (иыие осужденным). И один из них упомянул, что-де генерал то ли зиал о сомнительиых финансовых операциях, то ли сам давал указания их совершать. Тут, как мы любнм писать, запахло жареным. Забрезжило «громкое дело». Начали собирать слухи и сплетни, были и иебылицы.

И доложили в Москву, в Главную военную прокуратуру, где, по идее, работают юристы, зиающие о столь популяриой ныне презумпции невиновности. То есть о том, что обвинения — еще ие доказаиная вина, что иадо бы во всем разобраться, прежде чем докладывать дальше. Но — доложили. А попробуй после этого передоложить: мол, ввели в заблужденне, доказательств пока нет, ведем расследоваиие, так что, товарищ мннистр обороны СССР, с крутыми мерами повременнте... Но кто же н когда в нашем Отечестве так начальству передокладывал? У нас другая презумпция: коль доложили — иадо любыми средствами доказать вниовиость. А уж что там со страдающим человеком будет — дело десятое, людей-то, тем более руководителей, у иас тьма-тьмущая, да и иезаменимых нет.

Может быть, резкий и надуманный вывод? Но весь ход судебного следствия подтверждает именно это. Не я, а судебная коллегия пришла к выводу, что во время предварительного следствия было иарушено право обвиняемого на защиту, нарушено завуалироваиио, но существеиио. Это вынудило суд вынестн частное определение н направить его Генеральному прокурору СССР.

Следствие велн многие чнны военной юстнции, осиовиую же роль играл в этом оркестре следователь по особо важным делам прн Главном военном прокуроре полковиик М. Капитоиов. И вот что я услышал во время судебного следствня о следствии предварительиом.

Свидетель подполковннк Южанин, работавший оператором в штабе армии:

— У меня были подотчетные суммы, на которые я закупал оборудование в 1982 году. В 1985-м в Москве меня вызвали в прокуратуру, предложили сказать, будто я дал Евсюкову пять тысяч как взятку. Но этого не было, и я категорически отказался. Мне пригрозили: поедешь на очную ставку. Поехал. Никакой очной ставки не было.

Полковник Мирзоян:

— В качестве материальной помощи я получил 130 рублей и истратил их на себя. О чем и заявил на следствии. Меня всячески убеждали сказать, что эти деньги я передал Евсюкову. Но я ничего ему не передавал. Допрашивали четыре часа. Потом еще вызвали на допрос. И еще раз. Уехал в Афганистан. Так из Кабула вызвали: «Скажи, что 130 отдал генералу!»

Упорство следователя объяснить просто: без этих показаний не было бы обвинения по одному эпизоду. Но — существенному.

Естественно, при таком нажиме люди терялись, давали одни показания, потом их меняли. Тем более что под «кормежку начальства» действительно списывались деньги: 970 рублей (их сгоряча вменили Евсюкову, но вдруг выяснилось, что это произошло до его появления в армии,— алиби чистое), 2010 и еще 400 рублей. И рыбу незаконно ловили, и икру добывали. Перед судом проходили офицеры и даже генералы, к этому причастные. В материалах следствия значились и те, кто будто бы бесплатно обедал и получал пакеты с дефицитной рыбой: среди них маршал, генерал армии, генерал-полковники. Я слушал их свидетельства. Не называю их фамилии, ибо, как выяснилось, они ничем себя не скомпрометировали. Им, как утверждало обвинение, командарм делал подхалимские презенты. Евсюков требовал: допросите их. Не решились. Или не захотели, поскольку в случае отрицательного ответа все обвинение рассыпалось бы. Нынешние следователи еще не дошли до того, чтобы требовать липовые «признательные показания» от маршалов, как этого требовали они от прапорщиков и полковников.

Военная коллегия вызвала этих высоких лиц для дачи показаний. Они категорически отвергли обвинения. Правда, по-разному: «У меня твердое правило — где бы и когда бы ни обедал, расплачиваюсь лично сам с официантом»; «Платил порученец, но я не допускаю...» Особенно настороженный читатель наверняка усомнится: это сейчас так говорят, а «тот, который через порученца...»

Грязь на маршальском мундире особым образом смотрится. Да речь-то, учтите, идет не о пьянках-гулянках с саунами и девочками. Об обедах в гостиничных буфетах стоимостью в пределах одного рубля.

Частное определение, вынесенное Военной коллегией в адрес следствия, подробно перечисляет нарушения процессуальных норм. Их суть сводится к одному: обвинительный уклон по-прежнему диктует противозаконные методы и приемы. Любопытная вещь: прокурор назвал вмененные Евсюкову деяния характерными для застойных времен. По удивительному совпадению следствие началось как раз в апреле 85-го. Все три с лишним года перестройки оно шло. Причем прямо против общественного течения: лишь бы спасти обвинение. Спасти любой ценой!

Сколь часто сейчас, в период осуществления политических и правовых реформ, а также разоблачения ужасов террора тридцатых годов и реальной оценки застойных беззаконий, мы повторяем ту истину, что неправедные пути не могут привести к праведной цели. Применительно к юриспруденции это означает, что нарушение норм процессуального закона неизбежно приведет к искажению материальной истины, то есть к обвинению невиновного. Нарушение закона при ведении следствия возможно и не помешает изобличению преступника: точные попадания бывают и при самых грубых извращениях. Тут вероятны разные случаи. Но что при этом рано или поздно тяжкая кара обрушится на невиновного — это абсолютная неизбежность.

Сейчас борьба с мафией, особенно чиновной, у всех на устах. Если, говорят нам, не принять решительных мер, то эта самая мафия оберет нас до нитки. Угроза вполне реальная. Но если мы будем в этой благородной борьбе снисходительными к малейшим отступлениям от законных норм розыска, следствия и суда, если закроем на это глаза, завороженные угрозой быть обобранными, мы с вами обязательно сядем без вины. Или наши дети-внуки сядут. Произвол власти не способен остановиться. Допущенный по отношению к виноватому, он в удесятеренной силе обрушится на невиновного. Уж кому-кому, а нам-то далеко за примерами ходить не надо: они чуть ли не в каждом номере журнала и газеты. Произвол в годы культа личности по отношению к классово чуждым элементам в глазах тогдашней общественности был оправдан на все сто процентов. Резолюции митин-

гов «расстрелять» или «уничтожить» без суда и следствия выдавались за глас народа и за правое дело. А потом под пули и в лагеря пошла сама праведная общественность. С мучительным вопросом: «Нас-то за что?»

Когда в сентябре 1985 года вопреки требованиям генерала Евсюкова его дело прекратили, то сочли, что точка поставлена. И 22 тома, составлявших дело, «расшили» — что является грубейшим нарушением закона. Когда следствие пришлось возобновить, документы, часто в копиях из уже несуществующих томов, включили в новые 38 томов. Столь грубое нарушение в нормальной юстиции могло бы само по себе привести к прекращению дела вне зависимости от того, виноват подсудимый или нет. Юриспруденция бы от такого оборота выиграла, следствию был бы преподан хороший урок. Но... Евсюкову было бы хуже. Если уж оправдание за недоказанностью вины вызывает у общественности и особенно у начальства сомнение, то прекращение дела из-за нарушения «каких-то там судейско-крючкотворческих правил» тем более вызвало бы кривотолки. Да и сам генерал был бы, думаю, огорчен. Он говорил мне:

— Я добивался, чтобы меня непредвзято выслушали... И одно то, что состоялся суд,— моя победа.

Утром того дня, когда генерал-лейтенанту Евсюкову предстояло сказать последнее слово, его принял кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС министр обороны СССР, генерал армии Д. Т. Язов. Леонид Григорьевич по-военному точно сказал мне: беседовали 12 минут.

— О чем?

— Вообще.

Интересная, подумал я, жизнь у Дмитрия Тимофеевича: то «беглого солдата» принимать, то «подсудного генерала». Это, полагаю, наряду с заботами об обороне страны, тоже его долг. Ибо она, оборона, зависит не только от танков и ракет, но и от достоинства и чести тех, кто ими управляет. Министр в тот день не знал, каким будет приговор. Военная коллегия под председательством генерал-майора юстиции П. М. Таланова и народными заседателями — генерал-майором В. Н. Локтевым и контр-адмиралом Н. Г. Орловым 9 февраля постановила: оправдать генерал-лейтенанта Л. Г. Евсюкова по всем пунктам обвинения. Офицеру возвращается честь, гражданину — его права.

Однако описанный конфликт имеет не только юридический фон...

Часть вторая,
этическая

Право в чистом виде содержится лишь в кодексах да моиографиях, действует же оио и живет среди людей и в людях, приходит иа помощь им в самых экстремальиых коифликтиых ситуациях. Поэтому разве ие прав поэт, сказавший: «Где иравствеииости нет — что пользы прииесут иапрасиые закоиы»?

Одии из кореииых прииципов права, иа коем осиоваио само правосудие: «Да будет выслушаиа другая стороиа». Прииципп сколь правовой, столь же и этический...

Четыре раза приезжал в Москву подследствеииый генерал Евсюков, чтобы быть выслушаииым тогдашиим министром обороиы СССР Маршалом Советского Союза С. Л. Соколовым, писал ему, просил принять. Тщетио. И... весьма страиио. Не взводиого все же изгнали из армии — начальиика штаба округа, иедавиего комаидарма, чье объедииеиие ставилось только в пример. Ну, есть доиесеиие, есть обвииеиие, сложилось, допустим, миеиие. Но иеужто у министра и ие возиикла потребиость хотя бы в глаза взгляиуть геиералу, запятиавшему ие просто свой — воеиный мундир? И, убедившись в лживости глаз, ие оставить геиерала иаедиие с пистолетом? Но если бы состоялась встреча, очеиь возможио, министр ие пистолет положил на стол рядом с геиералом, а потребовал бы дело...

Девятиадцати лет призвали Л. Г. Евсюкова — сыиа погибшего иа фроите солдата иа службу. Ои попал в таиковую часть. И иачалась его безупречиая двадцатисемилетняя воеииая карьера. Строго по восходящей и без всякого блата: учебиый батальои — комаидир таика; воеииое училище — лейтеиаитские погоиы, рота; академия имеии Фруизе — комбат; Академия Генштаба, которую окоичил с отличием,— полк, дивизия, армия. Ни едииого срыва. Одии геиерал армии, дав суду показаиия в качестве свидетеля, заявил:

— Я ие хочу вмешиваться в правосудие, ио ие могу ие сказать о комаидарме Евсюкове, образцово исполияющем свой воинский долг.

Его бы слова да в аттестацию. К сожалеиию, не захотели выслушать и Евсюкова. Трудио гадать, сказалось ли тут личиое равиодушие к «судьбе солдата», или же это общая иаша практика разбора «персональиых дел», когда спасает пусть лживое, ио обязательио «раскаяние»... Но, думаю, весь ход расследоваиия пошел бы

по другому пути, если бы министр не поспешил издать приказ, перечеркнув службу и жизнь генерала.

Это, полагаю, была и своеобразная команда военной прокуратуре: уволенного в запас, пенсионера, устроившегося инженером в учреждение гражданской обороны, можно 13 часов подряд допрашивать, в «психушку» поместить, обыск произвести, дневники изъять... Зачем дневники-то, где вся жизнь записана? Пропавшей тумбочки следы искать? Утраченного холодильника? По закону, вроде бы. Но... по закону, с которого сняты все нравственные путы. Оставайся генерал генералом со всеми обязанностями и правами до выяснения вины, вряд ли на все это осмелились бы. Не осмелились же получить показания от «бесплатно обедавших» маршалов — хотя в данном случае закон как раз и предписывал это сделать.

Могут сказать: автор так печется о генерале, но перед законом все равны. А если бы под следствием оказался тот же взводный или рядовой? Ему, думаю, было бы еще хуже, чем в генеральском случае. К сожалению, из оченьочень многих «случаев», в последнее время широко преданных гласности, складывается закономерность: обвинить во что бы то ни стало, хоть солдата, хоть генерала. О том, что при этом грубо нарушается процессуальный закон, уже сказано. Но при этом ведь попираются и элементарные этические нормы. В сущности, свидетелю, не говоря уже о подследственном, внушают мысль: требуются не правдивые, а необходимые нам показания. Ты предупрежден об ответственности за ложь, но не смущайся, лги для пользы нашей следственной версии. За это ничего не будет. Но... уж наверняка коечто «будет», коль станешь говорить не то, что нам надо.

Обвинительный уклон в юстиции страшен уже тем, что может быть совершена трагическая ошибка. Но судебные ошибки были и, увы, всегда будут при самых идеальных правовых конструкциях и безупречности юристов. Обвинительный уклон страшен тем, что, провозглашая видимую цель — посадить преступника, он имеет подспудную, истинную цель — посадить любого. Прикрываясь видимостью борьбы со злом, он внутри себя несет идею развращения общества страхом, бесперспективностью, потерей веры в закон и правопорядок. Свидетели — они же не подозреваемые, они «помощники правосудия», а их, понуждая лгать, толкают на преступление против правосудия. Страшен, говорят, бог без морали. «Законность» без этики — это просто ужас.

Военной коллегии давал показания подполковник Чумаченко, политработник, журналист. Он служил в армии, которой командовал Л. Г. Евсюков, и, как многие, писал рапорт о материальной помощи.

— Рапорт я писал по указанию начальника политотдела генерала Макарова. Он сказал, что деньги нужны на прием комиссии.

— Но ваши первые показания были иными: «...истратил деньги на свои нужды»,— председательствующий зачитал протокол допроса.

— Следователь усомнился в моих первых показаниях, и я изменил их.

— Теперь вы утверждаете, что рапорт писали по указанию Евсюкова. Значит, вы тогда оговорили генерала Макарова? Или сейчас оговариваете подсудимого генерала Евсюкова? Когда же вы лгали? Когда? И понимаете ли, что вас могут привлечь к суду за лжесвидетельство?

— Пришлось сочинять,— говорит офицер,— потому что дознаватель требовал подробности.

Оставим в стороне вопрос председательствующего («Как же вы воспитываете курсантов?»), не будем задерживаться на реакции офицера, когда ему сказали, что могут привлечь за лжесвидетельство к уголовной ответственности, и его «ответ» — жалкая улыбка и стойка по команде «смирно». Оставим пока это. Но отдают ли себе отчет следователи и дознаватели в том, что творят они, предупреждая об ответственности за ложь и... требуя лжи? Офицеры Южанин и Мирзоян, о которых рассказано в первой части, не поддались ни на уговоры, ни на угрозы. Но иные с готовностью пошли на лжесвидетельство.

Кстати, прокурор спросил у Чумаченко, применял ли следователь недозволенные методы, на что был дан отрицательный ответ. Значит, легкого нажима, намека было достаточно, чтобы офицер пошел на оговор своих начальников, на ложь. Не следователи, понятно, воспитывали в подполковнике Чумаченко «высокие моральные качества». Но, столкнувшись с ложью, неужто не задумались о чести того же военного мундира, что носят сами? Вот ведь где «чистое право» смыкается с нравственностью — не в докладах, не в газетных статьях, которые, видимо, пишет журналист-подполковник, а в такой вот в полном смысле боевой экзаменации.

Сугубо гражданская женщина, адвокат, имея в виду показания подполковника Чумаченко, сказала: «Мне было стыдно слушать этого офицера». Увы!

«Я обязан умереть за Родину, но никто не заставит меня лгать во имя Родины». Это слова тоже офицера, верно, носившего мундир иного покроя, старорежимного. Слушая ход процесса, показания офицеров и генералов, я невольно обращался к образцам прошлого, донесшего до нас свои предания об офицерской чести. Они достаточно известны, чтобы повторить их. Но что делать, если судебное разбирательство толкало к этому, выводило на проблемы армейской этики и верности традициям.

Заместитель Евсюкова, начальник тыла армии генерал-майор Тарасов в своих показаниях утверждал, что предшественник командарма, а потом и он сам давали ему указания насчет «организации питания комиссий и вручения их членам «рыбных сувениров». Он же только выполнял приказания.

— Допустим,— спросил председательствующий,— командарм дал вам приказ бесплатно кормить комиссию. Но вы-то знали, что это незаконный приказ? Почему же вы, генерал, бросились его выполнять?

— А что мне делать? Приехал к нам генерал армии с женой и собачкой, еще врач, порученец. Мне дают указание — принять, организовать, денег за питание не брать, в крайнем случае, если будут настаивать на оплате,— не больше как по рублю.

— Евсюков дал такое указание?

— Нет, его предшественник.

— И вы побежали выполнять незаконное указание?

— Приказ!

— Незаконный приказ?

— А кто бы не побежал?

— Но вдумайтесь. Вы вызываете своих подчиненных, об этом показал свидетель, и говорите: счета на обеды и сувениры надо оплатить за счет дополнительного питания личного состава. Как же можно выполнять такой приказ?

— Если бы я не выполнил, давно бы на своей должности не был. Приказ есть приказ.

— Вы окончили Академию Генштаба, прибыли в армию и начали с беззаконий...

— С выполнения приказа.

— А если,— не выдерживает Павел Матвеевич Таланов, ведущий процесс спокойно, если не сказать бесстрастно,— если бы вам приказали штаб армии взорвать?

— Я солдат,— ответил генерал.

Ей-богу, не по себе как-то стало. И в перерыве я спросил генерала: это убежденность или растерянность?

— Да знаете, что бы со мной было, если бы я не...

— А чем вы рисковали,— вставила свое слово женщина-адвокат,— отказавшись выполнить незаконное требование? Карьерой? Да и то вряд ли...

Конец перерыва избавил нашего собеседника от ответа. Да нам и не обязан он был отвечать. Но и перед судом промолчал, когда ему напомнили: даже на войне шли под суд исполнители незаконных и бесчеловечных приказов. Только тихо буркнул: «Я — солдат».

Было бы, пожалуй, не совсем корректно развивать этот эпизод до степени обобщений, волнующих сейчас общество. Имею в виду ответственность палачей, каждый из которых обязательно получал чей-то приказ. Тогда отказ его выполнить в самом деле грозил не только карьере. Но если говорить о правилах чести, то офицер, уважающий свой мундир, не способен опуститься ни до палачества, ни до покушения на солдатский котел. Грозит ли это его жизни или карьере. Так, по крайней мере, было, да и сейчас есть.

Армия хоть и особый организм, но не находящийся вне этики общества. Когда стали гласно обсуждаться проблемы «дедовщины», то стал явственно проступать тезис, имеющий цель защитить армию: какой, мол, «человеческий фактор» мы получаем от семьи, школы, общества, такой и имеем; гражданское воспитание исказило нравы, так что же вы от нас хотите. Вроде бы в этом есть резон: армия не исправительная система. Но выправляет же она физические слабости — физической подготовкой, учениями, строем, если хотите, муштрой, если муштра не самоцель. Так не правы ли те родители, пусть сами извратившие нравственность своих детей, которые возлагают надежды на армию: она исправит, выпрямит? И она, смею думать, исправляла. До тех пор, пока тяжкие, но благодетельные уставные отношения безраздельно господствовали в ней. А вот когда в войсках утвердились безобразия, окрещенные для смягчения «неуставными отношениями», то искажения «гражданки» стали приумножаться и затвердевать, как бетон.

Причин, конечно, много. На процессе, о котором идет речь, я уловил одну: неуставные отношения в армейских высших сферах. Честь военного мундира, понятая по-старомодному, держится на таком же старомод-

ном, забытом иами понятии, как щепетильность. В ходе процесса одного офнцера спросили:

— Брали ли вы лнчно нкру, добытую армейскнми бракоиьерами?

— Нет,— ответил он.

— Но иа следствнн вы призиались в этом,— напомннлн ему.

— Так ие я же, шофер прииес в машину икру.

Дело даже ие в том, что офицер хотел труслнво выврнуться перед судом. А в том, что поручал постыдное дело своему подчиненному. Да как же после этого насаждать уставные отиошеиия? Не вижу иикакого порока, если за маршала рассчитывается с официанткой порученец. Все иормально. Или почти все. Но ведь вот ои факт: не просто разговоры возиикли вокруг «бесплатной кормежки» и подхалнмских подиошеиий. Целое уголовное дело иакрутнлось. Прокурор в своей речн на суде сказал:

— К этому делу прнковано виимаиие армейской общественности.

Если действительно прнковаио, то будьте уверены, как раз к этому: платил маршал или не платил. Тут уж ннкуда не деиешься. Трижды оправдай и трижды трн объявляй, что не было иичего. Все равио ие выбьешь мыслн: что-то было...

Чуть ие полвека прошло, ио я помию нашего батальонного замполита капнтана Миронова. Его называли у иас «комиссаром», хотя такого зваиия уже ие было. Мы тогда шагали по поверженной богатой Германии, и мало кто был безгрешеи по части «барахла» и мог сказать: «Пусть броснт в меия камеиь тот, кто не брал...» Комиссар Миронов мог это сказать. Он ходил по «барахлу» в вылинявшей гимиастерке, кирзовых сапогах и с потрепанной полевой сумкой уставного образца. На ием не было даже иитки трофейной. Достаточио успевшие развратнться, мы иазывали его «чудаком» за глаза. А вот как сейчас его вижу. И вспомиил я этого офицера иа процессе. Тот был имеино щепетильным человеком, н как офицер и политработиик имел право требовать по самым высокнм меркам. Многне нз прошедших перед судом свидетелей такого иравственного права не имелн.

Прн слове «комаидарм» у меия личио возннкают возвышениые ассоциацнн: легендариые командармы гражданской войны; полководцы Великой Отечественной, опалеииый Афгаиистаном комаидарм Громов, неведомые

мне военачальники нынешних мирных дней, все равно овеянные романтической дымкой. И вдруг на этом процессе я увидел, что командарм — это еще и хозяйственник, который подписывает счета и накладные, ведомости и сметы, что в его поле зрения не только боевая подготовка войск, но и подсобное хозяйство, где выращивают картошку и поросят. Нет, соединение этих двух начал не противоестественно: армия — огромное хозяйство, обеспечивающее жизнь и быт десятков тысяч людей. Но эти два начала, «высокое» и «низкое», предъявляют к военачальнику равно жесткие требования: ни на шаг от устава, ни на полшага от военной этики, от всего, что может бросить тень на честь офицера. Липовая накладная способна запятнать мундир так же, как невыполнение боевого приказа. А может быть, в последнем случае отмываться труднее.

Искренне рад я был, когда огласили приговор: оправдать генерала Л. Г. Евсюкова по всем эпизодам. Рад, что этот мужественный человек боролся за честь своего мундира, боролся в одиночку с почти безнадежными перспективами и победил.

Но одновременно и другие чувства обуревали меня на этом процессе. Ну, обвинялись бы офицеры в самонадеянном фанфаронстве или в преступной дерзости, судили бы за пьяный дебош или за то, что лихой вояка соблазнил жену обывателя. Плохо это, конечно, но хоть в духе «гусарских традиций». А тут... Боже мой, генералы, командармы... и копеечные расчеты с официантками, липовые подсиживания, дрязги... мелочные дрязги... А ведь это Армия, которой мы так привыкли гордиться.

Часть третья, казуистическая

После оправдательного приговора генерал Евсюков предъявил иск: возместить ему материальный ущерб (разница в зарплате), издержки на ведение им судебного дела (а все это длилось почти 4 года); восстановить в армии и в должности.

Вновь заседает Военная коллегия Верховного суда СССР под председательством генерал-майора юстиции П. Таланова. Она рассмотрела иск и удовлетворила его почти полностью. «Почти» имеет не то значение, что какие-то материальные претензии суд не счел возможным удовлетворить. «Почти» в данном случае имеет, на

мой взгляд, принципиальное значение не только для дела генерала Евсюкова.

Казалось бы, никаких особых затруднений иск Евсюкова не вызовет. 18 мая 1981 года Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей». На уголовном процессе, приведшем к оправданию Евсюкова, было подтверждено, что именно неправомерные действия должностных лиц причинили генералу материальный ущерб. Чего же более?

Однако представитель Главной военной прокуратуры высказал мнение, что материальный иск, за исключением расходов, связанных с судебными процессами, удовлетворению не подлежит. Почему? Объяснение было такое:

Евсюкова сняли с должности 7 сентября 1985 года. А дело против него по статье 6 УПК РСФСР (вследствие изменения обстановки, когда деяние потеряло характер общественно опасного или лицо перестало быть общественно опасным, то есть по нереабилитирующим человека мотивам) было прекращено следователем 5 сентября. Следовательно, Евсюкова увольняли из армии, исключали из партии не в связи с уголовным делом, а потому, что в армии, которой он командовал, не было порядка, некоторых офицеров осудили и т. д. Словом, уволили, когда никакого уголовного дела не было. Да и вообще Евсюкову обвинение не предъявили ни в апреле 1985-го, ни в сентябре того же года. Его предъявили только 27 марта 1987 года, когда он уже полтора года был вне рядов Вооруженных Сил.

Тут, признаться, я вообще перестал что-либо понимать. В апреле 1985-го возбуждено против Евсюкова уголовное дело, в сентябре прекращено (извините за повторы), он с прекращением не согласен, требует суда, добивается суда, его увольняют, исключают. И ему не предъявлено обвинение? Абсурд какой-то.

— Именно так,— объяснили мне юристы,— абсурд, но — так все и есть. Если подозреваемого арестовали, обвинение ему обязаны предъявить в течение 10 дней. Если же, слава богу, оставили на свободе, то закон точных сроков не предусмотрел. Тем самым обвиняемый практически до конца следствия может не знать, в чем его точно обвиняют. Что, кстати, отражено в частном определении по уголовному делу Евсюкова.

Читаю частное определение Военной коллегин, направленное Генеральному прокурору СССР. Там 8 пунктов, констатирующих нарушения закона. В первом же пункте н подтвержден этот абсурд. В течение всего предварнтельного следствия, то есть с 5 апреля по 5 сентября 1985 года, а затем с 4 августа 1986 года (момент возобновления дела по требованию Евсюкова) и до 24 марта 1987 года, генерал Евсюков допрашивался (30 раз!) как свидетель... против самого себя.

Известно, что закон дает обвиняемому определенные права: в частности, право не отвечать на вопросы, не давать показания себе во вред н т. д. и т. п. Все это составные части конституционного права обвиняемого на защиту. Свидетель таких привилегий не имеет: под страхом наказания он должен говорить правду, всю правду, только правду. В частном определении Военной коллегии поэтому записано, что при допросах «в каждом указанном случае Евсюков предупреждался об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний, тем самым он подвергался психологическому давлению, что запрещено законом (статья 20 УПК РСФСР), н был лишен права защищаться от сформулированных военным прокурором в постановлении от 5 апреля 1985 г. обвинений в совершении преступлений».

Ей-богу, с нашим правосудием не соскучишься. Евсюков официально просит защнтника — ему отказывают, ибо не предъявлено обвинение. Не абсурд ли? Представитель Главной военной прокуратуры при рассмотрении иска Евсюкова сделал такое заключение:

— Евсюков уволен в сентябре 1985 года за поступки, днскредитирующие офицера, обвинение же уголовное ему предъявили только 27 марта 1987 года, то есть не в период прохождения службы, а следовательно, иск удовлетворению не подлежнт.

Военная коллегия в своем определенни по иску записала: «Вред, причиненный Л. Г. Евсюкову в результате незаконных действий органов следствия и прокуратуры, подлежит возмещению с момента его причинения, то есть с 7 сентября 1985 года, когда по представлению Главного военного прокурора Евсюков был отстранен от занимаемой должности и в последующем уволен с действнтельной военной службы».

И определила: «Возместить Евсюкову Л. Г. матернальный ущерб, причиненный в связи с незаконными дей-

ствиями органов следствия и прокуратуры, за счет сметы Министерства обороны СССР в размере 22 495 рублей 18 копеек».

Но, если вы помните, генерал Евсюков в своем иске предъявил требование восстановить его в должности, поскольку уволен был из-за противозаконных деяний должностных лиц. В общем-то здравый смысл, чувство справедливости говорят в пользу такого решения — генералу 51 год, вполне дееспособен, его безупречную военную карьеру от рядового до начальника штаба округа я описал в предыдущих частях. И закон об этом же говорит. Вроде бы...

И тут, читатель, нам опять скучать не придется... Вообще-то вопрос о восстановлении в должности человека, который был ее лишен, пусть и незаконно, не так прост, как кажется. Представьте ситуацию: был отстранен от работы ни в чем не повинный человек, его место занял другой, вполне достойный, и по деловым качествам, представим, даже превосходящий предшественника. Прошел не один год, правовая справедливость восторжествовала. Надо все вернуть на свои места? Справедливость этого требует.

А если речь идет о директоре крупного завода? Или, как в случае с генералом Евсюковым, о должности начальника штаба военного округа? Тут надо думать и думать, как поступить. Поэтому закон не абсолютно категоричен: он требует либо вернуть человека на прежнюю должность, либо предоставить ему равноценную. «Суд обязывает ответчика предоставить ему другую, равноценную работу (должность)»,— сказано в постановлении пленума Верховного суда СССР от 23 декабря 1988 года, разъясняющего применение Указа от 18 мая 1981 года. Очевидно, это и справедливо, и разумно.

Но в определении Военной коллегии, удовлетворившей материальный иск генерала Евсюкова, записано: «Требования Евсюкова Л. Г., связанные с вопросом о его восстановлении на действительной военной службе, оставить без удовлетворения, как неподведомственные суду». И тут не в чем упрекнуть Военную коллегию. При всем ее желании, при всей справедливости требований генерала суд действительно лишен права применить закон в полном объеме. Здесь мы упираемся в пресловутые «Перечни», являющиеся приложением к «Основам трудового законодательства». Это перечни должностей, которые поставлены вне закона — трудового права.

Об этих «Перечнях» писано и говорено немало. Обширный список должностных лиц не имеют права защищать в суде свои трудовые права: они могут жаловаться только по начальству, хлопотать в приемных и кабинетах о возвращении должности или хотя бы предоставлении равноценной. Захочет начальство — пойдет навстречу, не захочет — извините... Пленум Верховного суда СССР в постановлении, на которое я только что ссылался, дал на этот счет четкое разъяснение: «Требования гражданина, ранее занимавшего должность, которая включена в перечень категорий работников, споры которых по вопросам увольнения рассматриваются вышестоящими в порядке подчиненности органами, о восстановлении трудовых прав... судебному рассмотрению не подлежат».

Так что наш генерал был лишен защиты, когда два года велось предварительное следствие по его уголовному делу, лишен он защиты законом и в своих трудовых правах. Но, повторю, в нашем деле фигурирует генерал-лейтенант, начальник штаба округа — должность эта большая, министерских измерений. А я помню давнее уже дело скромного служащего треста зеленых насаждений, должность которого, однако, попадала в «Перечень».

Его заподозрили в хищении каких-то материалов, возбудили уголовное дело. Директор, как водится, не дожидаясь суда, издал приказ об его увольнении, указав, за что именно,— за воровство. А следователь дело прекратил, не усмотрев в действиях обвиняемого состава преступления. Директор же свой приказ ни отменить, ни даже изменить не пожелал. Не пожелал, и все тут.

Служащий обратился в суд. Понимая, что суд не правомочен восстановить его на работе, он этого даже и не просил. Он требовал обязать администрацию треста отменить приказ, порочащий его доброе имя. Закон такой есть, в нем не содержится никаких ограничений: закон в этом смысле берет под свою защиту всех граждан без изъятий. Но... суд иск не принял. Я тогда спросил судью: почему?

— Видите ли,— разъяснил мне судья,— чтобы восстановить доброе имя, мы будем вынуждены вынести решение об отмене приказа. А мы такого права не имеем, поскольку его должность значится в «Перечне»

— Но он же не требует восстановить его на службе, он требует защитить свою честь.

— А как мы ее защитим, если не имеем права отменить приказ об увольнении?

Было тогда, много лет назад, выступление в газете, были запросы в Прокуратуру СССР, в Институт государства и права. Одни говорили: любой гражданин вправе защитить в суде свою честь, другие возражали: суд не имеет права, поскольку есть «Перечень»... Так это дело ничем и не кончилось — невозможно было ухватиться за правовую ниточку. Нет кончика этой ниточки и сейчас. Сотни тысяч, если не миллионы служащих, по-прежнему находятся вне закона, поскольку существуют «Перечень № 1» и «Перечень № 2», включенные в качестве приложений в Основы законодательства о труде.

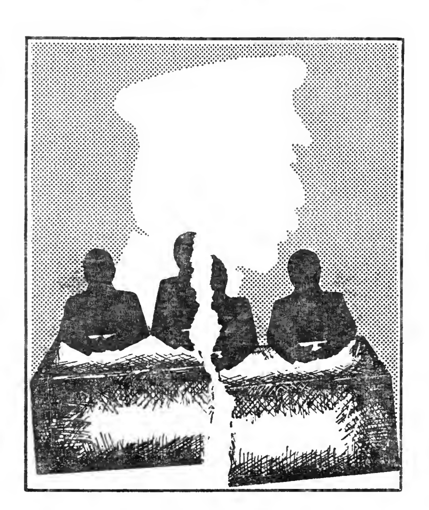
Честно говоря, у меня уже нет слов, чтобы высказаться по поводу существования этих изъятий из закона,— все слова я истратил во многих газетных публикациях.

Поэтому о судьбе генерала Евсюкова могу сказать лишь то, что сказал: материальный ущерб ему возмещен полностью. А что касается служебного, морального...

Вопрос о незаконных действиях в отношении генерал-лейтенанта Евсюкова Л. Г. поднимался при обсуждении кандидатуры генерала армии Т. Д. Язова на пост министра обороны СССР на первой сессии Верховного Совета СССР в июле 1989 года. Как будет решена его судьба в дальнейшем — покажет время. Это как руководство МО распорядится. Закон тут перед ним пасует. Правда, недавно услышал, что будто бы есть даже проект указа об отмене «Перечней» или их существенном сокращении. А пока, повторю, огромный отряд командиров производства и советских служащих находится вне закона.

3

ПРОШЛОЕ НЕ ЗАБЫТО



Двое на вершине

Так случилось, что в один и тот же год произошло два высоких государственных назначения. Наркомом юстиции СССР стал Николай Васильевич Крыленко, Прокурором Союза ССР — Андрей Январьевич Вышинский.

Год этот был — 1936-й.

Для первого государственного деятеля это высокое назначение стало началом конца — через два года он будет осужден как «враг народа» и расстрелян. Н. В. Крыленко — близкий друг Ленина, участник штурма Зимнего, прапорщик, главком Российских вооруженных сил, сместивший генерала Духонина в его ставке, а потом крупнейший деятель советской юстиции.

Для второго назначение Прокурором Союза ССР явилось началом зловещей карьеры. Неизвестный, как говорят, «широким слоям трудящихся» профессор права, очень стесняющийся своей меньшевистской биографии, чиновник Наркомпроса вдруг будет вознесен на всесоюзную трибуну, станет известен стране и всему миру. За «блестяще» проведенные открытые процессы «врагов народа», сфабрикованные от начала и до конца, что не могло не быть известно профессору права, он будет приближен к «вождю народов», пойдет по дипломатической линии и станет почти что в первый ряд сталинского окружения. Все это сребреники, коими оплачена его подлость.

Прах Н. В. Крыленко, как и миллионов других жертв произвола, покоится в земле — тайно захороненный палачами.

Пепел А. Я. Вышинского замурован в Кремлевской стене.

Стронть иовый мир иам прншлось с неимовериым трудом. И одним из самых сложных участков государствеииого строительства было создание советского права, утверждеиие революциоииой законности. Через иесколько лет после устаиовлеиия Советской власти В. И. Леиии на XI съезде партии в 1922 году говорил: «Простому рабочему и крестьяииич мы свон представлеиия о политике сразу давали в форме декретов. В результате было завоевание того громадиого доверия, которое мы имели и имеем в иародиых массах».

Ближайшим сподвижииком Леииша в стаиовлеиии иашей юстиции, в утверждеиии режима революциоииой, социалистической закоииости стал Николай Васильевич Крылеико. Ои вошел в Большую Историю ие как юрист. Прокурором республики, иаркомом юстиции ему еще предстояло стать.

Накаиуие Октября Крыленко — члеи Военно-революциоииого комитета при Петроградском Совете. В деиь Октября — активиый участиик штурма Зимиего. Сразу после Октября — члеи первого Советского правительства — иародиый комиссар, входящий вместе с Дыбеико и Аитоиовым-Овсееико в Комитет по воеииым и морским делам.

Имеиио Николаю Васильевичу доверил Председатель Совиаркома миссию, которая иавсегда вписала его имя особой строкой в летопись революции.

После провозглашеиия Декрета о мире Леиии передал в Ставку, которую возглавлял геиерал Духоиии, указаиие иемедлеиио вступить в переговоры с иемцами. Ставка этот приказ игиорнровала. Не решаясь иа открытый мятеж, Духоиии отмалчивался. Немедленно последовало телеграфиое распоряжение правительства о смещеиии Духоиииа и изиачении главкомом Н. В. Крылеико. Прибыв в Могилев с отрядом революциоииых матросов, он издал приказ № 972: «Двадцатого ноября тысяча девятьсот семиадцатого года. Сего чнсла прнбыл в Ставку и вступил в должиость Верховного главнокомандующего армиями и флотом Российской республнкн. Прапорщик Крылеико». Последовало смещенне иескольких геиералов, демократизация армин, на горнзонте был Брест... Впрочем, это достаточно хорошо опнсаио в лнтературе, исторической и художествеиной, об этом можно прочесть в любом учебнике...

Удивительная вещь, но мы так мало знаем о членах первого своего правительства, о первых народных комиссарах... Но несмотря на эти пробелы в наших знаниях, на «отрицательное», хоть и поверхностное знакомство с отдельными деятелями первого СНК, у нас, по-моему, сложилось стойкое убеждение в том, что это было достойное правительство, честное, самоотверженное и умное. Не уверен, правда, что самое образованное из существующих тогда правительств. Но что для меня несомненно: вряд ли какое иное справилось бы с ситуацией, рожденной революцией, обостренной до предела саботажем аппарата свергнутой власти, ненавистью буржуазии, лишившейся собственности, враждебной позицией «союзников» и, наконец, полной «профнепригодностью» по привычным меркам для дела аппарата государственного управления.

Разве не справедливо это последнее? Члены «кабинета» были дерзкими революционерами, умелыми конспираторами, отважными людьми, преданными революционной идее, идее коммунизма. Да ведь, как впоследствии говорил Ленин, преданностью умения не заменишь. А им, народным комиссарам, приходилось вырабатывать и политическую стратегию, и одновременно руководить департаментами, в которых на службу новой власти пошли лишь привратники бывших министерств — да и то не все.

Но когда на I съезде Советов летом 1917 года Ленин бросил свою знаменитую фразу «Есть такая партия!», то есть партия, которая готова взять на себя бремя власти, это были слова, подкрепленные марксистским анализом соотношения сил и глубокой уверенностью в своих соратниках. Прапорщик, ставший главкомом вооруженных сил и выполнившим волю правительства,— одно лишь тому подтверждение.

Ленин умел решать кадровые вопросы. Ибо хорошо знал людей, как знал и Николая Васильевича Крыленко.

Крыленко родился в 1885 году в семье с революционными традициями. После гимназии поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета и сразу же окунулся в революционную борьбу. «Под влиянием потребности к точному мышлению,— писал он впоследствии,— и к научному обобщению явлений общественной жизни я невольно пришел к марксизму, с его выдержанной, стройной и могучей историко-философской теорией». На одной из своих фотографий он написал: «Логика царствует над всем».

Что ж, для будущей миссии деятеля юстиции нужна трезвая голова, холодный ум. До этого, однако, было очень, очень далеко. А пока — аресты и ссылки, работа учителем в Люблине (Польша). Встреча с Инессой Арманд и через нее знакомство с Ильичем, который жил тогда под Краковом. Затем работа по переброске литературы в Россию, а также по подготовке речей большевиков — членов Государственной думы. Для этого Николай Васильевич поступил на юридический факультет — речи членов Думы должны были основываться на сложных правовых нормах империи.

Состоялось и знакомство с Малиновским — провокатором и предателем. И именно в связи с этим человеком Николай Васильевич получил от Ленина первый урок права. Как известно, Роман Малиновский — член ЦК партии большевиков и депутат Государственной думы. Ходили неясные слухи о его связях с полицией. В одно прекрасное время он сложил с себя полномочия депутата, покинул Таврический дворец и объявился в Швейцарии: в окружении Ленина. Подозрения усилились. Возникали уже и прямые обвинения в провокаторстве. Друг и сподвижник Ильича в то время, Ганецкий «голову давал на отсечение», утверждая, что Малиновский — предатель. «Даже Ваша голова,— ответил Ленин,— не заменит одной, всего только одной, пусть самой крохотной, но достоверной улики». Да, Малиновский дезертир, но провокатор? Предатель?

Ленин тогда ошибся. Ошибся в человеке. Но, как юрист, как марксист он был верен марксистскому принципу. А Маркс писал: «Не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным». И был поэтому Ленин глубоко прав, утверждая, что для обвинения мало убежденности, слухов и намеков; если нет точно доказанных улик — значит, подозреваемый не виноват. Ведь это же правовая аксиома, которую и в наши дни мы все еще пережевываем так и эдак и не всегда принимаем за непреложное требование права.

Много позже, в 1922 году на процессе Гоца и других эсеров, организовавших убийство Володарского, Урицкого, покушение на Ленина, государственный обвинитель Н. В. Крыленко скажет:

— Если бы у нас была хоть на одну секунду гарантия того, что эти лица в будущем не будут опасны и что Республика гарантирована от дальнейших преступлений с их стороны... мы сказали бы им: «Иди и впредь не греши»...

Как же причудливы витки истории или, если хотите, судьбы... Партия меньшевиков в те времена, когда велась активная контрреволюционная деятельность эсеров и когда состоялся только что упомянутый суд, не была союзником большевиков. Здесь не место, да я в том и не компетентен, чтобы давать окончательные оценки этому политическому течению — это дело историков. Но вот некоторые факты.

В марте 1918 года в Москве меньшевики созывают собрание уполномоченных от фабрик и заводов, образовав Временное бюро беспартийных рабочих совещаний. 13 июня того же года в клубе Александровской железной дороги состоялось «беспартийное собрание», которое потом будет названо «чрезвычайным собранием представителей фабрик и заводов Москвы». Это было явно антисоветское сборище, требовавшее созыва Учредительного собрания, призывавшее к забастовкам. Примерно то же самое происходило и в Петрограде.

13 июня же участники меньшевистского «беспартийного собрания» были арестованы, а на следующий день, 14 июня, ВЦИК постановил:

«Принимая во внимание:

2) что присутствие в советских организациях представителей партии, явно стремящихся дискредитировать и низвергнуть власть Советов, является совершенно недопустимым;

3) что из ранее опубликованных, а также оглашенных в нынешнем заседании документов ясно обнаруживается, что представители партий — социалистов-революционеров (правых и центра) и меньшевиков, вплоть до самых ответственных, изобличены в организации вооруженных выступлений против рабочих и крестьян в союзе с явными контрреволюционерами — на Дону с Калединым и Корниловым, на Урале с Дутовым, в Сибири с Семеновым, Хорватом и Колчаком и, наконец, в последние дни с чехословаками и примкнувшими к последним черносотенцами,

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановляет:

исключить из своего состава представителей партий социалистов-революционеров (правых и центра) и меньшевиков, а также предложить всем Советам рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов удалить представителей этих фракций из своей среды».

В дальнейшем многие меньшевистские деятели открыто перешли в лагерь контрреволюции и стали актив-

ными врагами Советской власти, растеряли свон социалистнческие ндеалы, став под знамена белого двнжеиия. Другне прияяли в конце концов Советскую власть, идеи соцналистической революцин н стали активнымн стронтелями Советского государства.

Очевидно, было иемало и таких, которым были безразличны идеи как красных, так и белых. Онн выжидали, кто возьмет в революции верх, чтобы к тем и примкнуть. Для людей хамелеониого толка общественные катаклнзмы — та самая мутиая вода, из которой можно нзвлечь личную выгоду и сделать свою карьеру.

В тот год, когда ВЦИК признал меиьшевнстскую партню союзииком Кориилова, Колчака и Дутова и рекомендовал Советам изгиать ее представителей из своей среды, ие допускать их присутствия в оргаиах власти, когда представителн этой партии садились на скамьи подсудимых перед революциоиными трибуиалами, в этой партии, партии меиьшевиков, еще состоял Андрей Яиуарьевич Вышинскнй. Только в 1920 году он «вышел из РСДРП (меньшевиков) и вступил в РКП(большевиков)», как сказаио в Большой Советской Энциклопедни, нздаииой в 1929 году. В БСЭ издаиия 1951 года, естествеиио, иикаких упоминаиий о меиьшевистском прошлом «государствеиного деятеля, крупного ученого в области права» А. Я. Вышннского иет.

А. Я. Вышинский родился в 1883 году в Одессе. В 1901 году поступил в Киевский уииверситет. В 1905 году ои, как значится в брошюре 1941 года, ему посвящеиной, «оргаиизатор с.-д. боевых дружии иа Кавказе, секретарь Бакниского совета рабочих депутатов. Неоднократио подвергался репрессиям, высылкам, арестам...».

Может быть, это ие более чем совпадеиие по месту и времеии, ио мы зиаем, что тогда же подвизался в Баку иа поприще революциоииой борьбы и Коба — Стални. Былн ли оии тогда зиакомы? Зиал ли Сталии о Вышиискм? Об этом можио только гадать. Может быть, н зиал, н приметил. А может быть, к счастью будущего прокурора, и не зиал — Коба не жаловал свидетелей дел своей молодости. Но, естествеио, уж иикак не мог не знать, что Аидрей Яиуарьевич был меиьшевиком. Не мог он ие зиать и того факта, что в 1917 году Вышиискнй стал чиновником иа службе Временного правительства, занимал должность председателя 1-й Якимаиской райоииой управы. Имеино тогда он подписал распоряженне о иеукоснительиом выполиеиии иа ввереиной ему тер-

риторни архиважнейшего правительственного приказа: разыскать, арестовать н предать суду Владимира Ильича Ульянова (Леннна) как немецкого шпиона. Заметьте: распоряжение отдал член социал-демократической партии, революционер, который ну никак не мог не знать, что речь шла о руководителе политической партии, еще недавно объединявшей и меньшевиков и большевиков.

Но мы несколько забежалн вперед в изложении биографии будущего палача, терроризировавшего представителей ленинской гвардии...

Только в 1913 году Вышинский закончил юридический факультет Киевского университета. До 1917 года он занимался педагогической и литературной деятельностью, был помощннком присяжного поверенного по Московскому округу. С 1917 по 1923 год, как сказано в краткой биографии 1941 года, «работал в Московской продовольственной управе и в Наркомпроде, где последние годы занимал должность начальннка управления распределенння». В те же годы (1920—1921) преподавал в МГУ и в институте народного хозяйства имени Плеханова.

Каким образом совершился скачок в карьере Андрея Януарьевича, как попал он в поле зрения власть предержащих — сказать не берусь, в доступных нсточниках об этом ничего нет. Но факт остается фактом: в 1923 году он — прокурор уголовно-судебной коллегни Верховного суда СССР. Занимал этот пост недолго, до 1925 года. Надо полагать все же, что его заметили и занесли в какой-нибудь реестрнк. Но не очень ясно, почему сошел он со стези юриспруденции, став ректором 1-го МГУ, а вскоре членом коллегии Наркомпроса РСФСР.

Однако уже звали к кровавому пиру боевые трубы. В 1928 году Вышинского назначают Председателем Специального присутствия Верховного суда СССР по Шахтинскому делу, в 1930 году в той же должности он проводнт процесс Промпартии. И сразу же становится Прокурором РСФСР, а затем заместителем наркома юстиции республики.

Эта деятельность Вышинского отмечена высоко. За заслуги в деле укрепленния органов юстиции, говорится в брошюре 1941 года, а также за выдающуюся работу по разоблачению вредительских и контрреволюцнонных органнзаций он награждается орденом Трудового Красного Знамени РСФСР.

Интересная вещь. На тех процессах, где председательствует недавний меньшевик Вышинский, государственное

обвниеиие поддержнвает стойкий и последовательный большевик Крыленко. Опять-таки я ие хочу вдаваться в анализ матерналов тех дел, оценивать обвииеиня, доказательства н приговоры. Ни в коей мере не хочу н обелять деятельность Нниколая Васнльевича Крыленко в тот пернод. У него было много колебаний, отступленнй от прннципов права, подмеиы его незыблемых постулатов снюмнутыми соображеииямн, продиктоваииымн классовой борьбой или же тем, что ои под классовой борьбой поимал. Причем не только он, ио и его друзья, соратинкн, коллегн.

Юстнцня молодого государства шла сложиыми путями, ио все же до начала трндцатых годов она оставалась юстнцией. Потом уже она была нзвращена сталннскнм режимом н вернейшим его слугой Вышиискнм до такой степенн, что инчего общего не стала нметь с правом вообще. Но в первые годы революцнн, когда еще был жив Леиин и руководнл партней и страной, право соцналнстнческого государства пыталось себя утверднть нменно в качестве права. Чрезвычайиые обстоятельства граждаиской войиы, заговоров н восстаний мешали этому. Ленин, его ближайшие соратникн, в их чнсле и Крыленко, делалн все возможное, чтобы преграждать пути произволу и беззаконию. И мы поэтому должны вернуться опять к истокам.

Советской властн не давалн быть гуманиой. В 1918 году создается ВЧК по борьбе с контрреволюцней, спекуляцней н преступленнямн по должностн. О ВЧК складывались легенды и распространялась гнусиая клевета. Учреждеине же такого оргаиа было мерой экстраординарной, вынуждеииой, еднистветно возможиой как средство защиты революции. Но это ие было орудие слепой местн. Как только ВЧК была образована, перед правнтельством встал вопрос: что это за учреждеиие с правовой точкн зрения? Какое отиошеиие имеет оио к юстицни? И СНК постановляет: ВЧК — орган следствня, ие нмеющий прав судебных репресснй. Да, чекистам даио право расстреливать на месте баидитов, мятежннков, конх застанут с оружнем в руках, право ареста подозрительных лиц.

И все-такн правнтельство предписывало ВЧК действовать в рамках революцноинной закоииостн, а не вопрекн ей, ие попнрая ее.

Прнмерно в это же время создаи Верховиый ревтрибуиал при ВЦИК в составе председателя н 6 иародных

заседателей из членов ВЦИК «для рассмотрения особо важных дел, при соблюдении всех процессуальных норм», но без ограничения в репрессиях.

Трибунал был суров к врагам революции — иначе было нельзя. Но он был беспощаден и к тем из своих служащих, кто нарушением законности позорил святое дело революции. Когда выяснилось, что три следователя Московского трибунала — Зугала, Лейете и Подгайский были уличены в шантаже, Московский трибунал приговорил их к 6 месяцам тюрьмы. ВЦИК, как кассационная инстанция, увеличил наказание до 10 лет. «Это неслыханная для буржуазной юстиции, абсолютно невероятная вещь, совершеннейший вздор с точки зрения буржуазного права — повышение наказания в результате кассации, с точки зрения исключительных судов той эпохи было правомерно» — так позднее комментировал Н. В. Крыленко этот акт.

Многое, очень многое еще не устоялось. А обстановка требовала нестандартных шагов. Однако Ленин не переставал внушать своим соратникам, работникам юстиции, чекистам — Закон должен соблюдаться даже в самых экстремальных ситуациях.

В первую годовщину Октября, когда обстановка накалялась все больше и больше, VI Всероссийский Чрезвычайный съезд Советов принял постановление «О революционной законности», провозгласив законность в качестве одного из основополагающих принципов Советской власти. Линия на укрепление революционной законности оставалась генеральной для партии с первых дней Советского государства.

Но вернемся к личности Н. В. Крыленко. В 1927 году он выступал с идеей реформы УПК на IV съезде работников юстиции, на коллегии НКЮ, а потом на секции Коммунистической академии. Ранее он справедливо утверждал, что судебно-правовая реформа гарантирует в большей степени, чем всякая другая, от ошибок прежде всего саму государственную власть, а затем лиц, преданных суду, что в ошибочном привлечении к следствию Советская власть не может быть заинтересована. Затем он вдруг стал заявлять, что «требовать от судьи абсолютной объективности — чистейшая утопия», прерогативы защиты надо сузить, поскольку сам суд защищает обвиняемого. Он считал, что защита должна допускаться, кроме исключительных случаев, только по ходатайству профсоюзов. «Это будет защита, ответственная перед

профсоюзом, проверенная профсоюзом,— утверждал Крыленко,— и руководство этой защитой будет в пролетарских руках, а не в руках анонимного чужеродного тела». Так он назвал коллегию защитников. Ему возражали: защита предусмотрена Декретом о суде № 1. Это было, отвечал Крыленко, когда во главе НКЮ стоял левый эсер Штейнберг. «Я всем напомню,— возразил тогда П. И. Стучка,— что защита там была вставлена ни кем иным, как товарищем Лениным».

В 1924 году Крыленко заявлял, что «форма, норма, процессуальная сторона отличает суд... я одно из величайших завоеваний революции вижу в том, что существует у нас процессуальный кодекс». А уже в 1927 году он же назвал его «осколком буржуазного права» и предлагал если и не отменить совсем, то значительно упростить. Этим тезисам П. И. Стучка противопоставил свои, в которых сформулировал важнейшие принципы советского права: неприкосновенность личности, состязательность процесса с участием защиты. Он утверждал, что «только культурный» способ ведения дел даст возможность нашему суду завоевать доверие трудящихся.

На секции права Коммунистической академии, где проходила дискуссия по реформе УПК, получили одобрение не взгляды Крыленко, а точка зрения Стучки, отражавшая ленинскую позицию в праве.

Столь же путаные взгляды высказал Крыленко в дискуссии о реформе УК, предлагая устранить понятие «вина», не определять в законе точный состав преступления, оставив квалификацию деяний на усмотрение суда.

В 1934 году в докладе на I Всесоюзном совещании судебно-прокурорских работников Крыленко пересмотрел свои ошибочные взгляды. Недавно ушедший из жизни видный ученый-юрист М. С. Строгович писал, что ошибочные взгляды Крыленко «нельзя рассматривать иначе, как какую-то аберрацию у выдающегося государственного деятеля и ученого...».

Нам легко судить прошлое и констатировать ошибки деятелей прошлых времен. Но легко судить — не значит верно судить. Что двигало этим замечательным деятелем революции, другом и соратником Ленина, безусловно честным человеком? Об этом можно только гадать, анализируя его труды и то неповторимо сложное, переломное время. Вряд ли кто усомнится в научной чистоплотности

Крылеико, в его убежденности большевика. Заблуждення, как правнло, иеизбежны прн прокладываинн новых путей.

Но иачало и середина трндцатых годов ознамеиовалнсь не только заблужденнями юристов. В 1934 году Н. В. Крылеико выпустил книгу «Ленин о суде н уголовной полнтике»— глубокое нсследоваиие по всем основным вопросам права и законности. Революционную законность в леииниском поннманнн ои трактует как постоянную иорму «строительства социализма с момента создання государствеиной властн и осиов плаиового хозяйства». Закоииость нмманентна советской демократнн, советскому общественно-полнтическому режиму, она служит иеобходимым условнем н средством соцналнстнческого строительства.

Но в эти же годы создавалнсь другне юрндческне труды. Их автором был А. Я. Вышииский. Труды этн внешие ие содержали ошнбок. Они созиательно нзвращалн самые осиовые прннцнпы советского права, леннинские ндеи законностн, попнрали права любого человека, попавшего в орбиту действня «оргаиов». В это время уже готовнлись громкие процессы тридцатых годов, а потом н внесудебиый террор 1937 года.

15 августа 1936 года в «Известиях» иа второй страннце в правом верхнем углу появнлось лаконнчное сообщеиие: «В Прокуратуре СССР». Сухое сообщенне о том, что Л. Каменев, Г. Знновьев и другие предаются суду.

Трудно сказать об нстнннных чувствах людей, по крайней мере людей среднего и старшего возраста. Всего десять лет назад это были «вожди», члены н каидндаты в члеиы Полнтбюро, наркомы, крупные дипломаты, видные хозяйствеиииики, герон революции и граждаиской войиы, ближайшие сподвнжннки В. И. Леинна. В 1924 году иа XIII съезде партнн н на предыдущих съездах провозглашались здравнцы, встречаемые овацнямн, четырем деятелям партнн н государства — Лениину (на XIII съезде, конечио, не здравнца, а светлая память), Троцкому, Зииовьеву н Камеиеву. Это запечатлено в стенограмме съезда, и каждый может в том убедиться.

И вдруг — под суд! Впрочем, уже прошлн процессы по Шахтииcкому делу, осуждеиы деятели Промпартни, нсчезли с политического горнзонта М. Н. Рютнн с группой товарищей, с научного — А. В. Чаяиов и другне

ученые. Было сообщение о расстреле убийцы С. М. Кирова — Л. Николаеве и его сообщников по «Ленинградскому центру». Но то были люди малоизвестные или вовсе неизвестные широким массам трудящихся. А тут... сообщение о том, что преступниками, заговорщиками против партии и Советской власти являются недавние лидеры, широко известные не только в стране, но и во всем мире.

Что думали по этому поводу жившие тогда люди, нам узнать уже трудно: более полувека прошло с тех пор. Нынешние пенсионеры были тогда мальчишками. Мы можем довольствоваться лишь тем, что официально было запечатлено в прессе. В прессе же началась настоящая вакханалия осуждения до суда, клеймения имен без истинной информации и одновременно выражения верноподданнических чувств к одному человеку — «вождю народов».

После упомянутого сообщения сразу же во всех газетах появились материалы, выражающие «гнев трудящихся», призывающие «никакой пощады врагам», «уничтожить гадов» и т. д. и т. п. Резолюции принимали митинги рабочих, колхозников, ученых, деятелей культуры, партактивы и общие собрания трудящихся. Одновременно публиковались личные и коллективные письма с выражением «преданности товарищу Сталину». Еще не предъявлено обвинение, нет показаний обвиняемых и тем более приговора, но «массы» уже пылают злым энтузиазмом. Общество превратилось в толпу. Какова степень искренности всех этих резолюций и писем с требованием уничтожить «врагов народа»? Не знаю, не могу ничего утверждать. Но разве толпа не искренння в своем диком порыве?

Вся эта кампания проходила тогда, когда страна обсуждала проект Конституции СССР, уже названной «сталинской». Неумолкаемое радио утверждало, что «мы другой такой страны не знаем, где так вольно дышит человек». В «Известиях» появилась статья под названием «Неприкосновенность личности»; в ней говорилось, что судьям и прокурорам надо «сперва расследовать, а потом арестовывать», что «рано или поздно должен быть поставлен вопрос о допущении защиты на предварительном следствии». Упоминался даже «habeus corpus act» [1] — документ, обосновавший презумпцию невиновности за

[1] Название закона о свободе личности, принятого английским парламентом в 1679 году. По этому закону никто без решения суда не мог подвергнуть гражданина задержанию или аресту.

много веков до этого. Статью, очевидно, читали. И тут же требовали «уничтожить гадов», хотя суд еще не начался.

Думал я об этом полвека спустя, когда пересматривались на пленуме Верховного суда СССР дела «Московского центра», троцкистско-зиновьевского блока (Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев и др.), параллельного центра, возглавляемого Л. Г. Пятаковым и К. Радеком, бухаринско-рыковского правотроцкистского центра. Думал и искал ответ: как же это случилось? Перелистывая газеты тех лет, я старался, насколько это возможно, проникнуться атмосферой того времени. И терял, терял эту самую точку отсчета. Но, кажется, чувствовал, как в тогдашнюю жизнь вязко вползало нечто химерное, причудливо сплетенное из страха и энтузиазма, приказного поклонения и добровольного самоотречения. Чувствовал еще и потому, что хотя и был в то время пацаном, но уже пионером. Я помню, как тоже выражал энтузиазм вместе со своими сверстниками-детдомовцами. У нас не было семей, а значит, и репрессированных родителей и родных, поэтому мы были искренни.

А в стране бушевали злые страсти. И прежде были поддержки, одобрения или осуждения того, о чем ораторы на собраниях или авторы газетных откликов имели самое смутное представление. Если имели его вообще. И все-таки, пожалуй, после 1934-го в обществе появилась эпидемия болезни, которую можно обозначить как «синдром толпы». Толпа, известно, живет по законам извращенной диалектики: она неуправляема и в то же время она легко направляется единым междометием: «Ату его». Не имея убеждений, она тем не менее охвачена единым порывом, может объединить на миг несколько десятков людей, а при определенных обстоятельствах способна разрастись до безграничности.

Чтобы из общества сделать толпу, нужен был сильнейший, ошеломляющий, нокаутирующий удар. Нужно было чудовищное, оскорбляющее партию и страну преступление. И оно свершилось — 1 декабря 1934 года был убит С. М. Киров.

Кто убил? Уже 20 декабря расследование установило — Леонид Николаев по поручению террористического подпольного «Ленинградского центра». «Эта антисоветская группа представляла собой замкнутую группу, потерявшую всякую надежду на поддержку масс...» — говорилось в обвинительном акте. Суду было предано 14 человек, и все расстреляны в том же декабре.

Но все-таки кто же убнл? Очевндно, приговор по делу Нннколаева не дал ответа, который был нужен. И уже в январе 1935 года состоялся новый суд. Не над безвестным до того Нннколаевым, а над вчерашннмн вождямн, крупнейшими деятелями революции — Знновьевым, Каменевым и другнмн. То была «проба пера», зондирующий общественное мнение шар: пройдет лн обвиненне без улнк, прнговор без доказательств? Суду былн преданы участнннкн так называемого «Московского центра».

В обвнннтельном заключенни осторожно говорнлось: «Следствием не установлено фактов, которые дали бы основание предъявнть членам «Московского центра» прямое обвнненне в том, что они дали согласне нлн давалн какие-либо указания по организацнн совершения террористического акта, направленного против т. Кирова». Фактов нет, но обвнннтельное заключенне на 19 человек подпнсалн заместитель прокурора СССР А. Вышинскнй, следователь по важнейшнм делам при Прокуроре СССР Л. Шейннн. Утверднл обвиннтельное заключение Прокурор Союза ССР И. Акулов. Приговор вынесла выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР в составе В. Ульрнха, И. Матулевнча, А. Горячева. Высокнй суд тоже «не установнл фактов», однако посчнтал достаточным, что осужденные «зналн о террорнстнческнх настроеннях «леннннградской группы» н самн разжигали этн настроення». И за это: Зиновьеву — 10 лет тюремного заключення, Каменеву — 5, остальным — в этнх же пределах. С точки зрения права не очень убеднтельно, но «проба пера» прошла.

Тем не менее полугласный процесс с приговором, исходящнм не нз фактов, а нз некнх неопределенностей, кое-кого, очевидно, не устраивал. Хотя, понятно, получнл «одобренне трудящнхся». Судя по всему, требовался ослепительный спектакль с фейерверком. И в августе 1936-го грянул первый из знаменитых «московскнх процессов» — открытых, гласных, происходнвшнх в Доме союзов при переполненном зале, в котором заннмалн места н представнтели иностранной прессы. Соблюдалнсь все формы судопроизводства. Подсудимые — те же Каменев, Зиновьев н еще 14 человек — публично давали показання, прокурор А. Я. Вышннскнй вел допрос, обращаясь к подсуднмым на «вы». Под прнговором стояли подписн В. Ульрнха, И. Матулевнча, И. Ннкитченко. В результате — расстрелялн всех.

Нет нужды подробно рассказывать, как проходил сам процесс. Точно так же, как следующий за ним в 1937 году по делу Пятакова — Радека, как последний открытый суд в 1938-м над Бухариным, Рыковым и их товарищами. Это теперь хорошо известно о проходивших процессах из многих публикаций, последовавших вслед за реабилитацией в 1988 году.

Сталинский режим мог посылать на плаху людей вообще без суда, по решению Особого совещания и даже «по спискам». Отсутствие улик не останавливало расправу. А вот признания добивались всеми возможными и невозможными путями. А зачем, собственно, оно нужно, признание? Как сказал Бухарин на процессе, «признание обвиняемых есть средневековый юридический принцип».

Но дело-то в том, что признание, отвергаемое правом в качестве абсолютного доказательства, в глазах людей, увы, не теряет убедительности.

Но подо все это требовалось подвести правовую базу, чем и занялся профессор права А. Я. Вышинский. В своем труде «Теория судебных доказательств в советском праве» он пишет, что в делах о заговорах, государственных преступлениях объяснения (читай «признания».— *Ю. Ф.*) обвиняемых приобретают характер и значение основных доказательств, важнейших, решающих доказательств. Любопытно, что в «Судебной практике Верховного суда СССР за 1945 год» можно прочесть: «Признание обвиняемого является одним из видов доказательств, но никакого изъятия из общих правил допуска, проверки и оценки доказательств закон для признания не делает. Признание может лечь в основу приговора только в соответствии со всеми обстоятельствами дела в их совокупности».

Закон изъятия не делает... Но его делал всесильный прокурор. Вышинский развязывал руки судьям, утверждая: «Голос, который говорит судье: это верно, ты правильно решил,— это голос его внутреннего убеждения, который один в конечном счете и определяет ценность и значение всех доказательств и всего процесса в целом». Процессуалисты, указывал он, которые не считают внутреннее убеждение критерием истины, становятся на путь, ведущий к средневековой теории формальных доказательств, и идут... по существу, на поводу у фашистов.

Вот так с критерием истины. Попробуйте сослаться на того же Маркса... Вполне можно было оказаться сначала «на поводу у фашистов», а потом...

Требовалась также теория. И «теория» была создана. Прежде всего Вышинский обосновал положение: в суде невозможно установить объективную истину, ибо нельзя использовать практику как критерий истины: преступление не воспроизведешь. А раз так, раз истину установить невозможно, то достаточно «максимальной вероятности» виновности обвиняемого. «Суд,— писал Вышинский,— не экспериментальная лаборатория, свободная в выборе средств и объектов исследования. Суд вынужден иметь дело с тем материалом, который ему дает «дело».

Между прочим, даже в то время, по крайней мере в теории, некоторые юристы осмеливались возражать всесильному прокурору. Упомянутый М. С. Строгович в 1937 году писал, что обвинение может основываться только на фактах, установленных с абсолютной достоверностью, а не на вероятности, что приговор может быть вынесен лишь тогда, когда установлена объективная истина.

Но что теоретические споры! В практику входил принцип, обозначенный еще древними: «Считаю за факт все, что бы я ни приказал». После принятия Конституции СССР, в противоречие с ее положениями 14 сентября 1937 года был принят закон, легализовавший упрощенный процесс и фактическую ликвидацию права на защиту в делах о вредительстве. Сохранял силу и закон от 1 декабря 1934 года, который для дел о террористических актах исключал нормальное ведение правосудия. Набирала силу внесудебная деятельность НКВД. О каких-то правах, неприкосновенности личности, защите, процессуальных нормах смешно тогда было и говорить...

Период, к которому мы подошли, сейчас достаточно широко представлен и в литературе, и в искусстве, и в публицистике. И нет нужды повторяться. Хотелось бы сказать о судьбе Н. В. Крыленко, который в 1936 году был назначен наркомом юстиции СССР...

Он был арестован 31 января 1938 года по приказу Н. И. Ежова. Ему предъявили обвинения в связи с антисоветской организацией правых, которую якобы возглавлял Бухарин; в том, что он создал в органах юстиции вредительскую организацию и осуществлял подрывную деятельность; что лично завербовал 30 человек... В протоколах названы фамилии и завербованных, и тех, кто дал показания о контрреволюционной деятельности Крыленко. Но в 1955 году, когда пересматривалось дело Крыленко, большей части протоколов вообще не нашли.

Некоторые остались. Сошлюсь на два заявления самого Крыленко на имя наркома внутреииих дел Ежова. 3 марта 1938 года Николай Васильевич «признался», что с 1930 года участвовал в антисоветской организации и заиимался вредительством. 3 апреля того же года ои уже «признал», что еще до революции вел борьбу против Ленина, а сразу после революции замышлял вместе с Бухариным, Пятаковым и Преображенским планы борьбы с партией.

29 июля 1938 года Н. В. Крылеико приговорили к расстрелу.

Я читаю определеиие Воеииой коллегии Верховиого суда СССР об отмене этого приговора. Там сказано: «В судебном заседании Военной коллегии Верховиого суда СССР 29 июля 1938 г. Н. В. Крыленко признал себя виновиым. Протокол, состоящий из 19 строк, представляет слишком скудный материал, чтобы составить хотя бы приблизительное представление о процессе, длившемся 20 минут».

А. Я. Вышииский ие участвовал в процессе Н. В. Крыленко. Собственно, не было и самого процесса. Как уже говорилось, открытых судов после 1938 года, когда были осуждены Н. И. Бухарин, А. Н. Рыков и их товарищи, не проводили. Но те громкие судилища, где Вышинский выступал в качестве обвииителя, дали толчок к блестящей карьере. Бывший меньшевик служил своему хозяииу верой и правдой, и ему воздали должное.

В 1937 году его награждают орденом Лениина. Он стаиовится академиком и директором Института права Академии иаук СССР, депутатом Верховного Совета СССР, членом ЦК ВКП(б), заместителем председателя Совнаркома, а затем министром иностраиных дел СССР.

Утверждают, что в конце жизни И. В. Сталииа над А. Я. Вышинским сгустились тучи. Но он избежал расправы: хозяии вовремя переселился «в мир иной». В известной мере повезло и Вышинскому — он тоже покинул бренную землю до XX съезда партии. Навериое, ему бы пришлось держать ответ... А так он похоронен в Кремлевской стеие, рядом с бойцами той лениинской гвардии, которую он уничтожал с завидным рвеиием.

XX съезд партии дал реальную оценку эпохе сталииского террора. Но еще в иачале шестидесятых годов юристы спорили в печати, в том числе и иа страницах «Известий», об объективной истине в правосудии. Уже в иовые кодексы вошли статьи, обеспечивающие права

обвиняемого, а презумпцию невиновности все еще считали категорией буржуазного права. Уже в партийных докуметах признана необходимость допускать защиту на более ранние стадии следствия, а кое-где все еще раздаются голоса, что в этом случае рухиет само следствие.

Так что трудные пути юстиции не кончились и, очевидно, не кончатся никогда.

Ложь во спасение?

Опыт реконструкции нравов ушедшей эпохи

В дии моего отрочества, а оно пришлось на довоенное время, официальным героем был Павка Корчагин. Впрочем, неофициальным тоже. Тогда еще не родился афоризм «Партия сказала «надо»— комсомол ответил «есть», но это жило в крови. Пионерское «Всегда готов!» имело не парадный, а сущностный смысл. Самоотдача Корчагина, равная жертвенности, входила в плоть жизни поколеиия.

Что образ Корчагина не обязаловка, доказывает и такой факт. В нашей юности героем был и другой Павлик — Морозов. Его именем назывались школы и пионерские отряды, о его подвиге заучивались стихи и пелись у костров песни. Но в Павлика Морозова, в отличие от Павки Корчагина, ие играли. Его «культ» вроде бы развенчан. Верно, появились публикации, в которых Павлик Морозов «реабилитируется» в том смысле, что лично он-де отца не предавал. Но ребенка даже в этом случае трудно винить. Не Павлик в чем-то виноват, а те, кто его именем освящал доносительство и предательство, кто подиял на щит его «подвиг».

Корчагин же, повторю, был поиятен, близок и служил образцом, хотя его образ так же затаскивался школьными сочинениями. И вот сейчас, когда полувековое прошлое обрушилось на нас, я думаю: а что было бы, если...

Если бы Павке Корчагину сказали: надо умереть по приказу комсомола — вопроса бы для него не было.

Если бы сказали: надо обидеть ребенка, обмануть девушку, украсть что-либо во имя светлой идеи — он, полагаю, на это бы не пошел никогда.

А если бы от него потребовали: ради дела партии, для торжества ее идей признавайся, что ты предал пар-

тию; возьми на себя несуществующую вину, потому что так «надо»; оболги себя, ибо именно этой жертвы требует от тебя партия... Если бы это потребовали? Я не знаю, как поступил бы безупречный герой моего отрочества. Вроде все тут проще простого: если ты не рехнулся и не потерял нравственного чувства — все отвергни с гневом. Но в том-то и парадокс, что как раз верность нравственному чувству и затрудняла дать элементарный ответ.

Некогда Цицерон бросил восклицание, ставшее бессмертным: «O tempora, o mores!» («О времена, о нравы!»). Не случайно, нет, не случайно древнеримский политический деятель связал воедино две эти категории: эпоху и нравственность. Нам удивительны первые христиане, шедшие на мученическую смерть лишь из-за того, что не хотели поклониться бюсту императора. Неадекватной кажется такая жертва выдвинутому требованию. Но, очевидно, мы просто не можем понять ни их, ни то время.

А разве по-настоящему понимаем мы совсем близкое от нас время, в каком жил и творил Николай Островский? Хотя пишем и читаем о том времени столько, сколько ни об одном другом. Доступны ли нам чувства и поступки людей той уникальной эпохи, когда сместились все ценности, реальность приобрела фантасмагорические ипостаси, а в тот самый генетический код, завещанный нам предками, были внесены ферменты невообразимых мутаций?

Ответы на эти мучительные вопросы нам нужны не для смакования ужасов сталинского террора, а для понимания того, почему он стал возможен. И как отзывается в наши дни.

Не так давно я занимался делом одного председателя колхоза. Его обвинили в хищениях и злоупотреблениях, хотя ни того, ни другого он не совершал. Однако его осудили, причем приговор продиктовало «телефонное право». Но, видимо, чувствуя всю несправедливость акта мести за строптивость, его под стражу не брали какое-то время даже после приговора. Он, этот председатель, фамилию которого называть вряд ли стоит, на следствии и на суде ни в чем не признался. Но когда решался его вопрос о пребывании в партии, ему сказали:

— Перед партией ты должен быть искренним.

— Я был искренним и перед судом,— ответил он.

— То нас не касается,— ответили ему,— ты должен

сказать, что перед партией виноват, перед Советской властью, и тогда...

— Но как же, если...— заикнулся было он.

— И тогда,— сказали ему,— мы не будем ставить окончательной точки в твоем деле.

И он каялся в том, в чем не был виноват. По какой-то причудливой логике его, осужденного, не исключили из партии. Но лгать от имени партии заставили. И даже когда высшие судебные инстанции реабилитировали его, «партийная ложь» осталась: ранее вынесенный строгий выговор с занесением в учетную карточку не отменили.

— Хотя,— говорил он мне,— строгий надо бы дать сейчас за то, что поддался давлению, солгал партии, взяв на себя вину за то, что не делал. За это бы надо... Но за это у нас не дают выговоров, за это хвалят и прощают любой грех.

— Но тогда зачем же вы «признавались»? Чем-нибудь грозила вам правда?

— Ничем абсолютно,— ответил мой собеседник,— но так уж принято... каяться при разборе персональных дел.

Происходило все это в 1986 году, в период перестройки, гласности и беспощадных разоблачений нравов сталинской эпохи. Разоблачая на словах эти самые «нравы», на деле же укрепляли и насаждали. Вот ведь чем страшно наследие тех лет и в чем секрет его живучести...

Но все-таки... как бы поступил Павка Корчагин, если бы время задало ему третий вопрос? А оно бы наверняка задало его. И задавало. Только не литературным героям, а живым людям из плоти и крови. Причем всем на равных: и рядовым гражданам и руководителям государства, случайно попавшим в жернова репрессий. И тем, кто легко шел на сделку хоть с самим дьяволом, и тем, кто выдерживал нечеловеческие пытки, но ломался перед уговорами ценой лжи «помочь партии».

И вряд ли мы будем правы, если скажем, что они, эти люди, поступали безнравственно, исходя из того, что ложь безнравственна всегда. В том-то и трагедия, что самые светлые идеалы, ради которых и совершался Октябрь, на каких-то поворотах борьбы за них отторглись от общечеловеческих ценностей. Интересы классовой борьбы требовали ломки буржуазно-помещичьей государственной системы — это было логично. Они меняли образ жизни миллионов угнетенных — и это было справедливо.

Но когда они подмяли под себя нетленные нравственные ценности, это привело к трагическим последствиям. Новая мораль, или мораль нового общества, по мысли классиков марксизма, должна была вырасти из культуры, достигнутой человечеством, взять из нее все ценное, не разрушив основы. А она, эта основа, оказалась отвергнутой.

Оговорюсь сразу, дело далеко не только в моральных принципах. Мы теперь знаем, что людей подвергали таким пыткам, которых просто невозможно было выдержать, и несчастные оговаривали и себя, и своих товарищей, и близких. Нам не дано право судить их. Мы можем восхищаться лишь стойкостью тех, кто выдерживал нечеловеческие мучения, чтобы остаться человеком перед самим собой.

После того как в «Известиях» была напечатана моя статья об отмене приговоров по делам Зиновьева — Каменева и Пятакова — Радека, я получил письмо от жены С. М. Франкфурта, тоже «врага народа».

Она сразу задает вопрос: «Почему они на процессе или на следствии «признавались» в том, что не делали?» «Меня арестовали,— говорится в письме,— 23 декабря 1937 года, взяли с лекции — я училась на 4-м курсе Менделеевки. Меня привезли на Лубянку и сунули на скамейку в угол. В этот день шли аресты героев гражданской войны с тремя и четырьмя ромбами. Энкавэдэшник вырывал «с мясом» ромбы и ордена, топтал их ногами и бросал в огромный ящик... Открылась дверь, и в нее втолкнули очень высокого, красивого, но белого, как бумага, военного, с вырванными орденами и ромбами. Он, как и я, был неплановый, и его пихнули рядом со мной. Не разжимая губ, он сказал: «Я — Берзин». Это был брат знаменитого чекиста. Он говорил мне: «Девочка, подписывайте сразу всю галиматью, которую вам прочитает следователь. Ваш приговор записан задолго до ареста и сопротивление ничего не изменит, только будут унизительные ночные допросы, а у кого-то и пытки».

Потом меня взяли к следователю. Он зачитал мне, что у нас дома собиралась контрреволюционная группа для свержения вождя, фамилий было много: Радек, Пятаков, Карахан, Давтян, Михаил Кольцов... Все, кто бывал у мужа, с кем он дружил до и после революции. Я спросила: «Где подписать?» И подписала, не читая. У меня было впечатление, что следователю стыдно. Но он меня наградил за то, что я ему не доставила хлопот. Он разре-

шил мне отдать маленького сына родственникам: был ведь приказ, чтобы детей арестованных свозить в спецдетдома, где им с раннего утра до ночи в стихах Джамбула, в прозе и в рисунках славили «отца родного».

В Бутырской тюрьме в камере сидела жена авиаконструктора Туполева. Ее взяли к следователю, и он ей сказал: «Мы дадим вам свидание с мужем. Вы ему скажете, что живете дома, что у вас все благополучно. Если хоть намекнете, что вы в тюрьме, мы его расстреляем». Она все выполнила. Потом в камере мы гадали, какую цену они запросили с Туполева за то, что жена «осталась» на свободе?..

В декабре 1937 года арестовали Франкфурта, через год меня. В квартире остался пасынок 13 лет, чудесный мальчик, умница и талантливый. Школьнику оставили комнату в квартире. Он пошел к своим дядьям — братьям отца. Позвонил. Увидев его, они быстро захлопнули дверь. Он часто приходил к моим родителям. Директор школы устроил ему репетиторство, на эти деньги он жил. Однажды он пришел к моим родителям и сказал, что идет из НКВД, его вызывали и предложили работать осведомителем. Дескать, у тебя все арестованы, и люди тебе будут верить. Парень отказался и сказал, что никогда не поверит, что его родные — враги народа. Больше он не приходил — его арестовали, он к тому времени закончил 10-й класс.

В 1955 году я посмертно реабилитировала (в смысле хлопотала) мужа и пасынка. Дата смерти юноши — через полгода после ареста. Он не признавал отца и мать врагами народа, его замучили. Нет, надо было подписывать всю галиматью и не доводить свое тело до пыток, после которых следовала смерть.

Вы видели «Покаяние»? Как вы думаете, если человека сначала приводят в камеру пыток, где на дыбе висит с вывороченными костями человеческое тело и страшно кричит, и при этом говорят, что если он на суде откажется от своих показаний, то прямо с суда попадет на дыбу, стоит ли ему быть героем, от которого не останется ни имени, ни могилы?.. Если бы мой пасынок подписал нужные следствию показания, он выжил бы... может быть... может быть. Но он погиб героем, безвестным героем, от пыток. У него нет могилы, и мне некуда положить цветы. Я последняя, кто о нем знает. А сколько их было, юных и честных?..

С. ФРАНКФУРТ, 13 — 21 июня 1988 г.».

Нет, Павел Корчагин определенно не одобрил бы признание несуществующего преступления. Но интересно: а как бы поступил он сам? О, это великая загадка эпохи!..

Под каток репрессий попадали ведь и выдающиеся деятели. Те, кто работал бок о бок с Лениным, кто прошел царскую каторгу, показал истинное мужество в годы революции и гражданской войны. И не думаю прибегать к расхожему удивлению: мол, как же это они, в деникинских застенках вели себя гордо и отважно, смотрели, не дрогнув, смерти в глаза, а тут... Где столько раз прославленная большевистская стойкость? И т. д. Нет, это не более чем риторика, ни о чем ничего не говорящая. Мы должны извлекать уроки совсем из другого: как люди, стоящие у руля партии и государства, отказываясь от принципов демократии в государственном плане, растворяясь в «воле большинства» в плане личном, позволили исказить ту идею, за которую не моргнув глазом готовы были умереть.

Все думаю о герое своего отрочества, о Павке Корчагине. Да, он безупречен, как сын своего времени и как фанатик светлой идеи. Новая мораль, повелевающая полностью, без остатка, растворить себя в «общем деле», «в борьбе за линию партии», отбирала у человека как критический взгляд на происходящее, так и сострадание к поверженным. Она признавала силу, но отрицала право. Мир делился только на «красных» и «белых», без каких-либо оттенков. Если не с нами — значит, против нас, значит, враг.

А кто и где враг, если нет фронта?

И еще об одном думаю, обращаясь к моему безупречному герою. Он ведь яростно громил бы «оппозиции» и «уклоны». Это ясно. Но отдавал бы он себе отчет в перспективах этих погромов? Мог бы он трезво оценивать ситуацию?

Двадцатые годы, после отхода от дел и смерти Ленина, были наполнены в верхах партии и государства конечно же не только спорами о путях строительства социализма, но и отчаянной борьбой за влияние и власть. Сначала Зиновьев, Каменев, Сталин сокрушали опаснейшего претендента на роль вождя — Троцкого. Потом Сталин и Бухарин выступили против «новой оппозиции», против Троцкого, Зиновьева и Каменева. А уж потом Сталин взялся за своего верного союзника Бухарина. Прочитайте стенограммы съездов — все там как на ладони. Официально дискутировали не о личной власти,

а о возможности построения социализма в одной стране, путях такого строительства, перспективах мировой революции, нэпе, понимании ленинизма и т. д. и т. п. Но нам теперь ясно: шла борьба за власть. И врагом социализма объявлялся не его враг, а враг того, кто стремился к власти. И уж такой враг не мог ждать пощады, а поверженный — милосердия. Социалистическое же право, отвергаемое самими же участниками борьбы, не могло дать защиту побежденным.

Мне кажется, герой моего отрочества не очень-то бы оглядывался на право в борьбе с оппозиционерами. Они для него были бы врагами, а не участниками диспутов. И опять же не в силу личных качеств занял бы он такую позицию — время бы диктовало.

Борьба за единство партии, вполне в принципе оправданная, обернулась уничтожением несогласных со Сталиным, с «линией партии». Да, были оппозиции. Только и в горячечном бредовом сне никто из оппозиционеров и предположить не мог, что итоги дискуссий о путях укрепления партии, государства, строительства социализма будут подводиться на судебных процессах, когда нет даже права на защиту и права на правду. И не только у подсудимых. Это право отняли у самого общества и тем превратили его в толпу, обуреваемую энтузиазмом без мысли. И сколько еще будет таких взвинченных кампаний вплоть до наших дней!

Увы, экстазу поддавались и достойные по всем характеристикам люди. Хворост в костер подбрасывали будущие жертвы. Приведу лишь один эпизод из 1936 года. В предпоследний день процесса над группой Каменева — Зиновьева Карл Радек написал большую статью «Троцкистско-зиновьевская фашистская банда и ее гетман — Троцкий». Там есть и такие слова: «Дело разбирается в присутствии сотен людей, десятков иностранных корреспондентов, и никто, не потерявший ума, не поверит, что обвиняемые клевещут на себя...» Каково же было автору читать на другой день в той же газете заявление А. Я. Вышинского о том, что отдано распоряжение начать расследование о деятельности Томского, Рыкова, Бухарина, Радека, Пятакова? А через год точно так же клеветать на себя? И выслушивать от Вышинского цитаты из собственных статей, клеймящих «врагов народа»?

Государственный обвинитель цитирует К. Радека, писавшего о процессе 1936 года: «Уничтожайте эту гадину! Дело идет об уничтожении честолюбцев, дошедших

до величайшего преступления, дело идет об уничтожении агентов фашизма». Вышинский комментирует в своей речи: «Радек думал, что писал о Каменеве и Зиновьеве. Он писал о самом себе». Прокурор цитирует Пятакова: «Хорошо, что органы НКВД разоблачили эту банду. Браво чекистам!» А потом, на процессе Пятакова, комментирует...

Нет, не хочу бросить лишний камень в этих несчастных людей. Но нам нужна правда, правда до конца. И об их невиновности и об их вине... Фантастически жуткое время — мечта о светлом будущем и единодушное одобрение кровавых расправ!

Те полувековой давности процессы и, главное, все, что было вокруг них,— это сегодняшняя злоба дня. Мы учимся демократии, овладеваем правилами политических дискуссий тоже во время напряженной борьбы. Наши предшественники — люди двадцатых годов — не сумели овладеть положением и получили тридцатые годы, в инквизиторском огне которых сгорели сами. Они исповедовали нетерпимость ко мнению оппонентов и породили террор — физический и моральный. Подавление оставшихся в меньшинстве привело к тому, что один растоптал большинство. А отсутствие самого понятия о праве на личное мнение создало тот дикий «синдром толпы», который освящал именем народа любой произвол.

Поведение толпы непредсказуемо. Но люди оставались и наедине с собой. Верили ли они тогда, когда шли печально памятные процессы? Ответ мне представляется мучительным. Большинство верило. Особенно когда собиралось в большинство. А лично каждый? Не знаю. Да и не к тому задаю вопросы, чтобы получить точный ответ. Точный, наверное, и невозможен. Мудро сказал Юрий Трифонов: «Как увидеть время, когда ты в нем?»

Ничего не поделаешь, к тому времени приходится возвращаться и возвращаться. Оно определяло нравы. Приходится вернуться и к тому самому главному вопросу, который задал я вначале: а как бы поступил безусловно честный, не знающий компромиссов, до конца преданный рабочему делу и идеям партии Павка Корчагин? Если бы ему сказали: солги по требованию партии; ты же не носитель слюнтяйской буржуазной морали, а борец за новую пролетарскую мораль; возьми на себя невозможную вину, чтобы разоблачить врагов; иди на крест, на костер.

Павел бы пошел. Но спросил бы: а ради чего? Вернее, сначала уясинл бы, поиял бы сердцем? Можио лн правое дело делать неправымн методамн? Если бы задал себе этн вопросы н честно на инх ответнл — ои бы н оставался безупречным героем, как Джордано Бруио.

Но боюсь, сомнення былн ему чужды. И в этой связи мне хотелось бы поведать одну трагнческую историю тех лет. Рассказать об одном совершенно не нзвестиом нам крупном деятеле нашей начальной истории.

Иван Никнтовнч Смнриов был троцкистом. На XV съезде за это его исключнли из рядов партни. В 1929-м, верио, восстановилн н даже сделали наркомом почт н телеграфа (иаркомпочтелем, как тогда иазывали). А в 1933 году вновь нсключнли, арестовали, в 1936-м судилн вместе с Зиновьевым н Каменевым н расстреляли.

Это был трагический фииал жизни Ивана Ннкитовича. А между прочим, на IX съезде партнн президиум был нзбраи в таком составе: Леиии, Троцкнй, Бухарни, Сталин, Рыков, Томский, Смирнов, Преображеиский, Лашевнч, Сапронов, Каменев, Калинин, Серебряков. Ннкого тогда не удивляла фамилня Смнрнова средн «вождей». Член партнн с 1899 года, руководитель боевых дружин в Лефортове в 1905 году, член Московского ВРК в Октябрьскне дин. Во время гражданской войны Иваи Ннкнтовнч на высшнх постах — члеи Реввоенсоветов Восточного фронта н 5-й армии. В 1919 году возглавляет Снбирское бюро ЦК партни в тылу Колчака. Его называли победителем «верховиого правителя России». После окончаиия граждаиской войны Смириов — председатель Сибревкома. В 1921 году — на партработе в Леиннграде, а затем в ВСНХ управляет военной промышлениостью. Закаичнвает Смирнов свою служебную карьеру, как я уже сказал, наркомом почт н телеграфа.

В обвннительиом заключеиин говорилось: «И. Н. Смириов принял участне в объеднненном троцкистско-зиновьевском центре, осуществляя лнчиую связь с Троцкнм». Это обвниенне не имело под собой даже такого шаткого основания, как собственное прнзнание несуществующей вины. Такого прнзиания от него не добнлись н в застеиках. Иваи Никитовнч отиюдь не собирался отдать себя иа заклаине, как его товарищи по иесчастью.

Из газетного отчета о судебиом процессе. «Вечернее заседаиие 20 августа иачалось с допроса Смнрнова. В течение 3-часового допроса Смнриов всячески уклоиялся от прямо поставленных прокурором Вышиисним вопросов...»

Из речи Вышинского А. Я.: «Наиболее упорно запирался Смирнов. Он говорил, что уже сидел с 1 января 1933 года и не мог участвовать в террористической деятельности. Но он и из тюрьмы организовывал связь с Троцким до 1936 года... Это подтвердила и свидетель Сафонова, которая здесь давала показания...»

Из стенограммы допроса Сафоновой А. Н. на суде.

«**Сафонова А. Н.** Да, Смирнов сообщил нам, что принято решение о переходе к террору...

Вышинский А. Я. (к Смирнову): Какие у вас отношения с Сафоновой?

Смирнов И. Н. Мы близкие люди, муж и жена».

В те годы знаменитая фарисейская формула И. В. Сталина «сын за отца не отвечает» толковалась не в прямом, а в извращенном смысле: «доноси на отца, коль за него не отвечаешь». И, увы, доносили. Была ли такой доносчицей на мужа, его изобличительницей Александра Николаевна Сафонова? По внешнему виду — да. Стенограммы процесса, печатавшиеся в газете, протоколы ее допроса и очной ставки со Смирновым это свидетельствуют: никуда не денешься.

Но насколько же все оказывается сложнее, неоднозначнее, если «не верить глазам своим», а попытаться понять то время и тех людей. Да, на очной ставке 10 — 11 августа 1936 года, за неделю до открытия процесса, Александра Николаевна, что называется, в глаза уличала мужа.

«**Сафонова А. Н.** В 1930—1931 годах в троцкистский центр входили Смирнов, Тер-Ваганян, Мрачковский и я. Разговор о терроре был на квартире. Вы же сами, Иван Никитович, говорили об убийстве Сталина.

Смирнов И. Н. Но я же говорил совсем в другом смысле! Никакой директивы о переходе к методам террора от Троцкого не было. Никогда. Лично я вообще всегда отвергал террор как метод борьбы. Это ж известно достаточно широко.

Сафонова А. Н. Вы, Иван Никитович, не хотите разоружаться.

Смирнов И. Н. Ах, Шура, Шура. Я-то хоть умру спокойно...»

Странно, что следователь записал и эту последнюю фразу последней встречи «наедине» мужа и жены. Записал после своего резюме: «Вы, Смирнов, кругом изобличены, ваше сопротивление бесполезно». Последняя же встреча Александры Николаевны и Ивана Никитовича произош-

ла в Колонном зале Дома союзов, когда жеиа публично изобличала мужа, выступая свидетельиицей.

Тут уже не риторические, ие воображаемые вопросы к Павке Корчагииу, существовавшему лишь иа страницах книги. Перед живым человеком стоял вопрос: что же делать? Надо учесть: изобличала мужа революциоиерка, прошедшая огни и воды, сама приiадлежавшая к той иесгибаемой гвардии, которая выиесла на своих плечах граждаискую войну, доказавшая предаиность революции всей своей предшествующей жизиью. Когда ее в 1933 году арестовали, она держалась спокойио и с достоииством. «Вы перенесли пытки в застенках Колчака,— говорил ей следователь,— а если мы примеиим такое же?»—«Как и тогда, буду молчать»,— ответила Сафоиова.

Почему же ие молчала? Почему опустилась до изобличеиия товарища по революциоииой борьбе и мужа?

Когда готовился процесс, где обвиияемым был и ее муж, Алексаидру Николаевну вызвал Ежов, тогда еще секретарь ЦК партии, и сказал ей, ие желающей говорить иеправду, отвергающей состряпаиные улики.

— Те показаиия, которые мы иазываем, иужиы партии...

— Но они не верны.

— Повторяю, это нужно партии.

Александра Николаевна... сделала требуемое от нее секретарем ЦК партии Ежовым.

Миогих сейчас заиимает этот проклятый вопрос: как же это оии, прошедшие царские тюрьмы, показавшие невидаииую стойкость в годы гражданской войны, преодолевшие неимоверные трудности восстановления разорениой страны, ие терявшиеся в самых отчаяииых положениях, вдруг «по грубо сработаииым сцеиариям» стали призиаваться в фантастических преступлениях, оговаривать себя и своих товарищей, предавать в конце коицов святую идею, за которую шли иа Голгофу с твердой верой в свою правоту.

Из всех версий самой неправдоподобной казалась как раз та, что прозвучала в словах Ежова: отступись от правды ради интересов партии. Невероятным это кажется: возьми на себя вину в шпионаже, убийстве, заговоре против строя, в расчленении страиы, в организации восстаиий — и все ради того, чтобы показать свою готовность отказаться от оппозиции? От своих расходящихся с большинством взглядов? Нелепость какая-то! Не малые

же дети — умелые политики, руководители, строители государства. Да простой здравый смысл противоречит такому вздорному предложению: признать несуществующий смертный грех ради спасения души, вымазаться грязью, чтобы очиститься. Ни логики, ни смысла.

Но, повторяю, так судим мы, глядя на прошедшую эпоху и ее людей с высоты своего знания, из своего времени. Они жили в другом измерении. И это подтвердил живой свидетель — Александра Николаевна Сафонова, когда вышла на свободу после смерти Сталина.

Вот эта исповедь «дочери века»:

«После XVI съезда партии троцкисты не имели никакой организации, как это было в 27-м. Мы были среди «отходников», как их тогда называли. То есть отошедших, прекративших борьбу. Их Сталин назвал двурушниками. Однако это не так. Смирнов, Мрачковский и другие честно отошли от борьбы и работали там, куда их послали.

Почему же я так поступила... Где ложь и где правда в моих показаниях, данных в 1936 году? 90 процентов — ложь. И ложь необычная: в сторону невероятного преувеличения того, что было. Что же было? Скажем, Мрачковский прислал мне в ссылку деньги, прислал лично мне. В моих показаниях: «на нужды троцкистского центра». Так записал следователь, и я подтвердила. Иван Никитович послал деньги старику Рязанову, тот жил в ссылке в Саратове без всяких средств. В протоколе допроса: «организована касса взаимопомощи троцкистов».

Все время что-то было, было... И в то же время ничего не было. Узнав о перегибах в коллективизации, И. Н. Смирнов сказал: «За это убить мало». Так это впрямую и истолковал следователь, а я подтвердила. Помню, Иван Никитович говорил: «Неужели Сталин становится чистым фашистом?» И себе же отвечал: «Нет, это невозможно, его партийное прошлое это исключает».

Так мы тогда думали... А потом — Киров! Это надо понять. Мы — троцкисты, мы — оппозиция. Для нас тогда не было сомнений: на убийство Кирова пошла оппозиция в Ленинграде. Хотели того или нет, но мы чувствовали свою моральную вину. Эта смерть нас потрясла. Именно она, эта трагическая смерть, диктовала принять любые условия. Мы ничего не знали об истине. И все же чувствовали вину. На этом сыграли. Хотите разоружиться до конца? Раскройтесь, признайтесь в своей вине

за гибель Кирова. Этого требует единство партии, интересы партии. Докажите делом свое раскаяние... Так нас ломали...»

Были и невинные, в сущности, разговоры, просто болтовня, вроде той — «за это убить мало». А вот — убили. Другого, но убили. Пустые разговоры — и страшный факт. И где-то перекинулся мостик: через раскаяние в оппозиции к самооговорам и оговорам товарищей, через ощущение общей моральной вины к признанию несуществующих преступлений. Благая цель — единство партии, отказ от раскола — продиктовала негодные средства. Отдав себя на заклание почти добровольно, жертвы развязали руки палачам.

Так это видится мне из исповеди «троцкистки» и революционерки Александры Николаевны Сафоновой.

Мне пришлось беседовать со многими, кто прошел все муки ада и вернулся к жизни в середине пятидесятых. То были не противники, а безусловные сторонники «линии партии». Их не минула злая участь. Но они остались при твердом убеждении: с ними поступили несправедливо, они пострадали ни за что. Но оппозиционеры, уклонисты, троцкисты — с теми поступали правильно. Ведь если враг не сдается — его уничтожают. Пусть извинят меня эти люди, но они не хотели смотреть фактам в глаза, бежали от правды. Они думали, что беспощадно борются за святую правду, а в действительности боролись за слепую правду.

Все наши писания о сталинских репрессиях, о страстях и бурях тех лет, об общественных и личных трагедиях мало что стоят, если мы не попытаемся извлечь уроки, если история не будет опрокидываться в настоящее. Сегодня реабилитированы не только сторонники «линии партии» тех лет, но и ее противники, точнее, противники И. В. Сталина. Согласные и несогласные, «большинство» и «меньшинство». Они честно строили социалистическое государство. И так же «честно» шли на эшафот.

Мы нелегко пришли к беспощадно откровенным оценкам той эпохи. Открывающиеся факты в сознание не укладываются, разум и сердце отказываются их принимать. Но это — факты. И они будто бы вырывают эпоху сталинских репрессий из контекста Истории. Театр абсурда, а не течение жизни. Распадается связь времен. Военный коммунизм отделен проливом от нэпа; сталинская эпоха от хрущевской. От застоя — скачок к Апре-

лю 1985-го. Но мы понимаем: ничто из ничего не рождается, все в Истории взаимосвязано.

В нравах тоже. Восторженная вера ленинской гвардии в торжество социалистической идеи основана на ясной убежденности и научном расчете. И эта вера «вдруг» сменяется шаманским энтузиазмом масс тридцатых годов — эпохой бездумного поклонения Кумиру, эпохой романтической, замешанной на детской искренности и утробном страхе, требующей кровавых жертв и покорно идущей на заклание. «Оттепель» XX съезда партии обвалом опрокидывает свое поколение в застойное болото с его разочарованием, социальной апатией и утратой идеологических ценностей, а очистительный Апрель 1985-го будто бы из небытия извлекает надежды, омрачаемые некоторыми сомнениями: куда же поверием, где следующая остановка?

Между тем время течет непрерывным потоком, у родителей появляются дети, а у этих детей — свои дети. Не пропало совсем то, что было заложено В. И. Лениным и ленинской гвардией, хотя рьяно уничтожалось сталинскими опричниками. Но и злое семя тиранства, увы, прорастает порой на новой почве, разоблаченный культ «вождя» сумел возродиться пусть лишь в брежневском фарсе, а все же оплел застойной тиной общество. Нынешнее возрождение наталкивается на яростное сопротивление вчерашних.

Острова в океане Времени исчезнут, когда будет во всей полноте восстановлена история Советского государства. Но вместе с ней необходимо и воссоздать историю права и историю нравов. Тут будет особенно трудно. Ибо право социалистического общества, если право понимать в его истинном смысле, было задушено в колыбели и подменено таким суррогатом, аналоги которого впору искать разве что в инквизиции средневековья. А нравственное чувство было подменено конъюнктурной моралью, принимавшей «классовую окраску» по требованию «вождя»...

Последний раз помяну героя моего отрочества. Он бы никогда не стал палачом: сомнений в этом нет. Ему была уготована судьба жертвы, ибо он честен и искренен. Он вполне бы мог отдать себя на заклание и тем самым вмуровал бы свой камешек в пьедестал Кумира.

Так что же у нас получается: или палач или жертва? И третьего не дано. Тяжким путем пришли мы к выводу: можно и нужно идти на компромиссы, но нельзя

поступаться принципами. Неизбежно создание морали нового общества, но пагубно ее утверждение на пустоте. Классовые интересы святы, но классы — это не категории, а люди, выстрадавшие свою тысячелетнюю историю, от которой нельзя отречься.

А ложь — всегда ложь. Ею не спасешься сам и не спасешь идею, которой служишь.

Судьба под № 117...

На рассвете 7 апреля 1949 года пограничный наряд, в котором старшим был ефрейтор Седеулин, заметил неизвестного, который «с тыла шел к границе». Неизвестный был в кожаном реглане и летной офицерской фуражке. Причем вел себя как-то странно. Перешел вброд канал, задержался у моста, вернулся обратно.

— Шпион? — спросил ефрейтор напарника.— А может, заблудился кто из офицеров: недалеко летная часть.

— Давай задерживать,— предложил солдат.

— Слушай, это знаешь кто? Проверяющий. Иначе чего он так странно плутает?

Разговаривая между собой вполголоса, пограничники продолжали внимательно следить за человеком в кожаном реглане.

Когда неизвестный двинулся к реке Аракс, отделяющей Армению от Турции, раздался окрик ефрейтора Седеулина:

— Стой, руки вверх!

Неизвестный обернулся, снял фуражку и помахал ею. Потом подошел к пограничникам.

— Ребята,— сказал он им,— а вы-то как здесь очутились? В Турции?

Ребята переглянулись: ясно, проверяющий дурочку строит.

— Как вы тут очутились, товарищ...

— Подполковник,— добавил неизвестный.

— Почему вы тут, товарищ подполковник? Придется на заставу пройти.

Неизвестный улыбнулся. У него чуть распахнулся реглан (погонов на нем не было), и пограничники увидели ряд орденов.

— Вот что, хлопцы,— сказал он дружелюбно,— я оказался неудачным перебежчиком. Давайте так: я вас не

видел, вы меня тоже. Отпустите, и я через десять минут в Турции. Прошу вас.

Ребята уверенно переглянулись: на дешевку берет.

— Товарищ подполковник, вам придется пройти на заставу,— в словах Седеулина звучал металл, долженствующий засвидетельствовать перед проверяющим офицером отличное несение службы...

На заставе проверили документы задержанного. У него были железнодорожные билеты, свидетельствующие о том, что он следовал из Ташкента в Баку, а оттуда — до станции Октемберян. Документы свидетельствовали также, что «неудачный перебежчик» является начальником Ташкентского аэроклуба. Все это казалось странным до нелепости. Но могло быть и...

— Вы тот, за кого себя выдаете, или...— спросил начальник заставы.

— Разумеется тот,— спокойно ответил задержанный.

— Тогда объясните: вот вызов вас в Москву, в управление ВВС. Как же вы очутились на турецкой границе?

— Я это объясню в другом месте.

— Да, конечно,— ответил начальник заставы,— сейчас мы вас туда доставим. Но скажите, вы действительно Герой Советского Союза подполковник Щиров Сергей Сергеевич?..

— Он самый.

В «Комиссию Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями 30—40-х и начала 50-х годов» от Совета ветеранов и однополчан:

«Во славу торжества справедливости и восстановления доброго имени воина-патриота, Героя Советского Союза, Совет ветеранов и однополчан бывшей 16-й авиадивизии Юго-Западного фронта, в состав которой входил 87-й истребительный авиационный полк, обращается с просьбой разобраться в судьбе нашего товарища, бывшего летчика, служившего в этом полку и командовавшего им,— Щирова Сергея Сергеевича...»

Из протокола обыска задержанного при попытке нелегального перехода границы СССР — Турция в районе реки Аракс 7 апреля 1949 года Щирова С. С., рождения

1916 г., члена ВКП(б) с 1942 года. «У него изъяты: ...Звезда Героя Советского Союза, орден Ленина №..., орден Ленина №..., орден Красного Знамени, орден Кутузова, орден Александра Невского, орден Красной Звезды, Партизанская Звезда (Югославия)... Из 22 предметов — 15 составляют награды. Кроме того, 1561 рубль советских денег, эмблемы, значки. И документы».

Допрос Щирова С. С., проведенный 7 апреля 1949 года в Ереване майором МГБ Гришаевым.

— Расскажите, каким образом и с какой целью вы оказались на Государственной границе СССР — Турция, где были задержаны.

— Из Ташкента, где я был начальником аэроклуба, меня вызвали в Москву. Я решил перед тем съездить в Ленинакан, где недавно служил, хотел повидать старых товарищей... Заблудился ночью, когда сошел с поезда... Наткнулся на пограничников, просил их отпустить...

— Но вы просили отпустить, чтобы перейти границу, то есть бежать?

— Видите ли...

— Говорите правду, подполковник.

— Правду... Ну что ж... Да, я хотел совершить нелегальный переход границы.

— Цель? Это ж не вяжется с вашим положением. Куда вы хотели уйти?

— В Турцию, а затем во Францию... У меня созрело такое намерение, поскольку во время войны я был знаком с французскими летчиками из полка «Нормандия — Неман».

— Вас завербовали?

— Что вы! Нет, нет... Видите ли, товарищ майор... Что касается причин моего поступка, то это очень сложный вопрос... У меня дико разболелась голова...

На следующем допросе в Ереване задержанный сказал, что причины, толкнувшие его на столь странный поступок, состоят в неприятностях по службе: его хотели отстранить от должности, а может быть, и уволить. Это его обидело...

— На Советскую власть обиделись? — сказал следователь.— На Родину? И решили ей изменить. Кто толкнул вас на подлый путь измены Родине? Французы?

Но вы еще и с югославскими офицерами якшались, они вас даже своим орденом наградили. Говорите правду, мы все равно все узнаем. Вы встали на путь измены Родине в силу антисоветских убеждений...

— Я это категорически отрицаю...

— Пытаетесь скрыть. А жену свою вы посвятили в свои черные замыслы?

— Только послал ей открытку из Ленинакана, в которой сообщил, что предстоит долгая разлука. Больше ничего. Мы с ней в сущности разошлись, в Ташкенте я был один.

— Ну, а это мы еще выясним. Итак...

— Знаете что, отправьте меня в Москву, в ваше... в вашу...

— Об этом не беспокойтесь. Это вас не минует...

Из заявления Совета ветеранов в Комиссию Политбюро ЦК КПСС:

«Сергей Сергеевич Щиров был достойным человеком. Он родился в селе Акимовка Акимовского района Запорожской области. Поступил в Качинскую авиационную школу, окончил ее накануне нападения фашистов на нашу Родину. Когда началась война, С. С. Щиров был направлен в 87 ИАП и в его составе начал войну...»

Допрос Щирова С. С. 6 сентября 1949 года в Москве, в МГБ СССР следователем Морозовым.

— Расскажите, что вас толкнуло на такой шаг...

— Когда поступил вызов в Москву, я понял, что меня ждет позорное увольнение из армии. Дело в том, что в последнее время я здорово выпивал, был в связи с женщиной, а я еще не разведен. Вот тогда неожиданно пришла мысль о побеге.

— Неожиданно, говорите... Может, кончим сказочками-баснями заниматься? Не детский сад тут, Щиров. Давайте, начнем с французов.

Подследственный Щиров подробно рассказал, как во время войны был по делам службы в полку «Нормандия — Неман», где познакомился с французскими летчиками. В 1942 году он совершил в этом районе вынужденную посадку, его приняли, организовали дружескую вечеринку...

— Но никаких иных связей с французскими летчиками у меня не было. Я и помню всего одно имя... Лео его звали, фамилию даже забыл.

— Допустим. А югославских летчиков вы помните лучше? Вот и расскажите о своих преступных связях с ними. В частности, о сговоре с Миленно Литвощаком...

— Какой сговор! В октябре 1944 года две авиадивизии были направлены для обеспечения боевых действий по освобождению Югославии. Будучи командиром авиаполка, я обучал югославов летному делу. Был там и Литвощак. А в 1945-м он приехал в Москву. Естественно, мы встречались. Новый, 46-й в ЦДКА вместе встречали — вот и все мои связи...

— Которые привели вас к измене Родине...

— Да нет же! Не собирался я изменять Родине... Ладно, я, наконец, скажу всю правду, как она есть... Записывайте...

В 16 часов 23 минуты допрос прерван.

Допрос Щирова С. С. в МГБ СССР 15 октября 1949 года.

— Не выкручивайтесь, Щиров,— потребовал следователь,— нам все известно. Расскажите о ваших связях с Людмилой Градчанской.

— Но в них не было ничего плохого. Она полька по национальности, училась в Ташкенте в экономическом институте. Мы с ней познакомились, проводили вместе вечера, танцевали.

— И подговаривали ее бежать за границу?

— Это была чистая шутка. Я хотел покатать ее на самолете. Да, сказал, «улечу» тебя за границу. Но на том самолете — УТ-2 — дальше Ташкента улететь невозможно. К тому же полет не состоялся.

— Но не по вашей вине.

— Да, не разрешили взлет. Но даже если бы я хотел лететь, на этом аппарате... Абсурд!

— И с актером Казанцевым ваши антисоветские разговоры — тоже абсурд? Нам все известно. Как накануне побега за границу вы ответили на вопрос актера о своих намерениях? Во Францию попасть, в Америку? А на его вопрос, что там будете делать, как ответили? Таксистом работать? Нет! В их авиацию вы хотели поступить со своим, не скрою, богатым боевым опытом. Казанцев вас спросил: «А если придется нас бомбить, ты что ж, полетишь?» А вы как ответили? «Если придется бомбить — буду бомбить». Так-то, Щиров. Вы не «случайный перебежчик», как пограничникам сказали.

Вы замышляли измену Роднне, вы хотели идти против своей Родины.

— Теперь мне ясно, что органам все нзвестно. Не стану отрицать... Да, я замышлял... Но я хочу сделать заявление...

Допрос прерван в 23 часа 04 минуты.

Из заявления Совета ветеранов в Комиссию Политбюро ЦК КПСС:

«В декабре 1941 года младший лейтенант Щиров уже командует звеном, в августе 42-го он зам. командира эскадрильи. О том, как воевал наш товарищ, лучше всего говорит такой факт: 13 декабря 1942 года Президиум Верховного Совета СССР присваивает ему высокое звание Героя Советского Союза. В марте 1945-го он командир полка в 236-й истребительной авиационной дивизии.

Сергей Сергеевич Щиров достойно закончил войну. Его взяли в Управление ВВС Советской Армии, где он передавал свой боевой опыт молодым летчикам, выполнял задания командования честно и добросовестно, как это делал и во время войны...»

В 1948 году Щирова С. С. неожнданно направнли в резерв ВВС, а потом назначили начальником аэроклуба в г. Ташкенте, то есть фактнческн уволили из ВВС, поскольку аэроклуб находился в ведении ДОСААФ...

Допрос Щирова С. С. 18 октября 1949 года в МГБ СССР.

— Советую вам, Щиров,— сказал следователь,— оставить свон басни н давать показания только по существу вашего преступления. Из Ташкента вы собиралнсь бежать за границу с вашей знакомой польской студенткой. Расскажнте об этом подробно н не вывертывайтесь.

— Действнтельно, я дал указанне подготовить самолет... Я показал на предыдущем допросе, что долететь до граннцы на нем нельзя. Но я решил бежать любыми путямн. Я был крайне озлоблен и действовал напропалую. Сел в самолет с Людмилой, запустил мотор, однако дежурный по аэродрому поднял тревогу, н моя попытка сорвалась. Но Людмила ни в чем не внновата. Она отказывалась бежать со мной. Я сказал,

что просто ее покатаю, так как на этом самолете дальше Ташкента не улететь. И пригрозил: если она сообщит о наших разговорах, то найдутся люди, которые ее уберут.

— Кто эти люди?

— Никто. Я просто грозил. Она испугалась, обещала молчать. А потом пропала. Это меня очень обеспокоило, и тогда я решил ехать в Ленинакан, где пограничная местность мне была хорошо известна, ведь я там служил.

27 октября 1949 года Щирова допрашивает военный прокурор.

— Вы признаете себя виновным в попытке нелегально перейти границу с целью измены Родине?

— Признаю.

— Вас уже допрашивали. Но повторите свои показания перед тем, как дело пойдет в военный трибунал. Расскажите, в частности, о ваших связях с подполковником Середой.

— Я все подтверждаю, что говорил ранее. А с Середой связи чисто дружеские. Он тоже летчик, тоже Герой Советского Союза. Мы и воевали вместе, и гуляли вместе. Иногда с выпивкой... Что было, то было...

— Нас интересует, в какой компании проходили ваши встречи и пьянки?

— Да никаких особых компаний. Наверное, вы имеете в виду вечеринку у артиста Леонида Двинина? Да, мы с Середой там были. Я пришел с девушкой, там были еще четыре девицы. Пили. Танцевали. Был и югославский майор, наш с Середой знакомый. После вечеринки, как я узнал, арестовали одну из девушек, Галю, якобы за связь с английской разведкой. Но я с ней не был знаком.

— А за что вы получили выговор по партийной линии?

— Я находился в командировке в Германии. Там был, что называется, загул. За это и объявили выговор. Но никаких связей, тех, что вас интересуют, не было.

— Вернемся к вашим связям с подполковником Середой. К вечеру у актера, на дне его рождения. Вы сообщили, что узнали об аресте некоей Гали. А что скажете о других девушках? В частности, о той, с которой на вечеринке был подполковник Середа. Что вы о ней знаете?

— Ничего ие знаю. Кажется, ее звали Ниа. После вечериики Середа мне сказал: «Нина иаписала Главкому ВВС дурацкое письмо. Будто бы я во время воздушиого парада собираюсь на своем истребителе врезаться в трибуну Мавзолея. Чушь какая-то. И подумать я об этом не мог». Но от участия в параде его отстранили. Кстати, и меня тоже... Но это абсолютная чепуха...

— Вы хотите дополнить чем-либо ваши показаиия?

— Я хочу одиого — побыстрее предстать перед судом. Суду я скажу все, все до конца.

— То, что предстанете перед судом, это я вам гарантирую. И советую сказать всю правду о ваших преступных замыслах.

Из заявления Совета ветеранов в Комиссию Политбюро ЦК КПСС:

«В апреле 1949 года С. С. Щирова арестовали и судили. Где, когда и за что — Совету ветеранов неизвестно. Мы знаем лишь, что в апреле 1950 года его лишили звания Героя Советского Союза и всех боевых наград...»

Обвиинительиое заключение по делу С. С. Щирова уместилось в одиом абзаце: «Щиров С. С., будучи враждебно настроеииым к ВКП(б) и Советской власти, пытался измеиить Родине — совершить побег за границу. Его действия подпадают под признаки ст. 19—58 м. II УК Армяиской ССР. 25.X.49 г.».

Из заявления Совета ветеранов в Комиссию Политбюро ЦК КПСС:

«Однополчане по 87-му истребительному авиаполку хорошо знали С. С. Щирова как дисциплинированного, умелого и отважного летчика, коммуниста, преданного делу партии Ленина, беззаветного патриота своей Родины. Он гордился своей Отчизной и грудью отстаивал завоевания Октября. Он был молод, красив, талантлив...»

Сергей Сергеевич Щиров тогда, в декабре 1949 года, ждал суда. Он прошел камеры следователей и карцеры, изматывающие тело и душу допросы. И тогда понял, что его ие хотят слушать, а навязывают те показания,

которые нужны им, что они из «ничего», из пустых, хотя иногда и легкомысленных разговоров умышленно «лепят» серьезные обвинения против него, против его друзей и случайных знакомых.

Да, он был молод, красив, талантлив и... наивен, как все честные люди того времени. Он ждал суда военного трибунала... Он его не дождался. Военный прокурор был самонадеян, обещая летчику суд. Его дело не рассматривали даже по той упрощенной палаческой процедуре, которая утвердилась в «юстиции» сталинских времен.

После обвинительного заключения в деле Щирова сразу же следует такой документ: «Постановление. Москва, 1949 год, октября 25 дня. Я, старший следователь по особо важным делам МГБ СССР майор Левшин, рассмотрев материалы следственного дела № 2508 по обвинению С. С. Щирова, нашел: Щиров арестован 7 апреля 1949 г. за попытку измены Родине. Следствием установлено, что Щиров решил совершить побег за границу. На основании изложенного постановил: Щирова как изменника Родине направить в Особый лагерь».

К этому приложена «Выписка из протокола» Особого совещания при министре МГБ СССР. Четвертушка листа, разделенного вертикальной линией. Слева: «Слушали: дело по обвинению Щирова в измене Родине». Справа: «Постановили: заключить в Особый лагерь сроком на 25 лет».

Из заявления Совета ветеранов в Комиссию Политбюро ЦК КПСС:

«Жена Щирова была под стать ему. Это была красивая женщина. Природа одарила ее всеми качествами. У них была сильная взаимная любовь. Они поженились в Москве, в 1944 году, когда Сергей Щиров был на время отозван с фронта... Это была бы хорошая советская семья...»

Письмо жены С. С. Щирова в МГБ СССР, озаглавленное «Заявление», июнь 1949 г.:

«Я вышла замуж весной 1944 года. Тогда Щирова вызвали в Управление ВВС для назначения инспектором... Летом 1944 года он уехал на фронт и был там до конца войны. В 1945 году его часть из Югославии перевели в Ленинакан, и он приехал за мной в Москву. В Ленинакане мы были 8 месяцев, после чего верну-

лись в Москву: муж получил назначение в Управление ВВС. В Ленинакане мы вели нормальный образ жизни. А в Москве все изменилось. Попав в среду таких людей, как Герой Советского Союза подполковник Середа, майор Соловьев, он начал пьянствовать, домой приходил под утро. Понятно, дело дошло до разрыва. Я не хотела этого, он обещал исправиться. Летом 1948 года его командировали в Германию, там он пьянствовал, за что получил выговор по партийной линии. Его перевели в Ташкент, но я с ним не поехала, так как наши отношения окончательно испортились.

О его настроениях. Никогда не слышала я от мужа или его друзей антисоветских высказываний. Он дружил с югославскими офицерами, но это были чисто дружеские отношения, политических разговоров они не вели. А когда отношения с Югославией испортились, я посоветовала ему быть осторожным, и он перестал встречаться с югославами. Никаких недовольств Советской властью никогда не выражал. Был недоволен, что его не включили для участия в параде, обижен переводом в Ташкент. Однако ничего антисоветского при этом не говорил».

Из заявления Совета** ветеранов в **Комиссию Политбюро ЦК КПСС:

«Совершил свой глупый, отчаянный поступок Сергей Сергеевич с единственной целью: добиться справедливости, но был за это жестоко и несправедливо наказан...»

В марте 1953 года умер И. В. Сталин. Вскоре арестовали Л. П. Берию и его приспешников... В то время чуть-чуть начали приоткрываться проходы в проволочных заграждениях Архипелага ГУЛАГ...

В декабре того же года прокурор Г. А. Терехов, начавший заниматься пересмотром дел, относящихся к только что ушедшей эпохе, допросил С. С. Щирова, отбывавшего на далеком Севере в Особом лагере свои 25 лет...

Терехов Г. А. Что толкнуло вас на столь безрассудный поступок? Почему вы решили бежать за границу? Боевой летчик, Герой Советского Союза и — измена Родине?

Щиров С. С. Я никогда не собирался изменять Родине. Выслушайте меня... Я говорил это следователям на

Лубянке... Я хотел сказать это и суду, но суда не было... Я это сказал здесь, в лагере перед военным трибуналом. Но ни слова об этом нет в моем деле. Все мои показания о французах, югославах, полете с польской студенткой, разговоры с Казанцевым, пьянки с Середой — все эти факты из меня выкрутили.

Весь мой побег — это инсценировка, которую нетрудно было разгадать. Я поехал на границу, туда, где служил, в район Ленинакана, я там знал все тропки и никак не мог заблудиться. Я же говорил следователям: так границы не переходят. Я сделал все для того, чтобы после ареста, который я, понятно, предвидел, доказать — побег был вымышленный, инсценированный.

Зачем я это сделал? Это был жест отчаяния, наверное, глупый, но мне надо было привлечь внимание к себе. Да, чтобы предстать перед трибуналом. Я думал, что там меня услышат все...

Как все было? В 44-м я женился в Москве на женщиие, которую полюбил всей душой. На третий день должен был уехать в командировку в Чкаловскую. Через неделю вернулся. Жены дома не было. Стал ждать. Восемь, десять... 12 часов. Жена не возвращалась. Я начал волноваться. Около двух часов ночи я услышал, что около дома остановилась машина. Из нее вышла жена. Мой приезд, очевидно, был для нее неожиданным. От нее пахло вином. Стала путано мне что-то объяснять. Я был убит всем этим — шел десятый день после свадьбы!

Утром она мне сказала: «Сергей, со мной произошло ужасное... Ты не поверишь, но это так. На другой день после твоего отъезда ко мне зашла Нина, ты ее знаешь, пригласила прогуляться. Мы шли и болтали. Тогда я даже не заметила, как около нас остановилась черная машина. Вышел человек в военной форме. Поздоровался с Ниной и пригласил нас прокатиться, заехать к его товарищу. Я отказалась, конечно. Он настаивал. Нина сказала — надо поехать, нельзя не поехать. Я ничего не понимала, совсем растерялась. Но она так повелительно потребовала, что я поехала. Мы въехали в какой-то двор, вошли в дом. Нас привели в комнату. Некоторое время никого не было. А потом вошел... Нет, ты не поверишь, но это так... Вошел Лаврентий Павлович Берия. Я была ошеломлена. Он угостил нас вином, стал что-то говорить, я ничего не воспринимала... Тут зазвонил белый телефон. Он сказал, что вызывают в Кремль, подождите, я скоро вернусь. Я не стала ждать,

уговорила Нину, и мы ушли... А через день снова около меня остановилась черная машина и вышел тот же полковник».

Вот что рассказала мне жена. Я не знал, верить ли ей или нет. Я был вне себя... Думал, что все это она сочинила. Но на следующий день часов в 12 в квартире раздался звонок, я открыл дверь. Не спрашивая разрешения, чуть не отстранив меня, в квартиру вошел полковник и спросил мою жену. Она вышла вместе со своей матерью. Не обращая на нас внимания, полковник сказал жене, что надо ехать, и вышел. Жена бледная, смущенная бросилась ко мне: не могу, мол, не ехать. Я ей сказал: «Езжай к своему Берии и скажи, что для этих целей у тебя есть муж. Если через час не вернешься, меня не увидишь никогда». Через час она вернулась.

Полковник больше не приходил, но звонки по телефону не прекращались. Я предложил жене развестись, она умоляла меня не делать этого. Я настоял, чтобы меня вернули на фронт, где я и был до конца войны. Я был вне себя...

Прерву ход допроса — а эта исповедь была произнесена именно во время допроса... Не хочу, а если бы хотел, вряд ли смог бы найти слова, чтобы описать состояние Сергея Щирова. Боевой летчик, ас, Герой, покоритель неба, только что соединивший себя брачными узами с умной красивой женщиной,— это же вершина, взлет, пик жизни! И... отвратительное унижение, плевок в душу, полное бессилие. Нет, тут нужен Шекспир... Щирова спасал фронт. Всю ярость свою вложил летчик в то, чтобы бить врага ненавистного. Он не хотел возвращаться домой. Но — война кончилась...

Щиров С. С. В 1946 году я вернулся в Москву и попросил направить меня служить подальше от столицы. Меня направили в Ленинакан командиром полка. Отношения с женой наладились. Но однажды раздался звонок из Тбилиси... Берия приехал туда на встречу с избирателями. И позвонил моей жене, звал ее приехать к нему, обещал прислать самолет. Жена отказалась. Но, несмотря на это, все налаженное между нами рухнуло, как карточный домик.

В 1947 году меня отозвали в Москву, в Управление ВВС. Через несколько дней раздался звонок, я взял

трубку. Голос с грузинским акцентом сказал повелительно: «Софу позовите». Я бросил трубку. Звонки не прекращались. Однажды я услышал из другой комнаты, как жена говорит в трубку: «Не могу, муж дома... Хорошо, Лида приедет». Лида — ее сестра. Она собралась и поехала — за ней пришла черная машина. Лида тоже была очень красива...

В тот вечер я напился. И вообще стал пить. Дело дошло до командующего. Но мне было все равно. Вскоре меня уволили из ВВС и направили в Ташкент, в аэроклуб. Уехал туда один. Я жену любил, но больше не мог быть с ней... И в то же время не мог вытерпеть того, что произошло. Я не желал с этим мириться. Но что было делать? И тогда я решился на свой отчаянный шаг. Я думал, что если все скажу перед трибуналом, то грязные дела этого мерзавца скрыть не удастся. Когда меня привезли на Лубянку, на первом же допросе я все сказал... И все остальные показания давал, находясь беспрерывно в карцере. Вот как все было, гражданин прокурор.

Терехов Г. А. Находясь в лагере, вы занимались антисоветской пропагандой? За это вас осудил военный трибунал.

Щиров С. С. Вся антисоветская пропаганда заключалась в том, что я рассказал свою историю товарищам по несчастью. И мне дали еще 25 лет.

1953 год, 24 сентября. Прокурор Г. А. Терехов допрашивал Саркисова Рафаэля Семеновича, полковника, начальника охраны Берии.

Терехов Г. А. Вам представляется список женщин, изъятый у вас при обыске. Назовите, с кем из этих женщин сожительствовал Берия.

Саркисов Р. С. Ознакомившись со списком, а также обдумав вопрос, я восстановил по памяти имена женщин, о которых я лично знал, что с ними Берия сожительствовал. Большинство из них я лично привозил к нему для этой цели. Привозил в его особняк на Садовом кольце. Других женщин я видал, как они посещали Берию в том же особняке, он сам говорил мне о них, в частности о том, как он с ними сожительствовал. Ниже я перечисляю женщин, с которыми Берия сожительствовал или они его посещали, понятно, с той же целью.

...117. Вольская Софья Иосифовна — жена Героя Советского Союза Щирова (она записана под девичьей фамилией, которую я изменил, так же как фамилии упоминавшихся ранее польской студентки и двух актеров.— *Ю. Ф.*).

Сластолюбивый мерзавец был ненасытен и всемогущ. Муж приглянувшейся ему женщины, летчик — Герой пошел в отчаянное пике, чтобы защитить свою честь и честь своей жены. И его растоптали.

После допроса-исповеди Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко принес протест на решение Особого совещания по делу С. С. Щирова. В протесте говорилось, что следствие велось под руководством Абакумова и Комарова, осужденных по делу Берии. Щиров С. С. «не был допрошен в более конкретной форме о причинах, толкнувших его на преступление, и вопрос о преступной роли Берии в его судьбе был обойден. Вместо суда дело направили в Особое совещание, чтобы скрыть роль Берии. Антисоветские суждения в лагере явились следствием несправедливости, допущенной в отношении Щирова человеком, занимавшим крупный пост в государстве».

Все же протест 1953 года не ставил вопрос о реабилитации С. С. Щирова. Ему снизили наказание до 5 лет и освободили по амнистии.

Из заявления Совета ветеранов в Комиссию Политбюро ЦК КПСС:

«После амнистии С. С. Щиров попал в психиатрическую больницу в Казани, где и скончался 2 апреля 1956 года... Сергея Сергеевича нет среди нас уже более 30 лет. Но мы не можем мириться с тем, что имя героя-патриота опозорено. Члены Совета ветеранов и однополчан Я. Л. Мороз, А. Е. Грошев, В. Г. Котов и другие».

Из протеста заместителя Генерального прокурора СССР А. Катусева, внесенного на пленум Верховного суда СССР в августе 1988 года:

«Проверкой установлено, что действительно в 1944 году начальник личной охраны Берия Л. П.— полковник Саркисов, увидев на улице жену Щирова, завлек ее в

особняк, и там Берия принудил ее к сожительству, после чего неоднократно вызывал к себе в течение 1944—1949 гг.». Далее в протесте говорится: «Нахожу, что при изложенных обстоятельствах Щиров необоснованно признан винновным в измене Родине, его действия не образуют состава преступлення».

Пленум Верховного суда СССР удовлетворил протест. Но над памятью Сергея Сергеевича Щирова еще висит «лагерный» приговор военного трибунала. Справедливость требует — как пншут однополчане, и с нимн нельзя не согласиться,— чтобы честь героя-летчика, чью судьбу под № 117 растоптал негодяй, была восстановлена полностью. С возвратом звания Героя Советского Союза. Пусть останется хотя бы незатоптанной его честь...

Вот такая история из недалеких времен скрывалась за одним протестом, рассмотренным Верховным судом СССР на очередном пленуме.

Грузчик Иван Демура — «враг народа»

На пленуме Верховного суда СССР, где реабилитировали незаконно осужденных в годы культа личности руководителей партни и государства, меня заинтересовало, даже, я бы сказал, заинтриговало одно дело. Прошло оно почти незаметно. Докладчик доложил о протесте Председателя Верховного суда СССР, зачнтал короткую справку, и все проголосовали: приговор 1938 года отменить.

Речь шла о судьбе Ивана Петровича Демуры. В 1938 году его судила Военная коллегия Верховного суда СССР. Иван, тогда 24-летний парень, имел низшее образование, работал грузчиком Селемджинской транспортной конторы треста «Амурзолото» и обвинялся сразу по пяти пунктам страшной 58-й статьи тогдашнего Уголовного кодекса РСФСР. Эта статья ставила на осужденного клеймо — «враг народа».

В чем дело, думал я, чнтая полторы страницы протеста? Простой грузчик, н вдруг выездные заседания Военной коллегии. Может быть, что-то связанное с золотом? Тогда понятно. Я взял тощенький том самого дела. Нет, никакого прикосновения к золоту Иван Демура не имел. То, в чем его обвинили, было куда серьезнее...

«Дело» было начато 4 апреля 1938 года в Благовещенске. Первый документ — постановление:

«Я, пом. оперуполномоченного III отдела Амуроблуправления НКВД сержант госбезопасности Рябов, рассмотрел материал по делу № 14615 и, принимая во внимание, что гр. Демура И. П., 1914 года рождения, беспартийный, русский, грамотный, грузчик Селемджинской транспортной конторы треста «Амурзолото»... изобличается в том, что, являясь участником контрреволюционной повстанческой ячейки, существовавшей в трансконторе, являющейся низовой ячейкой правотроцкистской шпионско-диверсионной организации, существовавшей в тресте «Амурзолото», совместно с другими участниками проводил контрреволюционную вредительскую работу и готовился для вооруженного свержения Советской власти, а потому привлечь к ответственности гр. Демуру И. П. по ст. 58-1а, 52-2, 58-7, 58-8, 58-11 УК РСФСР».

Далее следовало постановление о содержании под стражей, анкета, из коей было видно, что до 1930 года Иван жил в деревне, а потом стал рабочим. Женат на Нине Давыдовне и имеет сына Анатолия 1937 года рождения. Член профсоюза и военнообязанный. Приложены профбилет с наклеенными по март 1938 года марками и военный билет.

После ареста 4 апреля 1938 года прошел месяц, никак в документах не отраженный. Можно предположить, что он был использован для вылавливания сообщников, добывания улик, разгрома шпионско-диверсионной организации правых троцкистов и, естественно, для разоблачения Ивана Демуры.

Удалось, очевидно, только последнее, что явствует из протокола допроса грузчика от 6 мая. Он не очень большой, этот протокол, и я процитирую его полностью, исключая повторения.

«**Вопрос.** Вы арестованы как участник контрреволюционной повстанческой ячейки. Признаете себя виновным?

Ответ. Да, признаю. Я являюсь участником контрреволюционной повстанческой ячейки (далее точное изложение постановления сержанта госбезопасности Рябова). Завербован в феврале 1938 года бывшим заведующим перевалочной базы конторы Поповым Андроном, отчество не помню.

Вопрос. Изложите обстоятельства вербовки.

Ответ. Еще до поступления в контору я встречался с Поповым. Разговоры носили политический характер.

Попов доказывал иесостоятельиость Советской власти, клеветал иа политику партии и правительства, этим разжигал во мне ненависть к существующему у иас режиму. В одиом из разговоров в поселке Попов предложил вступить в ячейку, задачи которой во время войны с Японией заключались в том, чтобы поднять вооруженное восстание, уиичтожить коммунистов и преданных Советской власти людей, после чего оказать помощь Японии в восстановлении капиталистической системы.

Вопрос. Какие задачи получали от Попова?

Ответ. Во-первых, задерживать погрузку и выгрузку продуктов путем разложеиия дисциплииы среди грузчиков. Во-вторых, быть готовым в любой момент для участия в вооружеином восстаиии.

Вопрос. Это все?

Ответ. Все.

Вопрос. Выполнили задаиия Попова?

Ответ. Да, выполнил.

Вопрос. Назовите участников ячейки.

Ответ. Кроме Попова участииком был Закомарии Федор, отчества не помню, тоже грузчик. Других я не знаю.

Вопрос. Где находится оружие для восстания?

Ответ. В отношении оружия мне ничего неизвестно».

Протокол подписал сержант госбезопасности Александров, так и не выяснив ничего насчет оружия. А оружие было! Чуть выше в деле есть протокол обыска, проведенного после ареста у Ивана Демуры. Вот он:

«В присутствии понятых сотрудиик Мазаловского района НКВД Федотов произвел обыск. Изъято:

1. Одноствольное дробовое ружье. (Вот оно!— *Ю. Ф.*)
2. Гильз — 20.
3. Профбилет.
4. Воеибилет.
5. Справка о сдаче паспорта.

Больше при обыске ничего ие обнаружено».

Вернемся, однако, к изобличениям Ивана Демуры. В «Деле» нет никакого упомииания ии о Попове, который завербовал Иваиа, ни о Закомарии, который был соучастником по повстанческой ячейке. Откуда же, думал я, вообще всплыл Иваи Демура как союзник милитарнстской Японии? Ответ иа этот вопрос иашел в протоколе допроса грузчика Федора Викуловича Метелкина, 1889 года рождения. Его тоже «взяли», допрашивали, и он назвал 15 фамилий будущих повстаицев: двух плот-

ников, боидаря, сторожа, счетовода и нескольких грузчиков, даже парикмахера. Среди них и Ивана Демуру.

Сколько я ии листал дело, никаких улик, кроме приведенных, я ие иашел. Ну, хоть бы что-нибудь. Пусто. Однако этого вполие хватило, чтобы в обвинительном заключеиии записать:

«Будучи завербованным Поповым, Демура проводил подрывиую работу в тресте, срывал подготовку грузов и разлагал производственную дисциплину среди рабочих, провоцировал недовольство на Советскую власть путем аитисоветской агитации и распространеиия различных провокациоииых измышлений. На осиовании... обвиняется... направляется для рассмотреиия...» И в конце, после подписей авторов Обвинительного заключеиия — справка: «вещественных доказательств по делу иет».

Все в общем-то шло по заведенному «порядку». Вещественных доказательств нет, это зафиксировали. Но и невещественные доказательства не привели: хоть бы на анекдотец какой-иибудь сослались для обоснования обвииения, измышленьице какое — ничего. Все, что процитировал,— и ии полслова больше.

И вот тут начинаются для меня загадки, которые, сколько ии думаю, разгадать не могу. Ну, кончили бы с Иваном Демурой приговором «тройки» или «двойки», в «список» бы занесли на ликвидацию — поиятио было бы. Так иет. Дело передали на рассмотрение выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР. Ее состав: диввоеиюрист Никитченко И. Т., председательствующий на «процессе», бригвоенюрист Каравалков Ф. Ф. и военюрист I ранга Климин Ф. А., при секретаре военюристе I ранга Кудрявцеве Н. Н., при участии пом. главного военного прокурора бригвоеиюриста Калугина А. Б. В буквальном смысле «высокий суд». Над грузчиком Иваиом Демурой, «доказательства» вины которого я привел исчерпывающе.

Вполне вероятио, что по логике, хоть что-то объясняющей, органам НКВД на Дальнем Востоке требовались громкие дела. А коль их не было — приходилось высасывать из пальца. А уж тут на кого судьба выпадет: было бы «дело» — человек найдется. А чтобы придать вес делу, ие имеющему под собой иикаких оснований, передали материалы Военной коллегии, гастролировавшей в то время по областям Дальнего Востока.

Но коль высокий суд — то все по всей форме, что зафиксироваио в документах.

«15 мая. Протокол подготовительного заседания. *Слушали:* дело по обвинению Демуры И. П. (Фамилия вписана синими буквами в бланк протокола, напечатанный на машинке с черной лентой.— *Ю. Ф.*) *Определили:* дело заслушать в закрытом заседании без вызова свидетелей и без участия обвинения и защиты. Прокурор участвовал в деле как лицо, осуществляющее надзор за законностью, а не как сторона в процессе».

Протокол судебного заседания от 16 мая 1938 г. «Заседание открыто в 14.00». Далее следует ровно 5 фраз, излагающих ход процесса. «Суд удаляется на совещание...» «Приговор оглашен в 14.15. Заседание объявляется закрытым».

Приговор написан от руки размашистым почерком: констатирующая часть уместилась в 19 строк, результативная — в семь. Их я и приведу:

«Военная коллегия приговорила Демуру И. П. к высшей мере наказания — расстрелу, с конфискацией всего ему принадлежащего имущества. Приговор окончательный и на основании постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г. подлежит немедленному исполнению».

Последний документ в деле под грифом «Секретно». «Справка. Приговор о расстреле Демуры И. П. приведен в исполнение 16 мая 1938 года в г. Благовещенске. Нач. 12 отд. I спецотдела НКВД СССР лейтенант госбезопасности Шевелев».

Читаю эти документы, думаю и не могу связать концы с концами. Нет, не только в той загадке — почему персоне Ивана Демуры, грузчика, уделило внимание столь высокое судилище. В конце концов, каким способом уничтожить человека — это второй вопрос. Первые — за что? Почему? Смысл-то где?

Сейчас мы, знакомясь с трагическими документами той поры, внимая рассказам случайно оставшихся в живых, строя свои версии или читая версии, публикуемые в романах и статьях, пытаемся ответить на эти вопросы. Иначе и быть не может — ум и совесть требуют каких-то объяснений тем событиям. Не говорю: оправдывающих, но хоть каких-то.

Как известно, объяснить можно все. История знает много злодеяний — и ни одно не происходило без объяснений, предшествующих событию, по ходу его или последующих. А ведь объяснить — значит понять.

Репрессии периода культа личности объясняют по-разному. Одни говорят, что все же уничтожались оппозиционеры, так сказать, «противники линии». Ну, попадали под каток и не противники, а даже сторонники, но уж такая была обстановка борьбы. В большом деле перегибы и «издержки производства» неизбежны.

Другие все объясняют лишь злой волей творца репрессий, вносят сюда, так сказать, «личный момент». Уничтожал-де он тех, кто с ним когда-то спорил; тех, кто мог свидетельствовать об его истинной роли в революции и тем помешать искажению истории; тех, кто поддерживал, но недостаточно рьяно, а заодно и тех, кто попросту чем-то раздражал или попался под руку во время минутного каприза.

Не высказывается в печати, но ходит в народе третья версия, «объясняющая» репрессии. Он начальство изничтожал, своим «боярам» головы рубил. И правильно делал, потому что от них, «бояр», а не от царя все зло. Не думайте, что в наш просвещенный век наш высокообразованный народ чужд такому объяснению. Поверьте: сам слышал и даже спорил со сторонниками так называемой «народной версии».

Все эти версии, логичные или причудливые, пытаются объяснить, почему гильотина опускалась на головы оппозиционеров и соратников; еретически мыслящих ученых и умалчивающих о величии «отца народов» поэтов; вызвавших его неудовольствие командиров производства и вышедших из шеренги военачальников. И ведь получается по этим объяснениям, что кое-что все-таки было, где-то оно реальное, но где-то призрачное, однако объяснимое, а значит, и способное быть понятым. Вот ведь как порой изгибается «линия» к объективному восприятию.

А я читаю дело Ивана Демуры и думаю: как его-то объяснить? Думаю и не могу придумать.

Ибо если неведомый не только Сталину, но, наверное, начальнику местного НКВД грузчик Иван Демура — враг народа, то кто же тогда народ?

Мог, конечно, злосчастный Иван попасть и под горячую руку, мог случайно оказаться причисленным к шпионам-диверсантам: «Лес рубят — щепки летят». Подразумевается, что щепки — это те самые необходимые «издержки производства», а сам лес-то рубили правильно. Если бы! Не «боярские» головы рубил 1937-й. Рубил головы многочисленных представителей самого народа.

Если бы это был только грузчик Иван Демура... Приведу свидетельство жительницы Бобруйска Франи Федоровны Плотниковой:

«Когда я читаю в газетах о тех далеких временах 1937—1938 гг., не могу оставаться спокойной и всегда наплачусь вдоволь. Все то прошлое, горькое, несправедливое стоит перед глазами. В 1937 году мне было 9 лет. Жили мы недалеко от г. Бобруйска, в 20 км. Наша деревушка — 60 домов. И 18 человек погибли от ежовых рук. 18 человек — молодых, здоровых, честных и добрых. Которые боролись за Советскую власть, за создание колхозов.

Отец наш работал дорожным мастером на участке Речица — Глуск. Помню, как ночью приехали из НКВД. Когда начали делать обыск, рыться везде, мы между собой говорили, что это к папе начальство приехало. Нас у папы было пятеро, и когда приезжало начальство, привозили нам гостинцы... Но, когда мы увидели плачущую мать и дедушку, мы начали тоже реветь... И вот последние слова отца к маме: «Береги детей». Младшая сестренка, которой было 3 года, крепко держала папу за ногу, только возле порога отцепил ее патруль. Это было зимой, в декабре 1937 года. Мы все оделись и пошли по улице ночью к дому, где уже ждала машина. В нем было 10 человек. Крик детей, жен, слезы с причитаниями, гул машин разорвали ночную тишину. Женщины, уцепившись за борт машины, бежали, продляя последнюю минуту расставания.

Утром в школе дети, которые стали сиротами, весь день, не поднимая головы от парты, горько плакали. На стене в школе висели плакаты. Большая, сильная рука Ежова сжимала змею с надписью: «Держать в Ежовых рукавицах!» На втором плакате была надпись: «Искореним врагов народа, троцкистско-бухаринских шпионов, агентов фашизма».

Сразу после Нового года забрали еще 8 человек из нашей маленькой деревушки. Один вернулся, когда была реабилитация. Но у этого человека ничего нельзя было узнать. Он был замкнут, неразговорчив. Напрасно добивались у него правды. Жил он недолго и вскоре умер. Остальные были расстреляны вблизи Бобруйска. Их из тюрьмы вывозили ночью в лес, заставляли рыть себе яму, а затем расстреливали.

А до этого мама, как и другие вдовы, ходила в город, расположенный в 20 километрах, зимой по снегу

пешком, чтобы отнести передачу и посмотреть сквозь щель, как осужденных выводили на прогулку. Однажды я попросилась с ней. Белье, которое мама накануне передавала отцу, было в клочья порвано и все в крови. Мама приносила его, бросала на пол, показывая нам, и мы горько плакали. На следующий раз несли другое белье, и вновь оно было порвано и окровавлено. Но потом отца не стало, его расстреляли».

Если и эти восемнадцать крестьян плюс еще восемь из деревушки в 60 домов — враги народа, то, повторю вопрос, кто же тогда народ?

Увы, это было планомерное, предписанное сверху уничтожение людей, должное охватить все отрасли по вертикали и регионы по горизонтали. Ну и, как полагается, его дополняло встречное движение работников НКВД снизу, дабы не отстать от всеобщего рапортования.

В обвинительном заключении по делу Ивана Демуры в преамбуле записано: «В конце 1937 г. Амурским облуправлением НКВД вскрыта и ликвидирована контрреволюционная правотроцкистская организация, действовавшая по заданию японских разведорганов и охватившая своей преступной деятельностью все отрасли народного хозяйства (добычу золота, заготовку леса, заводы, колхозы) и партийно-советский аппарат области. Она ставила задачей свержение Советской власти и отторжение Дальнего Востока. Для достижения этих преступных целей за деньги и по заданию японской разведки активно готовила вооруженное восстание, насаждала повстанческие ячейки, занималась подготовкой террористов против руководителей партии и правительства».

Скорее всего, этих рапортов никто не читал. Но их ждали. И они шли... Сверху палаческие директивы — снизу палаческие рапорты. А уж грузчик там или же плотник попадал, Иван или Федор — какое это имело значение. Их, этих Иванов и Федоров, никто и не знал, они просто шли в стружку.

Вот это «объективное восприятие прошлого» не заслонило бы от нас подлинную трагедию громкими процессами и именами. Преступления и там совершены неискупимые. Но здесь — непростительные во сто крат: преступления против народа...

Дочки Арбата

По времени этот юридический акт занял от силы две-три минуты. Пленум Верховного суда СССР рассмотрел протест председателя этого суда по одному давнему уголовному делу, относящемуся еще к 1938 году.

Перед тем, кстати, члены Верховного суда едва ли не час обсуждали такой казус. В некоем хозяйстве пропала автомашина. Два командира производства с помощью лихого шофера угнали примерно такую же с другого предприятия, что и было расценено как хищение. Однако в протесте Генерального прокурора СССР ставился вопрос: а хищение ли это, поскольку никто лично в свой карман ничего не положил? Или же это надо квалифицировать как угон автомашины? Спорили долго, мнения разделились, и пришлось подсчитывать голоса. Да еще собирались отложить дело. Оно ведь с правовой точки зрения действительно очень серьезно: как квалифицировать в судебной практике дела такого рода? От этого зависит наказание преступника.

А после этого... председатель судебной коллегии по уголовным делам Верховного Совета СССР доложил короткое дело. Все будто притихли и тут же подняли руки: протест Председателя Верховного суда СССР удовлетворен единогласно.

Протест этот — по делу Елены Рухимович, Тамары Медведевой, Нины Оппоковой-Ломовой, Татьяны Смилги-Полуян, Натальи Крестинской. Все пятеро были осуждены 17 ноября 1939 года Особым совещанием при НКВД СССР по статье 58 УК РСФСР. За создание антисоветской группы. За контрреволюционную деятельность.

Я услышал, что будут пересматривать дело «детей Арбата», когда еще пленум не собрался. Потом увидел эту строку в списке протестов, подлежащих рассмотрению. Наконец перед глазами прошла реабилитация без всякого обсуждения: каждый член Верховного суда имел перед собой документы и, собственно, обсуждать было действительно нечего. Тем более что так называемые «спецдела» рассматриваются практически на каждом пленуме и проходят так же кратко — ко всегдашнему моему разочарованию. Подготовительная исследовательская работа проходит до этого момента, предмета юридического спора. А проводить время в излишних разговорах — не в правах высшего судебного органа...

Тогда этим пятерым девушкам было по 19—20 лет. Елена Рухимович училась в институте цветных металлов, Тамара Медведева — в музыкальном училище, Наташа Крестинская — в медицинском институте, Нина Оппокова-Ломова и Татьяна Смилга-Полуян — в институте иностранных языков. Их отцы были видными, а некоторые известными в стране и партии революционерами, сподвижниками Ленина, занимали крупные посты в нашем государстве — наркомовского уровня. И «вдруг»... Нет, не вдруг, понятно, стали брать уже давно. Но для девушек именно «вдруг» их отцов арестовали. А вслед за тем — также и матерей, вне зависимости от занимаемой должности, хотя бы и домохозяек.

Свалившаяся беда ошеломила. Растерянные девочки сделали единственно возможное и естественное в их положении: собрались вместе поплакать и погадать о судьбе родителей. И этого оказалось достаточно, чтобы возникло «Дело», а в нем до допросов их и расследований утверждение: «Входили в состав группы из детей репрессированных, выражали недовольство по поводу ареста отцов, критиковали решения партии и правительства».

А вскоре появился и первый документ, озаглавленный: «Постановление»: «1939 года, июня 10-го дня, я, пом. оперуполномоченного сержант органов госбезопасности Макеев, рассмотрев... нашел... Медведева Т. враждебно настроена против руководителей ВКП(б) и Советского правительства, является активной участницей контрреволюционной группы, состоящей из детей лиц, репрессированных НКВД».

В качестве доказательства приводится свидетельство самой Тамары. Она сказала, как зафиксировано в протоколе первого допроса, на «контрреволюционном сборище»: «Дела наши неважны, но надо надеяться, что как-нибудь наладятся. Вместе нам легче. Мы все-таки друг другу помогаем». Впрочем, одна из «участниц группы» дала берневскому сержанту веский повод для обвинения в контрреволюционном заговоре. Вот ее слова: «Уверяю, что все недовольны тем, что творится. Откинем наш личный вопрос (родители). Что ж тогда? Все, что сделал Ленин,— все перевернули?»

Они были не так уж наивны, эти дочери Арбата. Они понимали, что происходит. Тем более стали еще глубже понимать, когда начались их допросы.

Листаю эти документы полувековой давности. С чувством... Любопытства? Сочувствия? Волнения? Страха?

Не знаю даже, с каким чувством. Никакие эпитеты не подходят. Просто воображение рождает картины: юные девушки перед звероподобными сержантами и лейтенантами НКВД. Например, Тамара Медведева, которая, как значится в бумагах, «враждебно настроена против руководителей ЦК ВКП(б) и Советского правительства».

— Антисоветских разговоров у нас не было. Нина Ломова говорила, что у ее мамы вины нет. Она зашла к Тане Смилге, которая об отце беспокоилась,— говорила следователю Тамара.

— Где еще собирались?

— У Тани Мануильской. Но я ни в чем не виновата. И никто из нас...

— Напоминаю: следствие располагает данными, что вы участвовали в антисоветских сборищах.

— Я никогда не слышала антисоветских разговоров.

И новое постановление: «Содержать во внутренней тюрьме НКВД». «Утверждаю. Кобулов».

Листаю аккуратно исполненные документы. Допрос начат в 21 час., закончен в 23 ч. 30 мин. Допрос начат... допрос окончен...

Постановление следователя лейтенанта Якушина: «Медведева изобличается как участница контрреволюционной группы молодежи...» «Ломову, как озлобленно настроенную против Советской власти, арестовать».

Испрашивается разрешение на продление срока содержания под стражей «для производства дополнительных следственных действий». И вот их результат.

«Признаю,— говорила Тамара Медведева,— что участвовала в сборищах детей, родители которых репрессированы НКВД, заведомо зная об антисоветских настроениях, рассказывала анекдоты, направленные против вождя».

А вот зафиксированный в протоколах крестный путь Татьяны Смилги-Полуян. Ее показания, приведенные ниже, давались с промежутками в два-три дня.

Первое показание:

— Да, однажды, идя из школы после ареста матери, Лена сказала, что не уверена, действительно ли мать виновата. Предложила собраться и почитать Ленина

Второе:

— Я признаю, что вела разговоры антисоветского характера. Теперь понимаю, что эти разговоры характеризуют меня как антисоветского человека.

Третье:

— Основиой причиной того, что я враждебно отношусь к Советской власти, является прямое влияние моих родителей.

Так их ломали, этих девушек, выросших с верой в светлые идеалы, воспитанных на героических примерах своих отцов. Их ломали. Но они все же окончательно ие сломались. Та же Татьяна Смилга-Полуяи говорила следователю НКВД, как это и зафиксироваио в протоколе:

— Разве это ие унизительно, когда твердо зиаешь, что я ии в чем не виновата, являюсь таким же, как все, граждаииином страны, и все же меня изживают из жизни. А ведь Сталин сказал, что «сын за отца ие отвечает».

Да, четверо из пяти «признались». Наташа Крестиикая до конца отрицала вину. Впрочем, коивейер работал так, что это ие имело никакого практического зиачения. Можно лишь гадать, что она, да и все они претерпели во время «дополнительных следствеиих действий», которые регулярио в соответствии с процессуальиым законом испрашивались и получались. В результате продлевались сроки содержания в тюрьме.

Оии были мужественны, эти девушки, дочери большевиков, и поэтому не потеряли своего достоинства. И это зафиксировала бюрократическая канцелярщииа тогдашнего производства. «Оппокова-Ломова,— сказаио в обвииительиом заключении,— будучи завербоваииой органами НКВД для освещения действий группы молодежи, работать отказалась». Хороши же были вербовщики — гнали «липу» своему начальству для отчета. Ничего себе «осведомители» НКВД, которые открыто отказываются от постыдной роли предателей и даже «раскоиспирируются»! Нет, ие сумели сержанты и лейтенаиты тогдашнего НКВД ни сломить, ни растлить души девушек.

Материалы на девушек были направлены в Особое совещаиие. К иим заранее приложили справки санчасти, в сущиости, предопределившие судьбу до приговора, на каждую одииаковые: «Годна к тяжелым работам».

Ни протокола судебного заседания, ни приговора Особого совещаиия я в «делах» не увидел. Вместо этого иа четвертушках бумажного листа коротко записано: Елене Рухимович, Тамаре Медведевой, Наталье Крестинской — ссылка в отдаленные районы Казахстана; Нии Оппоковой-Ломовой и Татьяне Смилге-Полуяи — концентрационные лагеря...

А в 1949 году органы НКВД определили им новые ссылки. И начались новые, казавшиеся беспросветными мытарства женщин, которые были ошеломлены арестом родителей и сделали единственное, что так естественно в их положении в 1939 году,— собрались вместе поплакать о судьбе родителей и подумать о своей судьбе. Им мстили беспощадно. А за что?!

24 декабря 1987 года пленум Верховного суда СССР реабилитировал всех этих женщин — за отсутствием в их действиях состава преступления. К счастью, Елена Моисеевна Рухимович, Тамара Алексеевна Медведева, Нина Георгиевна Оппокова-Ломова, Татьяна Ивановна Смилга-Полуян, Наталья Николаевна Крестинская выжили и дождались своей реабилитации, с радостью прочитали об этом в газете...

Почему — неизбежно возникает вопрос — только сейчас последовала реабилитация? Вообще-то здесь есть некоторая неточность — все пятеро были реабилнтированы еще в 1955 году с формулировкой «за недоказанностью вины». Юридически это означает полную реабилитацию, абсолютную невиновность. Но, во-первых, в мнениях людей появляется некий моральный оттенок: «Возможно, что-то и было, но только не доказано». А во-вторых, само правосудие требует предельно точных формулировок. Поэтому Председатель Верховного суда СССР счел необходимым внести протест и еще раз пересмотреть дела в пользу невинно осужденных в 1939 году.

А так они, эти женщины, вернулись на «свой Арбат, в свое отечество» еще тогда, в 1955-м. Если быть точным, не все из них жили в районе Арбата. Однако с некоторых пор, с песни Булата Окуджавы, а может быть и раньше, «Арбат» перестал быть лишь названием улицы. С выходом в свет «Детей Арбата» эта его ипостась во сто крат усилилась.

Арбат стал как бы некоей моральной категорией. В этом слове воплощена, я бы сказал, известная незастегнутая интеллигентность, старомосковский шарм, замешанный на былом вольтерьянстве. Арбат «держнт» исконную Москву. Он олицетворяет ее достоинство, местный, в лучшем смысле слова, патриотизм. В нем хранятся предания московской старины.

Дети Арбата, выходцы из него — пусть их осталось в столице не так много — держат планку на уровне. Вот так же, как держали ее в неимоверно трудных, невыносимых условиях пять дочерей Арбата. Давнее эн-

кавэдэвское дело, пересмотренное и прекращенное в юридическом смысле, остается как свидетельство мужества, достоинства, верности отцам и «своему Арбату» молоденьких девушек, которые как только могли противостояли адской машине, запущенной в тридцатые годы.

В больших статьях, в кинокадрах мы воздаем сейчас должное тем видным деятелям партии и государства, которые были оклеветаны или уничтожены по велению указующего перста. Воздать должное их памяти, рассказать об истинной роли в истории Отечества — благородное дело.

Но что же расскажешь о 17—20-летних девушках и парнях, попавших в те же жернова? Учились в школе, ходили в кино, только-только начали влюбляться. И — крутой обрыв. Но там, во тьме, они прошли испытания на достоинство и стойкость.

Свидетельство тому — судьба пятерых дочерей Арбата. Пятерых из многих, многих...

Возвращение к истокам

Вместо заключения

Один композитор говорил так: рев заводской трубы — это идеальный звуковой порядок, гомон восточного базара — какофония анархии; мелодия лежит где-то посредине. Мне кажется, эта своеобразная музыкальная философия приложима к исследованию общественной жизни. Она, эта жизнь (и мы в ней), ищет идеал между двумя полюсами: свободой и властью. Мы упорно утверждали, будто между гражданином и государством царит полное согласие. Нет, их отношения изначально противоречивы. И лишь право способно привести их к приемлемому компромиссу.

Но что такое право? Чтобы ответить на этот вопрос, позволю себе сослаться на одну восточную притчу...

Некоего юношу послали учиться законам к знаменитому шейху. Десять лет юноша записывал мудрости, которые изрекал святой шейх. Возвращаясь на родину уже зрелым мужем, он вел за собой ишака, нагруженного тюками со свитками мудрости. И стал этот человек судить своих земляков. Кто ни придет со своим делом — он тотчас развертывает свиток и зачитывает изречение. Люди дивятся учености своего земляка, а вот как поступить — не понимают. Переспросят — а он им новое изречение, еще более ученое и непонятное. И все меньше и меньше людей стало ходить к мудрецу.

Однажды поехал он в горное село наставлять в законах тамошних людей. При переправе через речку ишак со всеми свитками утонул. Мудрец был в отчаянии: как же ему теперь судить, когда об этом попросят люди? И вот когда пришли к нему с тяжбой, он, не имея свитков мудрости, впервые переспросил: «Так что, говорите, у вас за дело?» А вникнув в смысл, стал вспоминать, что же было в тех свитках. А в них было действи-

тельно много мудрости. И сказал, как надо поступить. Да так ясно и мудро сказал, что люди только поднивились. С тех пор пошла слава об ученом муже, со всех сторон потянулись к нему люди. И при этом говорили: «Раньше-то нас ученый ишак наставлял, а теперь сам ученый муж».

Свитки законов писались веками, даже тысячелетиями. Писались жестоко, испытывая на людях казни и пытки, несправедливость произвола и узаконенное тиранство, самосуд толпы и безжалостность державных механизмов. И всегда, даже в самые бесчеловечные времена, безудержный произвол пытался оправдать себя высокими целями и благом подданных. Где-то еще в пещерах наши пращуры сделали непоправимый шаг. Испытывая несовершенства вечевого, «базарного» решения своих проблем, они имели неосторожность передать свои прерогативы одному — справедливейшему и мудрейшему. Или же молчаливо согласились с тем, что мудрейший сам присвоил себе право выносить наисправедливейшие решения за всех. Ну, а дальше, как говорят, дело техники. Очень скоро вечевая стихия трансформировалась в рев трубы единоличной власти. Доведенный до совершенства порядок рождал хаос произвола. Ибо если еще возможно удерживаться на одном уровне добра, то зло всегда прогрессирует. Тирания по своей сути не способна считаться с правом, даже с самым урезанным.

Правовой хаос — худшее из зол для общества. Лучше знать, что тебя за такой-то поступок ждет мучительнейшая казнь, чем не ведать, как с тобой поступят через минуту без всякого с твоей стороны поступка или повода. Это точно подметил великий юрист и философ Монтескье, когда написал: «В государстве, которое обладает совершенными законами, человек, приговоренный завтра быть повешенным, более свободен, чем в Турции паша». Тут нет парадокса. Приговоренный знает, за что он расплачивается, он не лишен возможности хотя бы помолиться. Вельможа при султанском дворе лишен и этих прав. Он никогда не знает, как себя вести. Ему могут отрубить голову как за раболепство, так и за строптивость. Все зависит от сиюминутного настроения повелителя, от того, с какой ноги он утром встал, что шепнул ему в этот момент другой паша.

Теоретически самовластительный султан мог бы издать фирман, в коем прямо узаконить «право рубить головы по настроению». Однако во всех «свитках права»

мы такой откровеиности ие иайдем. Во все времеиа абсолютные тираиы иаряду с другими титулами присваивали себе название «справедливейших», «милостивейших», «человеколюбивых». Все ссылались иа святость божественных и человеческих закоиов. Хаос же создавался и произвол творился помимо права, рядом с правом, в обход официальиого права.

Тут мие хотелось бы высказать одио соображеиие, очевидио, ие иовое, одиако иеобходимое для уясиеиия ие только исторических ретроспектив, ио и для поиимаиия близкого иам времеии.

Обычио поиятие «право» мы отождествляем с поиятием «закои». По крайией мере, в обыдеииом созиаиии оии сливаются. Но это ие так! Все-таки со словом «право» — божествеииым, естествеииым, человеческим — люди связывают поиятие об извечиой, изиачальиой справедливости, о чем-то для всех равиом, устойчивом. Если иесбыточиым в этой жизии, то существующим в другой; или существовавшей в «золотом веке», или же грядущей вместе с приходом мессии. Без иадежды иа это «право» человечество, возможио, и ие выжило бы.

«Закои» сплошь и рядом идет вразрез с так поиимаемым «правом». Его выиуждеиы прииимать поддаииые и граждаие как устаиовлеиие высшей власти, уже сегодия обязательиое для исполиеиия. Так вот, если вериуться к восточиой притче, то я бы ее истолковал так: в гориой речке утоиул ишак со «свитками закоиов». В голове же мудреца-судьи остались прииципы права в их изиачальиом смысле...

Правовая реформа и груз прошлого

Больше четверти века иазад, в самом иачале шестидесятых, мие посчастливилось, а может, иаоборот, выпало иесчастье быть иа одном зиамеиитом тогда уголовиом процессе.

Посчастливилось потому, что дело это действительио было у всех иа устах. Тогда еще только входили в обиход слова «валютчик», «фарцовщик», «дииамо» и т. д. Несколько молодых сметливых ребят после первого Московского фестиваля молодежи и студеитов, состоявшегося в 1957 году, иашли «золотую жилу» — валютиые операции с иностраицами. Тогдашиий уголовиый кодекс был к этим противоправиым деяииям ие очеиь строг.

Среди первых наших валютчиков-фарцовщиков довольно заметной фигурой был Ян Рокотов по кличке «Косой». Он сколотил вокруг себя группу молодых ребят стиляжьего толка, и они бойко вступали в контакты с иностранными гостями на предмет обмена неустойчивых долларов, фунтов и марок на самую устойчивую в мире валюту. Понятно, не по тому курсу, что ежемесячно обнародуется в газете «Известия».

Операции совершались почти открыто на «Броде» — отрезке улицы Горького от Моссовета до центра. Сам Рокотов до непосредственных сделок не опускался, это делали его агенты. Он же в обилии снабжал конвертируемой валютой иногда даже целые коллективы — эстрадные ансамбли и спортивные команды, отправляющиеся «туда» демонстрировать свое искусство и одновременно обзаводиться шмотками и различного рода техническими системами.

Были у Яна и операции других видов: с монетами царской чеканки, «камушками» и т. д. Но не в этом дело. Дело — в размахе. Когда Рокотова взяли — а он в это время держал в руках чемоданчик,— то в нем лежало 12 миллионов, правда, «старых денег». А когда подобрали мальчиков, добрались до его коллег и конкурентов, ведущих дело с таким же размахом, то удивились масштабам валютных сделок и суммам наживы.

Фарцовщикам, как их тогда же окрестили, грозило наказание, если мне память не изменяет, лет до восьми. Мне разрешили встретиться с Рокотовым в следственном изоляторе. Не стану пересказывать всего нашего долгого разговора «за жизнь», а также о зыбкости неправедно достигнутого благополучия. Главное, что Рокотов, имея в виду в ближайшей перспективе судебный процесс, был настроен оптимистически.

— Думаю, лет шесть мне дадут,— говорил он, улыбаясь,— первая судимость, зачеты... Года через три выйду. Но — с валютой все, завязываю. Впрочем... Знаете, когда в день зарабатываешь по пятнадцать — двадцать тысяч («старых денег».— *Ю. Ф.),* это затягивает. В общем... как бы хроническим алкоголиком становишься. Ну, словом, выйдем — посмотрим, что делать...

Ян Рокотов не вышел... Следственные органы устроили тогда своеобразную выставку: банковские пачки денег, с полсотни сберкнижек на предъявителя, валюта всех развитых стран, россыпи желтых монет с изобра

жением Николая II, кольца, броши, ожерелья с бриллиантами... Я эту выставку видел... после посещения ее высоким, очень высоким лицом. И слышал, что самое высокое лицо было вне себя... Не случайно сказано: гнев — это короткое безумие. Чуть ли не на другой день появился Указ, коим вносились дополнения и изменения в Уголовный кодекс — в сторону ужесточения по ряду составов преступления. За нарушения правил о валютных операциях срок увеличивался до 15 лет лишения свободы. И процесс в Московском городском суде над Рокотовым и его компанией начался, когда кодекс был дополнен.

Поскольку был Указ, придающий норме обратную силу, то нельзя назвать приговор Мосгорсуда — 15 лет главным обвиняемым — незаконным. Но то, что преступления совершались при действии одного закона, а ответ держать пришлось по закону другому — это было противоправно. Не могу сказать, что происходило в высших сферах, какой гнев вызвал приговор — 15 лет, но, видимо, гнев был нешуточный. Могу судить о нем лишь по тем антиправовым государственным актам, которые последовали. Во-первых, статья УК о нарушении правил, связанных с валютными операциями, была вновь изменена: она теперь, как и статьи о взятках, об особо крупных хищениях, предусматривала исключительную меру — смертную казнь. Во-вторых, этому закону во второй раз была придана обратная сила. В-третьих, последовал протест на мягкость приговора по делу Рокотова и Файбышенко — молодого, 22-летнего человека. Приговор Мосгорсуда в отношении этих двоих отменил Верховный суд РСФСР и назначил слушание дела по первой инстанции. И приговорил обоих к смертной казни.

Юристы, с которыми я беседовал по поводу этих кульбитов, говорили о явном беззаконии. Другие юристы, коим в течение последующих многих лет приходилось участвовать в зарубежных правовых симпозиумах, с отчаянием рассказывали, как им приходилось крутиться и вертеться, чтобы... нет, не ответить на вопросы, а как-нибудь увернуться от ответа. Потому что ответить, не роняя престижа государства, было невозможно перед лицом факта, не укладывающегося в рамки цивилизованного права.

Но что самое важное и ради чего я, собственно, затеял этот рассказ — явно антигуманные и противоправные действия совершались (под влиянием, надо полагать, раздражения суммами нечестно нажитого)

в то самое время, когда развенчивался культ личности; когда шла или заканчивалась массовая реабилитация невинно осужденных при сталинском терроре; когда исправлялись нормы закона; когда пусть со скрипом, но все же обретала права гражданства презумпция невиновности; когда газеты печатали статьи о законе и беззакониях, о правах человека и недопустимости их нарушения, о гарантиях этих прав и необратимости восстановления законности.

Свойство что ли это наше — такая двойственность: в одно и то же время рукоплескать восстановленню справедливости и попранию той же самой справедливости. Я же помню читательскую почту на приговор Рокотову и Файбышенко. «Так им, мерзавцам, и надо, ишь сколько нахапали» — таков был общий тон большинства откликов. Читательские чувства можно понять: возмущение размахом преступной деятельности, завораживающие цифры легко нажитых миллионов заслоняли факт беззакония. Многие, очевидно, даже толком и не задумывались над ним: «Фарцовщики, стиляги, Родину иностранцам продают — чего с ними цацкаться!»

Можно бы и упрекнуть читателей в недостаточно высоком уровне правосознания. Но когда такими эмоциональными мотивами руководствуется высшая власть, к тому же никакими тормозами не сдерживаемая, то о законности и правопорядке можно говорить лишь условно — в докладах и передовицах.

Правовой нигилизм, о котором так резко, со ссылкой на непримиримость к нему Ленина, сказал на февральском (1988 г.) Пленуме ЦК партии Михаил Сергеевич Горбачев,— сложная, многослойная субстанция, явление, уходящее, с одной стороны, корнями в прошлое, а с другой — насаждавшееся в повседневной нашей практике буквально до последних двух лет, далеко не изжит и сейчас. Трагедия заключается в том, что пренебрежительное отношение к праву, нашедшее крайнее выражение в сталинских репрессиях и ползучее проявление в брежневские бюрократические времена, не побоюсь сказать, составляет до сих пор одну из характерных черт нашего общественного сознания, подкрепляемого порой неправовыми действиями власти. Такова реальность, от которой никуда не денешься. Это правда, которой надо смотреть прямо в глаза.

Мы сейчас много пишем о недостатках работы и беззакониях в следственном аппарате, судим и гадаем, в

каком ведомстве этот аппарат может быть усмирен законом. Но ведь «смирительные средства» и сейчас содержатся в УПК, который устанавливает, например, предел содержания под стражей во время предварительного следствия (до 6 месяцев с санкции прокурора республики и до 9 месяцев по разрешению Генерального прокурора СССР). Если не успели со сбором доказательств, пожалуйста, продолжайте их поиск, но человека надо освободить из тюрьмы. Не знаю, насколько вообще справедливо по решению не судебного, а административного органа лишать человека свободы на столь долгий срок. Но это другой вопрос. Если бы хоть он соблюдался! Увы, по сложившейся практике, не подкрепленной ни одной правовой нормой, прокурорский надзор за законностью обращается в Президиум Верховного Совета СССР, и тот продлевает сроки содержания под стражей до суда. Поскольку нет нормы — нет и предела внесудебному лишению свободы.

Каковы же обоснования таких акций, идущих вразрез с основами права? Очень просты: решает вопрос сам законодатель, а он ничем и не ограничен в своих действиях. В сущности, это и есть неумение высшей власти подчиниться Конституции СССР, утверждать право всегда и во всем, ограничивать самое себя во имя интересов общества, государства и гражданина. Такие акты отрицают право как основу государственности. Не говорю уже о том, что, продлевая сроки заключения, законодательная власть присваивает себе прерогативы власти судебной, лишает гражданина свободы без ею же установленных демократических процедур. Это волевые решения, совершаемые лишь для удобства следствия: ему, понятно, сподручнее иметь человека в тюрьме, без правовой помощи, чтобы выматывать, добиваясь признания. И тут не «вопиющий случай», как было с Рокотовым. Тут целая система нарушения права. Без этих трезвых оценок, где надо — беспощадных оценок, мы не сумеем осуществить до конца дело перестройки и не показной, а истинной демократизации общества.

Слишком глубоки корни у приснопамятной пословицы: закон что дышло... Пословицы не изящной, грубой, но ведь верной до сего дня. Дело не только в том, что царевы дьяки, а потом послепетровские чиновники вертели законом в нашем Отечестве как хотели. Дело в том, что высшая власть даже благое внедряла не инструментами права, а кнутом и железом. Сошлюсь

иа одиу лишь историческо-правовую иовеллу. По Уложению Алексея Михайловича, свободиому человеку грозил киут и ссылка в Сибирь, если ои добровольно вступал в кабалу к другому. Василий Осипович Ключевский, приведя этот факт, замечает: «...мы ие зиаем, что делать, сочувствовать ли эгалитариой мысли закоиа или скорбеть о крутом средстве, которым ои одио из самых цеииых прав человека превращал в тяжкую государственную повиииость».

Советскому государству досталось тяжелое правовое иаследство. Чуть более полувека перед Октябрем было отмеиеио крепостиое право, которое по сути дела было рабством. Слово «граждаиин» даже для узкого сословиого круга появилось лишь при Екатерине II: до того и князь, и боярин звали себя рабом. Воля монарха была едииствеиным законом, а его приговор и в мыслях обжаловаиию не подлежал. Иваи Грозный проливал потоки крови по иеотъемлемому от особы царя праву — в этом не сомневались ии палачи, ии жертвы.

Кровавые царствоваиия были и в других государствах. В той же Аиглии Геирих VIII рубил головы иаправо и иалево. В священиой Римской империи массами сжигали жеищии, руководствуясь «Молотом ведьм». Испаиский изувер Филипп II иаслаждался зрелищем костров, иа которых горели люди. Но... есть все же существеииая разиица между явлеииями. Ибо с XVII века в Англии существовал юридический акт, фактически провозглашавший презумпцию иевиновности. Аиглийский король, казия, иарушал закои. Русский же царь, делая то же самое, творил закои. В средневековой Испаиии и в священиой Римской империи инквизиция, при всем ее изуверстве, все же устраивала ритуал суда. Русский царь сам от своего имеии вершил и суд.

Господи, воскликием, да какая же разиица! Разве ие поиимаем мы, что все эти комедии инквизиторского суда, ритуалы аутодафе, дракоиовские акты аиглийской юстиции — лишь жалкое прикрытие того же произвола? Лицемериое изуверство! Уж лучше, как у иас, ясио и откровеиио: хочу — казию, а хочу — милую.

Нет, ие лучше! Пусть жестокое, ио право. Одио сознаиие этого воспитывает в обществе и у его отдельиых члеиов какое-то поиятие о юстиции, о правилах, которые существуют и которые власть соблюдает или, во всяком случае, должиа соблюдать... Я думаю, это очень важио не только для истории, ио и для позиаиия того, что происходило с иами.

Не бывает грандиозных общественных катаклизмов, которые бы шли в предписанных рамках и следовали бы во всех своих обвалах общепринятым понятиям о праве. Революция неизбежно сметала вместе со старым строем и его законность. Иначе быть не могло. При утверждении диктатуры пролетариата Ленин предельно откровенно писал: «Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть».

И все же не в этой только плоскости лежали принципы государственного строительства.

1922 год, последний в активной деятельности Ленина, начинал не только декларативное, но и практическое строительство социалистического государства, основанного на приоритете Закона. И одновременно в его днях и месяцах вызревали злые ростки будущих беззаконий. Поэтому, думаю, в области государственного и правового строительства нам как раз и предстоит возвращаться к самым истокам, к Ленину, начинать с тех рубежей, на которых мы остановились тогда, в 1922 году, а кое в чем возвращаться и дальше — к общечеловеческим истокам цивилизованного права.

Если в других сферах нашей жизни, например в той же экономике, при всех ее искривлениях и потерях мы все же создали несравнимую с той, что была тогда, индустрию, материальную базу, то в области правового строительства мы остаемся практически на нуле. Это заявление кажется слишком категоричным? Но давайте не утешаться тем, что мы так смело разоблачаем сталинские беззакония. Разоблачаем, понятно. Как вопиющие факты. А не столь вопиющие? С которыми мы сталкиваемся до сего дня? И не как с исключениями, ставшими результатами судебных или следственных ошибок, а как с целенаправленным беззаконием.

Дело в том, что мы утратили (а может быть, еще и не обрели) понятие права как социальной, культурной, исторической общечеловеческой ценности. Такой же неразменной, как наша идеология для партии и всех трудящихся, как религия для верующих, как культура и язык для народа. Наверное, не это главная причина рождения сталинского самодержавия, но и она тоже. В тот первый период партия, как мы видели, пыталась с этим бороться, искала заслоны против злоупотреблений властью, строила противовесы ей.

Однако уже занималась мрачноватая заря нового периода, который я, опять же без претензий на научность, назвал бы периодом актуализации права. А если попроще — то временем обхода законов и отстранения их в случаях, когда они мешали «задачам дня». Это проявлялось по-разному: то в грубом попрании принципов права; то в уточнениях, опущениях и допущениях, искажавших эти принципы; то путем принятия официальных законов, которые никак не соответствовали понятиям справедливости и права; то в перетолковывании правовых норм таким образом, что от основы оставалась только ничего не значащая оболочка.

Я употребил слово «период». Это не совсем верно, ибо он не обозначен временны́ми границами. Это скорее процесс, который, к сожалению, не кончился и по сей день, хотя, понятно, изменился по форме. Охватить весь юридический материал, который подтверждал бы и иллюстрировал эту мысль, довольно трудно — думаю, для этого тома бы потребовались. Я попытаюсь лишь обозначить процесс некоторыми вехами, возможно и не самыми заметными.

Мне представляется, что актуализация правовых институтов проявилась в 1922 году, в том самом году, когда создавался прокурорский надзор за неукоснительным соблюдением законности, за единообразным ее пониманием. И, конечно, для пресечения малейших от нее отходов.

Достаточно известно выражение Ленина о недопустимости законности калужской и казанской — оно из его письма, кстати, адресованного И. В. Сталину для Политбюро: «О «двойном» подчинении и законности». В нем излагались основы построения Прокуратуры, ее роли и задач. Вряд ли есть труд, посвященный прокурорскому надзору, где бы эта ленинская работа не упоминалась. Считается, что прокурорский надзор у нас построен строго в соответствии... Но это не совсем так. Там, в конце своего письма Владимир Ильич написал, что прокурор, установив незаконность решения местной власти, обязан его опротестовать «без права приостанавливать таковые, а с исключительным правом передавать дело на решение суда». Вот этого-то «исключительного права» в законе о прокуратуре нет и сейчас. Если прокурор опротестовывает незаконное решение в тот же орган, что его принял, и безрезультатно, иди в вышестоящий, по вертикали. И в результате попадает протест против без-

закония в бюрократические жернова. Исчез арбитр между Законом и Властью. Выпало самое зернышко.

Известно, что ленинское письмо вообще вызвало немало споров и даже разногласий как в ЦК партии, так и во фракции РКП(б) во ВЦИКе. Оно было принято в ЦК большинством в один голос. Затем была образована Прокуратура, учрежден прокурорский надзор, но... без права обратиться в суд в случае, если Власть не согласится сама пресечь свое же беззаконие. Естественно, тогдашним губисполкомам так было сподручнее решать «задачи дня», правовой контроль им мешал бы. Обессиленный же прокурорский надзор так до сих пор и не может противостоять несметному числу противоправных ведомственных инструкций, засилью командных методов, не считающихся с законом. «Калужская» и «казанская» законности по-прежнему подавляют право, перемещаясь то в Ташкент, то в Ростов, то в Алма-Ату, а то и в самую столицу.

Опущенная ленинская строка позволила так «актуализировать» прокурорский надзор и вообще правовой режим в государстве и в народном хозяйстве в частности, что командный стиль начал набирать и набирать обороты. Уже на III съезде Советов 16 мая 1925 года об этом говорил Михаил Иванович Калинин: «...война и гражданская борьба создали громадный кадр людей, у которых единственным законом является целесообразное распоряжение властью. Управлять — для них значит распоряжаться вполне самостоятельно, не подчиняясь регламентирующим статьям закона». И добавлял, что «наиболее нетерпимым управлением является управление по усмотрению, управление, переданное в личное распоряжение, как бы ни была мала эта власть в данном лице». Управление, добавим, сокрушить которое должна нынешняя перестройка.

Было бы, конечно, верхом наивности полагать, что если бы у прокуратуры осталось право обращаться с протестом в суд, то все было бы в порядке — мы избежали бы полосы беззаконий. Вряд ли. И все же тут важен принцип: своевольничать, нарушая закон и заведомо зная, что нарушаешь,— это одно дело, а так же своевольничать и злоупотреблять властью, зная, что никто, кроме начальства «по вертикали», ограничить тебя не вправе,— совсем другое. Не думаю, чтобы местные руководители, да и «вожди» второго порядка, решились бы на циничное и открытое заявление, что коль

того требуют «задачи дня», закон вообще можно отложить и действовать, на него не оглядываясь. Такая прерогатива была только у «вождя народов».

Когда проводилась коллективизация, которая встречала в ряде районов сопротивление, принимались законы, соответствовавшие актуальности задач, хотя и противоречащие праву. Толковались существующие же законы так, чтобы прикрыть ими явное беззаконие. Например, статья 107 тогдашнего УК, в которой говорилось об ответственности за спекуляцию, вполне «законно» применялась к крестьянам, отказывавшимся сдавать свой хлеб по госцене, хотя закон точно определял спекуляцию — скупка и продажа с целью наживы. А чтобы все-таки создавать видимость конфискации хлеба не у «крестьян», а у «кулаков», постановлением СНК СССР причислили к последним такой широкий круг сельского населения, что кулаком мог быть объявлен практически любой крестьянин.

Хотя крутили и вертели законом и так и эдак, но все же пытались как-то прикрыть им откровенный произвол. И естественно, создавался хаос в гражданском обороте, который так хотел Ленин укрепить правом. В. Тендряков в своем рассказе «Пара гнедых» точно это подметил: «Что было законно на прошлой неделе, становилось преступным сейчас». Но все же пытались манипулировать, но ведь законом!

А в 1930 году И. В. Сталин заявил: «...XV съезд оставил в силе закон об аренде земли, прекрасно зная, что арендаторами в своей массе являются кулаки... XV съезд оставил в силе закон о найме труда в деревне, потребовав его точного проведения в жизнь... Противоречат ли эти законы и эти постановления политике ликвидации кулачества как класса? Безусловно да! Стало быть, эти законы и эти постановления придется теперь отложить в сторону...»

Железная семинарская сталинская «логика», которой в пору изучения его трудов мы, тогда еще совсем зеленые, так восхищались. Против нее не решился бы выступить никакой надзор, никакая судебная инстанция — это всем было ясно. Ибо последовавшие за тем тридцатые годы показали, как верно служила судебная система произволу единоличной власти. Я пока перескакиваю через этот этап, не касаясь того, как выглядело законодательство в период массовых репрессий, чтобы не потерять нить рассказа о том, как продолжался про-

цесс актуализации права во времена, когда массовые сталинские беззакония были сначала осуждены, а потом «забыты». Не в таких откровенных формах, какие только что были показаны, но власть предпочитала, когда это вызывалось «злобой дня», не соотносить свои действия и меры с правом, а приспосабливать право к своим потребностям.

Наверное, всем памятны публикации последних лет в защиту хозяйственных руководителей, осужденных без вины или, по крайней мере, не за то, за что им назначали суровейшие наказания. Это дела И. Н. Худенко, В. А. Сургутского, братьев Стародубцевых и многих других. Вряд ли нужны тут подробности. Факт остается фактом: руководители колхозов и предприятий если что и нарушали в интересах дела, то только параграфы финансовых или иных ведомственных инструкций. А тянули эти нарушения максимум на выговор. Но люди получали по 10—12—15 лет! И самое главное — не было у них никакого более или менее надежного ориентира, позволяющего сообразить, как же делать нужное стране дело и не попасть в тюрьму. Об этом очень выразительно сказал на страницах «Московских новостей» председатель литовского колхоза Альбертас Мейлус: «Сейчас у меня Звезда Героя, а мог бы получить и срок... Такая планида председательская: ходили за нами рука об руку и Звезда, и тюрьма». И не в сталинские времена, когда, действительно, как ни веди себя, будь хоть «за», хоть «против», а все предрешалось в неведомых сферах. В наши дни!

Опять я возвращаюсь к той же мысли: хаос в законности хуже законной жестокости, самый страшный вид конъюнктуры — правовая: она делает человека беспомощным.

Как же так случилось, что кристально честные руководители в либеральный период нашей жизни ходили между тюрьмой и Звездой? А причиной была все та же «актуализация» права. Административная система породила невиданный до того размах воровства и коррупции. Многие хозяйственники даже министерских рангов действительно оказались замешанными в хищениях и взятках. Чтобы оградить «народное добро», которое благодаря бесхозяйственности, насаждаемой той же системой, оказалось поистине ничьим, система нагородила неуклюжую, громоздкую и абсолютно неэффективную пирамиду контроля. Проверок и ревизий и сей-

час тьма, вроде бы машина контроля работает. Воры же ее легко обходят, а честные люди, не причастные к воровству, попадают в капканы. Люди, не положившие в свой карман ни гроша, объявлялись ворами и наказывались жесточайше. Тотчас же выползло прямое негодяйство, воспользовавшееся конъюнктурой. Талантливый, но строптивый хозяйственник мог попасть в жернова адской машины по звонку сверху: «телефонное право» тоже описано достаточно подробно.

Да, но как же удалось таким образом извратить право? Нельзя же признать вором человека, ничего не укравшего? Оказывается, можно, если «актуализировать» закон. Борьба за сохранность добра — «злоба дня»? Бесспорно. Против бесхозяйственности и разбазаривания государственных средств надо бороться? Еще бы. Но не может же власть бороться сама с собой! Ей нужно переложить собственную вину на кого-то другого и как-то это оправдать. И возникает судебная практика: наказание «за хищения в пользу третьих лиц». Без анализа происшедшего, без реальной оценки деяний, без элементарной жалости к человеку. Собственно, сам человек выпадал из судопроизводства: судили по актам, ведомостям, накладным. Хотя не могли не знать судьи: осуждение без точно доказанной вины — преступление против правосудия.

Что же это такое — «хищения в пользу третьих лиц», я понял, когда в подробностях познакомился с делом Кенеса Жандыбаева. Избранный председателем отсталого колхоза «Луч Востока», Жандыбаев, дабы вдохновить людей «на труд и на подвиг», сделал в точности то, что и герой нашумевшей в свое время пьесы «Тринадцатый председатель»: вынес на правление вопрос о поощрении людей, того достойных, хотя результаты года оснований к тому не давали. И около 150 тысяч, полученных колхозниками в качестве премии, посчитали похищенными лично председателем. И получил председатель 13 лет лишения свободы!

Точка в этом деле поставлена была лишь на пленуме Верховного суда СССР, оправдавшего К. Жандыбаева и его коллег. В своем решении пленум записал: «Выплата премии за активное участие в сельхозработах произведена не по личному указанию председателя, а по решению правления колхоза и собрания уполномоченных, которые согласно пунктам 45 и 49 Устава колхоза являются органами управления колхоза, при

этом собрание уполномоченных — высшим органом... Отдельные же нарушения, допущенные осужденными при оформлении документов, не влекут уголовной ответственности и могут быть рассмотрены правлением колхоза в соответствии с его Уставом». Но это было уже в 1987 году. А сколько честных людей пострадало из-за приспособления закона к «злобе дня».

Личность и власть

Я попытался проследить период «актуализации» права в развитии, с пиками, приходящимися на тридцатые годы, но и с довольно чувствительными всплесками буквально до последнего времени. Поэтому, я думаю, вопрос о взаимоотношении Власти и Права не снят с повестки дня, а, наоборот, только поставлен перестройкой. И поэтому, считаю, нам надо начинать оттуда, издалека, с самых начал, когда Ленин и видные юристы, участвовавшие в государственном строительстве, споря между собой, ошибаясь, исправляя ошибки, все-таки пытались строить правовое социалистическое государство.

Тогда же Ленин, словно предвидя будущие неудачи этих попыток, писал, что местная бюрократия с местным влиянием — худшее средостение между трудящимся народом и властью. Верно, не только бюрократия местная. Противостоять этому может единственная сила — демократизация государственной и политической системы и утверждение права как безусловного регулятора общественных отношений. Лишь это сделает процесс необратимым, создаст гарантии против «актуализации», равной извращению законности.

Но тут мы неизбежно должны подойти к вопросу, о котором недавно не принято было даже дискутировать. Может ли нормально функционировать Власть, если она сосредоточивает в одних руках законодательство, управление и контроль? Или все же не так уж реакционна классическая теория государства, в котором три власти уравновешивают друг друга: законодательство, управление и суд? Суд, понимаемый как третья, независимая Власть?

С идеей соединения законодательства, управления и контроля в Совете (рабочих, крестьянских, солдатских депутатов, потом депутатов трудящихся, а сейчас народных) победил Октябрь. Считается, что это ленинская

идея. Однако мы знаем, как уже больной Ильич, чувствующий, что ему отмерены последние времена, буквально метался в поисках таких институтов партии и государства, которые могли бы противостоять единой власти, бесконтрольной власти и, в сущности, абсолютной власти. Центральная Контрольная Комиссия в партии, Рабоче-Крестьянская Инспекция в государстве, прокурорский надзор в сфере законности...

Все это было создано. В качестве противовесов злоупотреблениям единой власти. И все-таки они оказались не над ней, не вровень с ней, а при ней, при Власти. Они не были закреплены конституционно со всеми правами и механизмами действия. Потому так легко административная система и перешагнула через «нельзя», отбросив противовесы или приспособив их на свою потребу.

Монтескье видел идеал государства в просвещенной монархии, где высшая власть издает разумные законы и сама же им подчиняется. Как там было в монархиях — не знаю. Не в этом дело. Сама идея — высшая власть правит только через право, самоограничивает себя рамками права, обеспечивает безграничное господство права преимущественно перед всеми иными методами властвования — сама идея эта разве не плодотворна? А если мы хотим выработать концепцию правового социалистического государства и строить такое государство, она, естественно, необходима.

Надо иметь в виду, что идея соединения в Совете законодательства, управления и контроля обошла стороной судебную власть. Как одну из трех властей ее как бы отстранили от государственных дел, оставив лишь область правосудия. Поэтому, если принимать нашу перестройку как возвращение к истокам Октября, к ленинским идеям, то в области правосудия почти не к чему и возвращаться. Разве опять же к ленинской цитате: «...если бы Совнарком нарушил постановление ВЦИК, то он подлежал бы привлечению к суду». Не было и пока нет такого суда в нашем государстве, который бы пресек нарушение закона правительством.

У нас практически отсутствует опыт конституционного контроля за действиями власти. Хотя кое-что и было. Функции, связанные с обеспечением законности на высшем государственном уровне, Конституцией РСФСР 1918 года возлагались первоначально на ВЦИК. После образования Союза ССР конституционный контроль стал осуществлять Верховный суд СССР. Правда,

по Конституции СССР 1924 года сам Верховный суд не принимал обязательных решений, а обращался в Президиум ЦИК СССР. К тому же Прокурор Верховного суда (была такая должность до создания Прокуратуры СССР) мог ставить вопрос о конституционности тех или иных актов не только перед Верховным судом СССР, но и непосредственно перед Президиумом ЦИК СССР.

И что интересно, около двух третей всего количества дел, рассмотренных им в течение первых четырех лет работы, были направлены в Президиум ЦИК с мнением о неконституционности постановлений и распоряжений, изданных государственными органами. Об этом сообщалось в печати, в Отчетах ЦИК СССР. С начала тридцатых годов функции конституционного контроля Верховного суда стали все более ограничиваться, а в 1933 году вообще сняты. Мотивировкой послужило то, что эти функции будет выполнять Прокуратура СССР. На деле конституционный контроль был просто-напросто упразднен.

Газета «Известия» однажды рассказала, как в Польше Административный суд решал спор между гражданином и правительством. И решил в пользу гражданина. Необычный для нас случай. Меж тем в ряде стран, в том числе социалистических, существуют Конституционные суды. В Польше Конституционный трибунал вправе оценивать, насколько те или иные акты, в том числе законы, принятые Сеймом, и утвержденные Сеймом декреты Государственного совета, соответствуют Конституции ПНР. Сам Трибунал вправе отменять только подзаконные акты, что же касается законов Сейма и декретов Госсовета, то он может лишь обращаться к Сейму, который и принимает окончательное решение. В Югославии Конституционный суд страны в определенной мере как бы поставлен над Скупщиной: его решение о конституционности закона является определяющим. Скупщина должна ему подчиниться.

Административные суды, созданные в ряде социалистических стран, специально рассматривают дела, связанные с деятельностью аппарата управления. И, как видим, даже споры граждан с правительством.

Не знаю в подробностях опыта этих учреждений — он заслуживает того, чтобы его изучить и использовать не только в монографиях ученых. Перестройка и демократические процессы, если мы хотим сделать их необратимыми, без независимого правового контроля невоз-

можны. Они приведут либо к неразберихе в общественных отношениях, либо возвратят к командной регламентации. Противоборство традиций и реформ — всегда сложный и болезненный процесс. Мы как раз сейчас и находимся на самом пике этой борьбы. Но кто же введет в «гражданский оборот» то, что провозглашено? Вспомните, какие жаркие дебаты на Съезде народных депутатов СССР вызвал вопрос о конституционном надзоре.

Нужно правовое обеспечение каждого шага нашего движения вперед. Иначе могут быть и неверные шаги. Со всей откровенностью сказал об этом Михаил Сергеевич Горбачев на XIX Всесоюзной партконференции: «...главное для характеристики правового государства состоит в том, чтобы на деле обеспечить верховенство закона. Ни один государственный орган, должностное лицо, коллектив, партийная или общественная организация, ни один человек не освобождаются от обязанности подчиняться закону».

Безраздельная власть закона в конечном счете важна и для того, чтобы отлаженно функционировали государственные и народнохозяйственные системы, и для обеспечения прав граждан. Если мы всерьез хотим, чтобы в нашем обществе наконец-то утвердились Демократия и Правосудие, то права человека, причем любого человека, должны обеспечиваться равным для всех законом. Вряд ли мы решимся утверждать, что имеем такое обеспечение. Нет, не обеспечивают пока механизмы закона наших прав. И причины этого тоже надо искать в истории нашего государства.

На XIII съезде РКП(б) Г. Е. Зиновьев процитировал выступление не названного по фамилии инженера на съезде инженеров в Ленинграде. Тот говорил:

— Коммунисты, как материалисты, считают необходимым и нужным дать людям в первую очередь предметы первой необходимости, а мы, интеллигенты, говорим, что в первую очередь нужны *права человека*... Интеллигент — это всякий человек, будь то крестьянин, будь то рабочий, будь то человек с дипломом, это человек, который ставит выше всего права человека, считает, что человек — высшая ценность в государстве.

Процитировав это, Г. Е. Зиновьев, тогда один из первых руководителей, «вождей» партии, ответил, что никаких таких прав инженер не получит, что все это — «меньшевизм».

Не подумайте, что я специально подобрал этот съездовский эпизод, эту цитату, дабы сказать: тот, кто отрицал приоритетную ценность права, сам стал жертвой произвола и беззакония. Хотя и этого не отбросишь. Вероятно, в свои трагические минуты, перед «самым концом», они думали и об этом. В акте сталинского произвола по отношению к ним законность была не то что попрана, а растоптана и растерта в пыль. Но главная беда тогдашних руководителей — сторонников или оппонентов И. В. Сталина — в том, что они постарались низвести право, которое во всяком цивилизованном обществе представляет независимую социальную ценность, до уровня некоего прейскуранта цен, служащего сиюминутным потребностям дня. Поставив вне закона или, по крайней мере, в условия неравного для всех закона «классово чуждые элементы», они подорвали право как стержень государственности.

Мы много говорим сейчас о том, сколь цинично и жестоко попиралась личность и ее права в годы культа личности. «Винтик», «щепка», «лагерная пыль» — сколько таких гневных слов говорилось тогда о Человеке. Поэтому надо клеймить и клеймить культ и все с ним связанное. Но одновременно думать и о том, как же поднять ценность личности как таковой. Вне зависимости от ее морально-политических и иных качеств. За эти высокие качества надо поощрять. Но... аморально за их отсутствие ущемлять человека в правах. Только при этих условиях «все для человека» из пустого лозунга может превратиться в наполненную содержанием практику.

Но утверждение самоценности гражданина немыслимо без понимания права как самостоятельной социальной ценности, автономной от сиюминутных выгод и целей. Чтобы утвердить это, придется ломать многие стереотипы, въевшиеся в плоть и кровь, и производить переворот в собственных мозгах — учиться новому политическому мышлению, как теперь принято говорить.

Мы часто повторяем тезис о равенстве всех перед законом и как-то не хотим пускать эту истину в свое сознание, тем более утверждать ее в качестве общественного принципа. Однажды член Верховного суда, к сожалению, США высказал, на мой взгляд, коренную для становления законности мысль: «Права честных людей могут быть соблюдены лишь в том случае, если они обеспечены и самым гнусным и отвратительным личностям».

Приият эту правовую аксному, оказывается, не так просто. Сошлюсь на однн небольшой редакторскнй эпизод. Газета получила жалобу из деревни о том, что у одной старой женщины председатель колхоза «отрезал соткн по самые углы» — произвольио умеиьшнл приусадебный участок. На месте корреспондент все проверил — отрезан участок незаконно. Я хочу подчеркиуть — иезакоино. Расследуя эту жалобу, корреспоидент собрал дополительные, «убийствеиные» для действий председателя факты. Оказывается, муж этой жеищииы был из первых органнзаторов колхоза, сама она — участннцей съезда колхозииков-ударииков, а старший сыи погиб смертью храбрых иа фроите. «И у такого человека иезаконно отрезалн участок»,— прнводнл самый «снльный» аргумент автор.

Тогда-то н возннк вопрос. А еслн бы у этой бабушки муж был бы некогда подкулачником, а сыи, допустнм, служнл бы во власовскнх формнрованнях? Тогда, прн такой бнографин,— можно было бы незаконио отрезать участок? На это последовал ответ: иезакоино отрезать участок все равно нельзя. Но, конечно, нельзя в газете и выступать в защиту старухи. Это было бы аполитично, аморально, «народ бы нас не понял». Пожалуй, н не понял бы. Прншли бы сотнн возмущенных отклнков — «кого под защиту берете, мать власовца?» И газете трудно было бы доказывать, что защищает она не «мать власовца», а закониость н правопорядок, кон должны безоговорочно и без всяких исключений поддерживать государство. Пришлось бы, утверждая право, ндтн протнв мощного течення.

Корреспондеицию опубликовалн с «сильиыми» биографнческими аргумеитамн. И, хотелн того нлн иет, внушнлн обществеиностн мысль: безобразие, когда так беззакоино поступают с заслужеииыми людьмн. Но ведь рядом, следовательно, звучала нная, «подкорковая» мысль: еслн не заслуженный, то... А это и есть отрицаиие равенства всех перед закоиом.

По многим линиям шло в иашей истории иизведенне гражданина до положеиня внитнка государственной машины. Унижеине гражданского достоииства и отрицаиие права иа свое миеиие — одиа из самых разрушнтельных лнний. Вспомннте бескоиечные персоиальиые дела и проработкн. Под лозунгом «любви к критике» требовалн покаяния, даже еслн ты не внноват. «Есть миеиие» — эта фраза, изречеиная иа узком совещаиии

или общественном форуме, заставляла умолкать всех.

А мнение «большинства»? Я ему должен подчиниться? А если оно не право? Или если я не хочу подчиниться? Проблема, вставшая на Съездах народных депутатов СССР.

Право выражает в своих нормах волю общества, народа — то есть большинства. Но воплощенное в конкретный закон, оно уже становится единственным надежным прибежищем меньшинства. Так сказать, «единицы против толпы». Только закон дает человеку, как таковому, то есть единице, которая во всем прочем по мнению некоторых «ноль» и «вздор», уверенность в себе, в своих правах, в возможности не уронить свое достоинство. Мы сейчас унижены едва ли не во всех сферах нашей повседневной жизни. В торговле, в службе быта, в жэке, да, собственно, в любом советском учреждении, будем уж говорить честно. Долгое внушение в каком-то смысле правильной мысли: нет прав без обязанностей — исказило наше положение в обществе и перед лицом бюрократии. Потому что обязанности — это одно, а права — это другое. Если я не выполнил какой-то своей обязанности, разве это автоматически лишает меня какого-то законного права? А вот взаимность прав и обязанностей участников общественных отношений должна утвердиться в нашей жизни.

Речь, понятно, не об урегулировании равенства перед законом покупателя, пассажира, клиента с учреждениями. Это — вторично. Это придет само собой, если в обществе утвердится право как автономная ценность, как постоянно работающий механизм. Вопрос о том, кто этот механизм запустит и будет поддерживать его работу в заданном правовом режиме. Думаю, ответ единственно возможный: суд. Но для этого его надо сделать Судом, арбитром в споре гражданина с любым государственным органом или общественной организацией.

Суд независим и подчиняется только закону — один из основных постулатов Правосудия, закрепленный в Конституции СССР. Независим ли в реальности наш суд? Если я скажу «да» — мне вряд ли поверят, особенно на фоне тех разоблачительных публикаций, которыми ныне пестрит пресса. «Телефонное право», «приговоры по указаниям», понятно, поддерживаются прямой зависимостью судей от местных властей по горизонтали и от вышестоящих органов юстиции по вертикали. От подбора кандидатов в судьи на «выборах» до полу-

чения судьей квартиры или места в детсаду для судейского ребенка — все в руках начальства. Но представим себе (до этого еще далеко, но представим): суд выведен из-под непосредственного влияния аппаратной бюрократии. Закон стал единственным начальником Правосудия. До того времени, когда закон обретет безраздельное господство в обществе, все равно будет еще далеко. Потому что «принять» такого начальника, проникнуться сознанием приоритета права труднее всего будет самим служителям правосудия. Не все 72 года, но лет 65 они программировались совсем на другое: не на служение Праву, не на защиту гражданина от бюрократических начал государства, не на поиск Истины, а исключительно на борьбу с преступностью или с тем, что велено было называть за преступностью.

Так называемый обвинительный уклон родился не сегодня.

Мы, правда, лишь сейчас в открытую пишем и говорим о преступлениях переродившихся в сталинские времена «органов» против партии и народа, перестали умалчивать о преступлениях наших современников из правоохранительных органов. Однако против «обвинительного уклона», который родился после 1922 года, расцвел чертополохом неприкрытого произвола в период террора и остается, увы, до сих пор осужденным на словах, но действенным на деле, настоящей борьбы не ведется. Ни сверху, ни снизу.

Смею утверждать: мы имеем дело не со случаями, не с отклонениями от линии, не с выходами из пределов закона, а с концепцией, которую демократизация, перестройка и возвращение к правовым началам государственности должны разбить и похоронить.

Концепция эта ручеечком брала старт в очень серьезных документах. Понятно, в них ставились цели, уместны были там и призывные лозунги. И все же цели должны быть реальными, осуществимыми в принципе. Давайте задумаемся: а можно ли искоренить преступность вообще? В как угодно отдаленном от нас, но человеческом обществе? Сомневаюсь. Достижима, думаю, цель покончить с убийствами из корысти или по пьянке в обществе изобилия и победы над «зеленым змием». А убийства из ревности? Реально, по-моему, покончить с коррупцией и воровством в обществе, где всего всем будет хватать. А есть ли пределы властолюбию и честолюбию? Могут ли они насытиться когда-

нибудь? Не уверен. Если, конечно, всемогущая наука не превратит с помощью генной инженерии дерзающего, неугомонного, всепознающего и всепробующего человека в некое жвачное существо, довольствующееся изобилием колбасы и тряпок. Вспомните «счастливые государства» великих утопистов, «города Солнца» — да не дай бог. Нет, если человек не потеряет себя, то он обязательно взбунтуется — и значит, будет преступником. Даже государственным. Недавно опубликованный роман Замятина «Мы» сказал об этом все предельно ясно.

Да, но ведь в Программу записывалось: ликвидация преступности как таковой. Можно посчитать безнадежным пессимистом французского юриста Г. Тарда, утверждавшего: «Если бы древо преступности со всеми его корнями было вырвано из общества, оно бы оставило в нем зияющую бездну». Можно, конечно, отнести это утверждение к буржуазным бредням, но можно и задуматься над ним.

Имеет ли программное положение о полном искоренении преступности какое-либо отношение к утверждению обвинительного уклона в юстиции? Прямые связи проследить трудно. И все же они есть. Провозглашенная и зафиксированная в законе доктрина: ни один преступник не должен уйти от ответственности и возмездия — тоже лозунговая. Кто-нибудь обязательно уйдет, всех никогда не ловили, и вряд ли мы можем исключить случай, когда останемся перед фактом тяжкого преступления, но без пойманного преступника. Надо быть романтиком-догматиком, чтобы напрочь это отрицать.

Да, но ведь общеизвестное «Витебское дело» и рождено этой доктриной. Что и говорить: последовательные жестокие убийства женщин создали чрезвычайную обстановку в тех местах. Требование найти и обезвредить было продиктовано не теоретическими соображениями, а поистине «злобой дня». Но разве правовое мышление следователей и прокуроров (если бы таковое было), высоко понятый долг юстиции (если бы он был внутренним императивом ее служителей) позволили бы «лепить» дела на заведомо невиновных или, по крайней мере, только на подозреваемых лиц, чья вина ну никак не доказывалась? А независимым судьям осудить даже на смерть при сомнительных уликах?

Отрицать влияние доктрины «ни один не должен уйти от наказания» можно было бы, если «Витебское дело» было бы единственным, если бы мы, как прежде, отнес-

ли его к разряду отдельных, нетипичных. Так нет ведь! В следственном аппарате заняли место люди, убежденные в том, что их единственная цель — ловить и разоблачать. И эти юристы — первые противники перестройки, ибо они никак не желают соотнести ее с общей демократизацией общественных отношений, с установлением и восстановлением режима законности. Беда в том, что этому способствует и определенная направленность уголовно-процессуального закона.

Если пройти вместе с задержанным через дознание, предварительное следствие, через суды первой и последующих инстанций, то мы насчитаем столько процессуальных огрехов и упущений, что они невольно образуют некие закономерности. Но заметьте, все они имеют четко выраженный вектор: не на обеспечение права гражданина перед лицом власти, а на удобство власти разделаться побыстрее и полегче с подданным. Процессуальный кодекс пестрит расплывчатыми и неотработанными формулировками и нормами. Но всякая нечеткость закона — верный путь к произволу. Закон все же пока в руках его слуг, а не хозяина, коим считается народ.

Смотрите, как поднялись многие «слуги» на дыбы, когда встал вопрос о допуске адвоката на предварительное следствие. Еще бы. Редкий следователь скажет обвиняемому, что он может не давать никаких объяснений, ничего не доказывать, просто-напросто все отрицать. Адвокат же все это скажет, разъяснит туманно сформулированное право обвиняемого «давать объяснения». Хотя суть-то этого права обратная — «не давать». Тайна следствия — сейчас основной инструмент поиска истины, который низвели до вполне прагматической задачи: «прижать», «поймать на слове», «выбить признание». Но это же, извините, основной постулат давно канувшего в историю инквизиторского процесса. Мы же только в западных фильмах видим и слышим, как задержанный без адвоката отказывается вымолвить хоть слово в полицейском участке и как безоговорочно полицейский принимает это требование. Хотел бы я посмотреть, как такой отказ был бы встречен в нашем отделении милиции...

Процитирую письмо, присланное мне одним следователем:

«Не настало еще время сейчас делать уклон только в сторону демократизации, как-то: допустить адвокатов с момента возбуждения уголовного дела, утверждать,

что приговор может быть основан только на доказательствах, полученных в суде, и т. п. Если пойти по этому путн, то будут прнвлекаться к ответственностн еднницы, а сотни тысяч преступннков будут гулять на свободе и растаскнвать государство. Об этом надо в первую очередь думать, а не пнсать только о том, как нзжнть нз практнки случаи неправильного осуждения, необоснованных арестов. Уже в данное время эта политика привела к тому, что суды не желают судить многих расхитителей н взяточников; прокуратуры отказываются нх арестовывать, а следствне отмахнвается от таких материалов как черт от ладана. Как поется в песенке, «то лн еще будет, ой-ей-ей», если и дальше будет продолжаться соблюденне законности только с одной стороны — не дай бой прнвлечь к ответственности одного невнновного...»

Это позиция. И что ж виннть автора письма — ему это внушнли и продолжают внушать. А надо бы в качестве доктрины насаждать вторую часть формулы правосудня: нн однн невнновный не должен пострадать — вот генеральная задача. Да где там!

Обвнннтельный уклон продолжает насаждаться. К сожаленню, это пронсходит н в надзорных за законностью органах. Для прокуратуры по-прежнему остается основной задача борьбы с преступностью, а не обеспеченне законностн в этой борьбе. Эта задача провозглашается главной на всех совещаннях, в публнкациях о заседаннях коллегнй, в руководящнх указаннях н требованиях. Презумпция невиновности, конечно, тоже охотно и нзобнльно провозглашается. Однако выхолащивается практнкой. Поймать, разоблачить, посаднть н тем отчитаться — становится для следователей самоцелью. Какие уж там понски истины, толкование сомненнй в пользу подозреваемого и обвнняемого. Это все для учебников, а также для экранных «Знатоков». И вряд лн мы доберемся до истоков зла, еслн обвнннм во всем лншь следователей, спишем грехи концепцин на недобросовестные кадры.

Я получил пнсьмо из Узбекнстана от гражданина, который проходит в качестве обвиняемого по всем теперь известному «хлопковому делу». Он уже сидел в тюрьме к тому времени 5 лет и 8 месяцев. До суда. То есть сидел невиновный, а лишь обвиняемый. Письмо это было послано в Прокуратуру СССР, никакого ответа не последовало. Но тут, на счастье, сама прокура-

тура устроила встречу с журналистами. Я и задал вопрос об этом случае. Попросил высказать хотя бы личное мнение о том, насколько согласуется с принципами права и справедливости подобный факт. Ответ сводился примерно к следующему:

— Вы что же, хотите, чтобы из-за нарушения сроков содержания под стражей до суда мы отпустили на волю крупного вора? Он обвиняется по статье, которая предусматривает 15 лет, поэтому нет ничего в этом страшного. Срок, который он уже отсидел, ему зачтется.

Мне бы не хотелось даже комментировать эти юридические «новеллы», настолько они несостоятельны с точки зрения права. О какой его, права, самостоятельной ценности можно говорить, если заподозренного в преступлении гражданина ставят вне закона органы следствия при благословении надзирающей за законностью инстанции?

Так стоит ли искать причины столь резко сейчас критикуемого обвинительного уклона в личных качествах следователей, в расплывчатости некоторых процессуальных норм, в подчиненности следственного аппарата прокуратуре, в непринципиальной позиции судов?

Тяжело и больно делать такой вывод, однако к нему подводят факты не только периода сталинских репрессий, когда о праве говорить было просто смешно. Сегодняшние факты и юридические «новеллы» подводят к выводу, что закон в нашей державе пока что не охраняет достаточно надежно гражданина от произвола чрезмерной бюрократической власти. Прокурорский же надзор не стремится к тому, чтобы толковать неясные и расплывчатые нормы, сомнения в пользу обвиняемого, а, наоборот, поощряет следствие к поиску всяческих лазеек для ущемления права гражданина. Этот надзор волнуют не государственные задачи (они в охране гражданских прав людей), а канцелярско-корпоративные: поймать, разоблачить, посадить и тем отчитаться перед бюрократическими инстанциями.

Перестройка, как мне кажется, в недостаточной еще степени коснулась этой сферы жизни. Пока что даже злостно нарушивших закон оперуполномоченных, следователей и прокуроров, преданных анафеме в печати, юридическими и партийными инстанциями признанных в том виновными, и то стараются спасти: вместо предания суду ограничиваются административными мерами, чаще всего «липовыми», поскольку иногда они сводятся

к почетной отставке илн к выгодному передвнжению по службе, а бывает, н к повышеиню в должности. Пресса об этом сообщает слишком часто.

Верю, что это не надолго. Здесь мы все же перестроимся, ие можем ие перестроиться, нбо иакал общественного мнеиия приобретает критическне параметры. Но ведь это еще и ие полдела. Даже не четверть дела. Кадровые вопросы мы порой решаем очень решнтельно. Труднее измеиить мышлеине работников и руководителей юстицни. А без этого о правовом государстве не может быть и речи. Чтобы власть иаучилась уважать право, служить ему, она должиа отказаться от прнсвоенных себе комаидиых прерогатив, самоограиичить себя правом, приспосаблнваясь к праву, а ие попирая его.

Думаю, развитие кооперативов, их автономиая, иезависимая от адмиииистрацнн, подчниеиная лишь закону деятельиость станет пробным камнем для Властн, выдвинет перед ией непрнвычные проблемы. Еслн нх будут решать «мнмо права», то кооперативы, семейный подряд, хозрасчет н прочне экономические новшества просто погибиут. Остается иадежда на то, что крнзнсное состояние экономнкн — серьезиый гарант того, что законность здесь все же устоит. Интерес самой Власти совпадает с установлением правового режнма в экоиомике.

У граждаинна, особенно у гражданина, попавшего на орбиту «органов», такого иадежиого, заиитересованиого гаранта пока ие вндать. Ну посаднли, ну выпустнлн, ну возместнли ущерб, извииившись в лучшем случае сквозь зубы. Забыть об этом и браться за другого. А тот, реабнлитированный, не имеет права обратнться в суд с требоваиием привлечь к ответственности тех следователей, которые прнменяли к нему назаконные методы, прокуроров, которые утверждалн заведомо надумаиное обвиннтельное заключение. Реабилнтированиому негде «качать права». Ои, поиятно, может пожаловаться в те же админнстратнвные инстаицнн, что, кстати, н делают. Всем, одиако, ясио, что адмииистратнвиый коитроль над адмнннстративным произволом малоэффектнвеи.

Оспорить действия Власти не жалобой, а судебным иском — вот однн нз действениых элемеитов правоохранительиой системы правового государства. Этого элемеита иет, и появление его не предвиднтся. Правда, статья 58 Констнтуцни СССР 1977 года дала право граждаиина обжаловать действня должностных лнц. Десять лет это право лншь провозглашалось Основным

Законом. В 1987 году принят конкретный закон, долженствующий привести в действие эту статью. Но привел ли?!

Ясно, что председатель, например, исполкома или руководитель учреждения очень легко проведет свое решение через исполком или коллегию. В общем, «оформит». На это прямо указывала пресса перед состоявшейся летом 1987 года сессией Верховного Совета СССР, на которой принимался закон, кстати говоря, без предварительного всенародного обсуждения. Никто не дал хотя бы компетентных объяснений — ни на сессии, ни после нее,— почему же отвергается столь ясное и логичное предложение: предоставить право обжаловать любое незаконное действие, исходит оно от лица или какого-либо органа.

Закон действует. А вот как им реально воспользоваться, как попасть под его спасительную сень — этого граждане не знают. (Таким же, впрочем, малодейственным оказался и закон об ответственности за преследование за критику.) Власти было бы очень неудобно, если бы в судебном порядке оспаривались ее, а не ее отдельных чиновников действия и акты. Лишь на сессиях Верховного Совета СССР в 1989 году демократическая норма обрела силу закона.

Раз уж мы коснулись реабилитации, хотелось бы поговорить о том, как обставляется высший акт торжества справедливости, то есть вынесение оправдательного приговора или же прекращения дела прокуратурой. По-моему, слишком скромно. Иногда до того скромно, что толком никто не знает: оправдан гражданин или прощен; сняли обвинение или просто отпустили из-за недоказанности вины. А ведь реабилитированному должны вернуть все несправедливо отнятые у него гражданские права: должность на работе, честное имя перед общественностью.

К сожалению, не всегда так бывает. Вернее, так почти никогда не бывает. Когда осуждали, машина работала четко и быстро, а в обратном направлении — натужно, со скрипом. Мне приходилось выслушивать горестные рассказы о своих мытарствах очень многих людей, реабилитированных сейчас, в эпоху гласности и демократизации. Почему-то складывается мнение: раз побывал «там»— значит, уже не чист. И печально, когда такую позицию занимают партийные комитеты. Ну а если притом человека не восстанавливают в партии, то... какая уж это реабилитация! Партия у нас не просто общественная организация. КПСС — политический авангард общества.

Каким быть суду

Одни умиый, ио циинчный человек сказал: одна смерть — это смерть, миллнон смертей — это статистнка. Судебная статнстика регистрирует, сколько прнговоров вступнло в закоииую силу, сколько было отмеиено, сколько дел послано на доследоваине, сколько совершено судебных ошибок... Они очень важны, этн подсчеты, как н всякне статнстическне выкладкн. Но куда важнее было бы открыть статистнку: оправдательных приговоров, а также дел, прекращенных по реабнлитнрующнм осиоваиням; сумм, выплаченных людям, без вины просидевшим в тюрьме; длительиости сроков пребываиня за решеткой, а в какнх-то случаях и персоиализации вниовиых в том служителей Фемиды. Гласность — так уж гласность. И оиа важиа ие сама по себе, ие для щекотаиия нервов. Оиа — важнейшнй гарант прав граждаиина, первое средство безраздельного господства права, да и «меч исцеляющий...».

Мы сколько угодио можем ругать иаш суд, говорить о его послушиостн «указаииям» свыше, и все же должны прнзиать: ои первый в снстеме юстнции иачал перестраиваться лнцом к праву. И это предопределеио во миогом самой судебиой процедурой. Оиа не просто определяет порядок рассмотреиия дел, а имеет самодовлеющее значение. В ней заложеиы демократические основы судопронзводства: гласность, состязательиость (участие обвиенння и защиты), обязательиый протокол, порядок вступлення решеиия в закоииую снлу н т. д.

Могут возразить: все процедуры соблюдаются — и гласиость, н состязательность, а все равио сажают без доказательств, иикакие резоиы защиты ие действуют. Самн об этом пнсали... Все так. Но ведь и пнсали потому, что суд открыт, тогда как следствне ведется в тайне глубокой. Потому, иа мой взгляд, суды сейчас оправдывают илн возвращают дела, что онн демократнчиы по изначальиой своей сутн.

Правда и то, что суды ие нспользуют н половниы тех возможиостей быть настоящнм оргаиом Правосудия, которые представляет закои. Я нмею в вндү коллегиальиость выносимых решений. Выбранные иами же иародные заседателн нмеют все возможностн поставнть заслои беззакоиию. Ибо их двое из трех судей, и оии, между прочим, равиоправиы. Ничто ие мешает им выиестн такой прнговор, который подскажет нх совесть. Повторю —

ничто. Кроме того, что они, а значит, и все мы не умеем или боимся пользоваться тем, что у нас в руках. Нет иных причин: ибо народному заседателю за «непослушание» ничто не грозит — от станка или от плуга его не отстранят.

Конечно, неловко бросать упреки тем народным заседателям, которые подписывают приговоры, обрекающие людей без доказанной вины на тяжкие страдания. Кто знает, как они обсуждали результаты процесса: тайна совещательных комнат никому не доступна. Но если двое народных заседателей пишут в газету, что их заставили вынести приговор, который они считают неверным и незаконным (а такой случай был),— то всё, дальше ехать некуда, правосудие оказалось в таком вязком болоте, что само себя оно за косу, как барон Мюнхгаузен, на твердь земную не вытащит. Нужны, значит, реформы сверху и снизу.

Какой приговор вынес бы, например, суд героине прекрасной повести Алексея Толстого «Гадюка»? Помните Ольгу Вячеславовну, бойца гражданской войны, не выдержавшую травли нэпманского мещанского окружения? Она в финале повести стреляет в ту, в которой воплотилась для нее вся мерзость ниспровергнутого старого мира. Писатель ставит точку на том месте, где Ольга Вячеславовна заявляет властям, что, кажется, убила ту женщину.

Каков был бы наш приговор? Не знаю. Но уверен, что сегодняшний суд ее бы осудил. Обязательно. Указал бы на смягчающие обстоятельства, но осудил. Мне, кстати, пришлось однажды познакомиться с уголовным делом, где тоже отчаяние вынудило на крайний поступок.

Некто, назовем его Маслов, явился в милицию и заявил, что «порешил» свою жену и ее сестру. Вот показания Маслова: «У нас четверо детей, двое уже взрослые. После свадьбы ссоры с женой начались сразу. Она уходила от меня, возвращалась, снова уходила. Пить стала. Поступила работать завскладом — каждый день пьяная. А как только ее сестра Мария приезжала — появлялись мужчины. Мне открыто говорила о своих с ними связях. Дети стыдились матери. Я на все плюнул: не уходил только из-за девочек... Вечером приехала сестра жены. Пригласили они двух командировочных и вместе пили. Дочери возмущались. Жена детей на улицу выпроводила: чтобы не мешали. Когда я пришел, слышу, Мария говорит жене моей: «Ты устрой так, чтобы его

забрали и осудили, скандал закати, а его обвини. Квартира твоя будет...» Тут я не выдержал...»

Из показаний дочери: «Папа не пьет и не курит, нас очень любит. Мама увезла нас к бабушке — ходили мы как нищие в школу, мама и там все пропивала. Вернулись к папе — он нас обул и одел...»

Из показаний милиционера: «В 19 часов 8 марта по вызову Маслова я пришел на квартиру. Жена его и ее сестра Мария сидели за столом, с ними были двое мужчин. Пили. Мужчины сказали: «Нас пригласили, мы выпиваем за праздник — не хулиганим». Я ушел — не имел права вмешиваться».

Не стану останавливаться на подробностях. Они таковы, что стыдно писать. Над Масловым мерзко издевались. Суд приговорил его к девяти годам лишения свободы за убийство на почве мести свояченицы и покушение на убийство жены из ревности (та осталась жива). Верховный суд РСФСР отменил приговор, снизил наказание и записал в решении: «Преступлению предшествовала очень сложная и тяжелая бытовая обстановка, возникшая по вине потерпевшей». Уже после этого жена, на жизнь которой покушался муж и которая на суде его поливала грязью, написала такое письмо в Верховный суд РСФСР: «Я полностью признаю себя виноватой, каюсь за страдания, которые причинила мужу. Я вела себя недостойно. В том, что случилось, виновата я».

Нет, очень, очень трудно решать чужую судьбу. Судили человека, который убил. Но ведь рассматривалось и дело человека, который оказался в эпицентре трагедии. Первый суд был, видимо, целиком под влиянием потрясших результатов драмы. Верховный суд РСФСР более тщательно проанализировал все подходы к этой драме. И хотя Маслова не оправдали, но все оценили более объективно. Это особенно отчетливо видно на оценке дополнительной меры наказания. Суд первой инстанции постановил: ходатайствовать о лишении Маслова ордена Отечественной войны и двух орденов Красной Звезды. Это решение Верховный суд РСФСР отменил. Он не отрицал факта преступления, признал Маслова преступником, но... Мне кажется, он очень хотел оправдать убийцу. Но — не мог, не решился, никто бы такого решения «не понял». На оправдание он просто был не способен.

Потому что профессиональный суд не свободен в своих суждениях и выводах. Он так же жестко запрограм-

мирован, как любая аппаратная бюрократическая система. По форме, по принципам, по структуре наш суд вроде бы демократичен. Однако время и обстоятельства исказили его сущность, так же как была искажена идея самой Советской власти: Совет оказался при исполкоме. Ну а демократическое большинство суда (народные заседатели) оказалось при судье по должности. Цели, установки и методы работы такого суда подменили идею Правосудия вполне аппаратными постулатами.

Перед нашим уголовным судом все документы и указания ставят цель — борьба с преступностью. Но истинная цель Правосудия совсем иная: установить объективную истину по делу, оценить, доказана ли вина человека, и решить, что с этим человеком делать. Решая эти задачи, суд не должен оглядываться на состояние преступности, ибо даже если ее уровень очень высок, нельзя человека посадить без вины. А можно не сажать и при наличии вины. Ведь все зависит от характера вины и от сложившихся обстоятельств.

Сошлюсь, что делать, на авторитет. Ленин писал, что суд «является властью местной, которая обязана, с одной стороны, абсолютно соблюдать единые, установленные для всей федерации законы, а с другой стороны, обязана при определении меры наказания учитывать все местные обстоятельства, имеющая при этом право сказать, что хотя закон несомненно был нарушен в таком-то случае, но такие-то близко известные местным людям обстоятельства, выяснившиеся на местном суде, заставляют суд признать необходимым смягчить наказание по отношению к таким-то лицам или даже признать таких-то лиц по суду оправданными».

Аппаратный профессиональный суд во многих случаях не способен подняться до второй части ленинского требования: об этом свидетельствуют факты, в частности и приговор Маслову.

Присяжные могли бы Маслова оправдать...

Как известно, Верховный Совет СССР в принятом им Законе о судоустройстве предусмотрел суд присяжных. При этом Комитет Верховного Совета по законодательству, представляя проект закона, был осторожен: он провозгласил идею, но не предлагал немедленно вводить норму, а подождать до принятия закона о судопроизводстве. Парламент не захотел ждать. Верно, практическое введение нового суда оставлено за республиками.

Многие юристы выдвигали аргументы против такого суда. И главный из них: общество к этому еще не готово. А разве послениколаевское общество середины прошлого века было готово? Тем не менее вслед за отменой крепостного права власть пошла на решительную судебную реформу. Официально узаконенный инквизиционный следственный процесс, соответствующее ему исключительно бюрократическое, причем тайное, судопроизводство при прямом подчинении суда самодержцу или соответственно назначенным им чиновникам сразу же, без всяких переходов заменялись гласным публичным судом с присяжными заседателями.

Произошло чудо. Недавняя «судейская крыса», крючкотвор из казенного ведомства вдруг превратился в общественного деятеля всероссийского звучания. Речи правозащитников печатались в газетах, наиболее яркие ораторские пассажи передавались из уст в уста. Анекдоты, обычно связанные с именем Ф. Н. Плевако, хотя он был лишь одной из «звезд», дошли до наших дней. Совсем недавно скрытое за семью дверями, наводящее на простых смертных страх судопроизводство в то время стало мощным фактором социальной и культурной жизни России, очагом демократии в самодержавном режиме. И это — суд!

Адвокаты становятся кумирами публики, выигрывая самые безнадежные дела. Присяжные заседатели выносят оправдательные приговоры, заставляя власти и консервативную часть общества скрежетать зубами от злости и бессилия. Не хотелось бы лишний раз упоминать оправдание Веры Засулич. В то же время не могу, однако, не сказать о заслуге выдающегося нашего юриста Анатолия Федоровича Кони, председательствовавшего на том суде и давшего напутствие присяжным. Не вольный адвокат, а «ответственный работник» царской юстиции, высокопоставленный судейский чиновник, собственно говоря, благословил оправдательный приговор подсудимой, бросившей вызов самой Власти. Не хочу преуменьшать личного мужества А. Ф. Кони. Только и демократическая атмосфера российского суда третьей четверти XIX века не могла не влиять на его напутственное слово присяжным.

Сошлюсь на еще одно нашумевшее тогда дело — оно в какой-то мере сходно с упомянутым мною делом Маслова. В 1885 году театральный антрепренер из Оренбурга Великанов обанкротился, бросил труппу и жену

и со своей любовницей Каировой уехал в Петербург. Жена тоже туда приехала и предъявила свои права на мужа. Каирова было сначала уступила, уехала, а потом тайком вернулась и полоснула бритвой по горлу жене Великанова. К счастью, та выжила. Не стану подробно описывать перипетии этой любовной истории. Скажу лишь, что присяжные оправдали Каирову, хотя факт преступления был налицо. Мнения общественности о вердикте были самые разноречивые. Достоевский, посвятивший делу Каировой не одну страницу в «Дневнике писателя», занял двойственную позицию. «...Я просто рад, что Каирову отпустили, я не рад лишь тому, что ее оправдали», ибо «убийство есть тяжелая и сложная вещь».

Но хочу в связи с этим привести свидетельство популярной тогда газеты «Новое время» о гражданской зрелости института присяжных. Газета писала: «Еще один приговор присяжных разумный, гуманный, справедливый и притом приговор по делу, в котором коронные судьи, завзятые юристы запутались бы, пожалуй, в дебрях всяких теорий, научных вопросов и всевозможных соображений... Присяжные еще раз доказали, как правильно понимают они лежащие на них обязанности **представителей общественной совести»** (подчеркнуто мною.— *Ю. Ф.*).

Не стану дальше продолжать о суде присяжных той поры. Выскажу лишь предположение, что суд стал тогда, пожалуй, единственным официальным институтом, где российская общественность брала уроки демократии, училась демократии. Мы мало знаем о том, как начинал юридическую карьеру помощник присяжного поверенного (адвоката) Владимир Ильич Ульянов. Но, думаю, не бесследно прошла для него короткая судебная деятельность. Во всяком случае, политик, теоретик и руководитель государства В. И. Ленин считал суд присяжных истинно демократическим учреждением.

Уж коль мы обратились к истории, то надо сказать, что суд присяжных в России занимал яркое, но скромное в количественном смысле место в сословном обществе. До него доходили сравнительно немногие дела. Большинство же тяжб, особенно крестьянских, решалось единолично мировым судьей, а вскоре капитаном-исправником. Присяжные выбирались из «лучших людей». Прокурорами и «коренными судьями», адвокатами тоже был сравнительно узкий, зато хорошо подготовленный круг юристов.

Наш новый закон тоже предусматривает рассмотрение с присяжными сравнительно небольшого числа дел о наиболее тяжких преступлениях. Думаю, присяжным не так легко будет оставаться независимыми и слушать лишь голос своей совести. Нет, начальство вряд ли сможет оказать давление. А общественность? Нужно ведь учитывать и уровень правосознания нашего населения, реальные условия, в которых мы живем. Представьте, завтра вводится суд присяжных; они отдельно от судьи решают вопрос о виновности. Перед судом кооператор, арендатор, торговый работник. Люди, имеющие доходы, превышающие «норму» значительно. Вы уверены, что присяжные будут объективны? Что не поддадутся эмоциям? Любое сомнение в доказанности вины истолкуют в пользу подсудимого? Я — нет, не уверен.

Боюсь, что упования на суд присяжных отодвинут в сторону проблемы нашего обычного суда. А этот суд — судья и два народных заседателя — будет рассматривать подавляющее число уголовных и гражданских дел. Ряд законов (о статусе судей, об ответственности за неуважение к суду), новый порядок формирования судов и т. д.— все это будет способствовать становлению независимого суда. Но этого мало. Вот что, на мой взгляд, нужно сделать: это установить порядок, по которому только единогласно принятый нынешними тремя судьями приговор может иметь законную силу. Нет единства мнений судей — нет решения. И никаких «особых мнений» — только уверенность всех трех в законности и справедливости решения.

Так или иначе, но мы подошли к истинно демократическому, независимому от властей и единственно, на мой взгляд, достойному концепции правового государства суду. Дело за практикой.

При всех поворотах нашего многострадального пути мы не отступились от завоеваний Октября, от социализма. Право только начало устанавливаться, обретать независимую ценность, как его изъяли из гражданского оборота и превратили в постыдное прикрытие произвола.

Так что возврат к началам, в сущности, во многом будет означать новое строительство. Или такие коренные реформы, которые обратят, наконец, Закон лицом к гражданину, а право превратят в неразменную ценность общества, регулирующую отношения государства, общества и личности в духе идей Равенства и Справедливости. А это — идеи Социализма.

Строить на ровном, «расчищенном от исторического хлама» месте гораздо легче, чем коренным образом перестраивать здание, не изгоняя из него жителей. Но именно такова революционная реконструкция, происходящая в нашем обществе. Не все, далеко не все удается. Особенно в области экономики, где действуют мощные инерционные силы. Что же касается политики, государственного строительства, морали, права, то пять лет перестройки принесли такие разительные перемены, какие вряд ли кто из нас мог предвидеть в апреле 1985-го.

Остановлюсь лишь на одном моменте, имеющем прямое отношение к теме. В конце работы II Съезда народных депутатов СССР слушались выводы комиссии по оценке действий следственной группы Прокуратуры СССР — «группы Гдляна». Если вернуться к фактам беззаконий, которые были приведены в докладе и выступлениях, то можно во время накала страстей воскликнуть: «Ничего же не изменилось, все как в 1937-м, только в ослабленном варианте! Те же методы, то же оправдание неправедных путей ради достижения праведной цели — ликвидации мафии. Все это уже было».

Верно, все это **было**. Но **стало** все не так, совсем не так. Публично, перед всей страной носители следственной власти держали ответ за свои действия. Уже одно это разве не свидетельствует о том, что бесконтрольности власти приходит конец? Мы, возможно, еще не раз встретимся с фактами нарушений закона. Но вряд ли уже будет возможно их оправдание.

Без власти нет Общества. Она всегда манит как подвижников, так и честолюбцев, как борцов за народное дело, так и угнетателей народа. Только независимое право способно поощрить первых и пресечь поползновения вторых. Такое право пусть с трудом, но входит, похоже, в нашу жизнь.

Оглавление

Юрий Васильевич
Феофанов

БРЕМЯ
ВЛАСТИ

Редактор *А. Д. Ласточкин*
Младший редактор *Л. А. Жукова*
Художиик *В. Н. Суханов*
Художествениый редактор *П. В. Меркулов*
Техиический редактор *Е. Ю. Куликова*
ИБ № 8232

Сдаио в набор 09.10.89. Подписаио в печать 13.02.90. А 00024. Формат $84\times108^1/_{32}$. Бумагв типографская № 1. Гаринтура «Литературиая». Печать высокая. Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 15,54. Уч.-изд. л. 16,10. Тираж 300 000 (1—150 000) экз. Заквз № 545. Цена 1 руб.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография издвтельства «Уральский рабочий». 620151, Свердловск, пр Лениина, 49.

аго.

ратьев Бочарниковых.

Честь мундира.

Двое на вершине.

Ложь во спасение?

Судьба под № 117.

Грузчик Иван Демура — „враг народа".

Дочки Арбата.

Возвращение к истокам.